

1914.

Годъ 22.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

— 96 —
АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 1.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1914.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взаимнѣ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состояла въ обмѣнѣ изданіями въ прошломъ 1913 году, продолжать этотъ обмѣнъ и въ текущемъ 1914 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1914.

Годъ 22.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 1.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1914

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 8 февраля 1914 г.

№ 131.

Ректоръ: В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.	Стр.
Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. 1914 г. I сем.	1— 16

Приложенія.

А. Яценко. Теорія федерализма	I—X и I—256
---	-------------

ОБОЗРѢНІЕ
ЛЕКЦІЙ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ЮРЬЕВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1914 г. I семестръ.

Профессоръ православнаго богословія.

Маг. **А. С. Царевскій**, протоіерей: православное богословіе 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 4—6 ч.

І. Богословскій факультетъ.

Маг. (Почетный Докторъ богословія Берлинскаго Университета) **К. Ю. Гиргенсонъ**, экстраорд. проф. систематическаго богословія, Деканъ: 1) догматика, ч. II, (систематика), 6 ч. въ нед., по понед., вторн., сред., четв. и субб. отъ 11—12 ч. и по пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) практическія занятія по *E. Tröltsch*, собранныя сочиненія Томъ I, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 6—8 ч.; — 3) практическія занятія по библии (безплатно), 2 час. въ нед., которые будутъ назначены вполѣдствіи.

Докт. **І. І. Квачала**, орд. проф. историческаго богословія: 1) церковная исторія ч. IV., 4 ч. въ нед., по понед., вторн. и сред. отъ 5—6 ч. и по вторн. отъ 6—7 ч.; — 2) символика, ч. II, 2 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 6—7 ч.

Маг. (Почетный Докторъ богословія Эбердинскаго Университета) **А. М. фонъ Бульмерингъ**, испр. должн. орд. проф. семитскихъ языковъ: 1) библейское богословіе Ветхаго Заѣта ч. II, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 8—9 ч.; — 2) объясненіе дополненныхъ малыхъ пророковъ, 3 час. въ нед., по вторн., четв. и субб. отъ 8—9 ч.; — 3) практическія занятія по Ветхому Заѣту (пророкъ Исаіа гл. 28—33), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 9—10 ч.; — 4) арабскій языкъ, для студ. старш. курсовъ, (чтеніе христоматіи *A. Fischer's*) 1 ч. въ нед., по понед. отъ 9—10 ч.

Маг. (Почетный докторъ богословія Ростокскаго Университета) **Т. Т. Ганъ**, экстраорд. проф. практическаго богословія, пасторъ университетскаго прихода: 1) душепопеченіе, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 9—11 ч.; — 2) діаконика, 3 час. въ нед., по понед. и четв. отъ 9—10 ч. и по вторн. отъ 10—11 ч.; — 3) гомилетическій и катехизическій семинарій, 3 ч. въ нед., по четв. отъ 5—6 ч. и по пятн. отъ 10—12 ч.

Маг. (Почетный докторъ богословія Галле-Виттенбергскаго Университета) **К. К. Грассъ**, экстраорд. проф. экзегетическаго богословія: 1) библейское богословіе Новаго Заѣта ч. II, 3 ч. въ нед. по понед. вторн. и сред. отъ 1—2 ч.; — 2) грамматика Ново-Заѣтнаго греческаго языка, 4 ч. въ нед., по сред. четв., пятн. и субб. отъ 12—1 ч.

Маг. **І. А. Фрей**, доцентъ экзегетическаго богословія: библейская исторія Новаго Заѣта, ч. II (исторія апостоловъ), 4 ч. въ нед., по понед., вторн., сред. и четв. отъ 10—11 ч.

Маг. О. Г. Зеземанъ, (Докторъ философіи Лейпцигскаго Университета, доцентъ семитскихъ языковъ: 1) еврейская грамматика (продолженіе, синтаксисъ), 2 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 4—5 ч.; — 2 введеніе въ Ветхій Заветъ (продолженіе), 3 ч. въ нед., понед. и вторн. отъ 12—1 ч. и субб. отъ 9—10 ч.; — 3 арабскій языкъ для начинающихъ, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 4—5 ч.; — практическія занятія по еврейской грамматикѣ, 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—5 ч.

II. Юридическій факультетъ.

Маг. А. Л. баронъ Фрейтагъ-Лоринговенъ, экстраорд. проф. римскаго права, Деканъ: 1) исторія римскаго права, 6 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 10—12 ч., и по пятн. и субб. отъ 12—1 ч.; — 2) гражданское право, 6 ч. въ нед., по понед., и вторн. отъ 1—2 ч. и по пятн. и субб. отъ 10—12 ч. (Ауд. № 1).

Докт. П. П. Пусторослевъ, орд. проф. уголовного права: 1) уголовное право (особенная часть), 6 ч. въ нед., по понед., сред. и четв. отъ 4—6.; — 2) уголовное судопроизводство, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 4—5 ч. и по пятн. отъ 4—6 ч.; — 3) практическія занятія по уголовному праву (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—7 ч. (Ауд. № 2).

Докт. М. Е. Красноженъ, орд. проф. церковнаго права: 1) устройство церквей римско-католической, евангелическо-лютеранской и армяно-грегоріанской; церковное управленіе, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 9—11 ч.; — 2) практическія занятія (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 4—6 ч.

Маг. В. Э. Грабаръ, испр. должн. орд. проф. международнаго права: 1) международное право, ч. II, 4 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по международному праву (бесплатно, необязательно), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 6—8 ч. (Ауд. № 2).

Докт. Л. А. Шалландъ, испр. должн. орд. проф. государственнаго права: 1) государственное право, 6 ч. въ нед., по четв., пятн. и субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія занятія по государственному праву (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—7 ч.; — 3) полицейское право, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи. (Ауд. № 6).

Докт. Ѳ. В. Тарановскій. орд. проф. исторіи русскаго права: 1) исторія русскаго права, часть вторая, 6 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч., по пятн. и субб. отъ 10—12 ч.; — 2) практическія занятія по исторіи русскаго права (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 6—8 ч.; — 3) исторія философіи права, 4 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи. (Ауд. № 6).

Маг. **Б. В. Никольскій**, испр. должн. орд. проф. римскаго права: догма римскаго права, 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впоследствии.

Маг-нтъ **А. С. Невзоровъ**, испр. должн. экстраорд. проф. торговаго права: 1) торговое право, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 12—2 ч.; — 2) гражданское судопроизводство, 3 ч. въ нед., по вторн., сред. и четв. отъ 11—12 ч.; 3) мѣстное гражданское право Прибалтійскихъ губерній, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 12—2 ч.; — 4) практическія занятія, (бесплатно, необязательно), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 6—8 ч. (Ауд. № 2.)

Маг. **М. А. Сириновъ**, экстраорд. проф. политической экономіи и статистики: 1) статистика, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч.; — 2) политическая экономія, 4 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—6 ч. и по субб. отъ 10—12 ч.; — 3) практическія занятія по политической экономіи, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.

Маг-нтъ **В. В. Леонтьевъ**, (Докторъ политической экономіи Мюнхенскаго Университета), приватъ-доцентъ политической экономіи и статистики: финансовое право (наука о финансахъ), 4 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч. и по пятн. отъ 3—5 ч.

III. Медицинскій Факультетъ.

Докт. **В. А. Афанасьевъ**, орд. проф. общей патологіи и патологической анатоміи, Деканъ: 1) общая патологія, 4 ч. въ нед., по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) частная патологическая анатомія, ч. II, 4 ч. въ нед., въ тѣ-же дни отъ 10—11 ч.; — 3) практическій курсъ патологической гистологіи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч.; — 4) практическія упражненія (бесплатно), ежедневно отъ 9—4 ч. (Лекціи и практич. упражн. въ патологич. институтѣ).

Докт. **Б. А. Керберъ**, заслуж. орд. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія, лекцій не читаетъ.

Докт. **К. К. Дегіо**, заслуж. орд. проф. специальной патологіи и клиники: терапевтическая факультетская клиника (для студентовъ IV курса), 6 ч. въ нед., по понед., вторн., четв. и пятн. отъ 9½—11 ч. (Въ медицинской клиникѣ).

Докт. **В. Ф. Чижъ**, орд. проф. психіатріи: 1) общая патологія нервной системъ, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч. въ аудиторіи акушерской клиники; — 2) клиника нервныхъ и душевныхъ болѣзней, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по сред. отъ 3—5 ч. въ психіатрической клиникѣ.

Докт. **А. С. Игнатовскій**, орд. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія: 1) теоретическій курсъ по судебной медицинѣ (для студентовъ IV курса, 4 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 11—12 ч. и по субб. отъ 12—2 ч.; — 2) практическія упражненія по судебной медицинѣ и по вскрытію труповъ, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 5—7 ч. или въ другіе дни, въ

случаѣ необходимости произвести судебно-медицинскія вскрытія неотложно; — 3) первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, для фармацевтовъ и студентовъ, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—6 ч. (Въ судебно-медиц. институтѣ).

Докт. В. П. Курчинскій, орд. проф. физиологіи: 1) физиологія, 6 ч. въ нед.; — 2) физиологическая химія, съ практическими занятіями въ лабораторіи, 4 ч. въ нед. (по группамъ). Лекціи и практическія занятія будутъ происходить въ физиологическомъ институтѣ по вторн., сред., четв. и пятн. отъ 11—1 ч. и отъ 5—9 ч. (въ томъ числѣ 14 ч. практическихъ занятій бесплатно).

Маг. И. Л. Кондаковъ, испр. должн. орд. проф. фармаціи: 1) фармація (для медиковъ), 4 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по субб. отъ 9—11 ч.; — 2) фармацевтическая химія (для фармацевтовъ 4-го семестра), 5 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—11 ч. — по сред. отъ 10—12 ч. и по пятн. отъ 10—12 ч.; — 3) практическія занятія по качественному анализу: а) для медиковъ, 3 ч. въ нед., по пятн. отъ 2—5 ч.; б) для фармацевтовъ 2-го семестра, 5 ч. въ нед., по вторн. отъ 2—4 и по пятн. отъ 2—5 ч.; — 4) практическія занятія по судебной химіи (для фармацевтовъ 4-го семестра), 5 ч. въ нед., по сред. отъ 2—5 ч. и по четв. отъ 2—4 ч.; — 5) объемный анализъ (для фармацевтовъ 4-го семестра), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 2—5 ч. (Въ фармацевтическомъ институтѣ).

Докт. В. Г. Цеге фонъ Мантейфель, орд. проф. хирургіи: 1) хирургическая клиника, 12 ч. въ нед., ежедневно отъ 12—2 ч. (6 ч. бесплатно) въ хирургической клиникѣ; — 2) хирургическая поликлиника, (вмѣстѣ съ ассистентами), 4 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 9—11 ч. въ помѣщеніи хирургич. клин. въ подвалѣ.

Докт. С. Д. Михновъ, орд. проф. акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней: 1) теоретическія лекціи по гинекологіи (для студентовъ III курса), 3 ч. въ нед., по вторн. и субб. отъ 7—8¹/₂ ч.; — 2) клиническія лекціи (для студентовъ IV курса), 6 ч. въ нед., по понед., четв., пятн. и субб. отъ 11—12 ч. и по пятн. отъ 6—8 ч. (Въ аудиторіи акушерской клиники).

Докт. Д. М. Лавровъ, орд. проф. фармакологіи, діететики и исторіи медицины: 1) фармакологія съ токсикологіею, рецептурою и ученіемъ о минеральныхъ водахъ для студентовъ-медиковъ, 6 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 11—1 ч.; — 2) фармакологія съ токсикологіею (для слушателей фармаціи), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 5—6 ч. (Въ аудиторіи фармакологическаго института).

Докт. М. И. Ростовцевъ, орд. проф. хирургіи: 1) курсъ общей хирургіи (для студентовъ III курса), 3 ч. въ нед., по понед., отъ 6—7¹/₂ ч. и по четв. отъ 11—12¹/₂ ч.; — 2) хирургическая госпитальная клиника (для студентовъ V курса), 6 ч. въ нед., по вторн. отъ 1—2¹/₂ ч., по сред., пятн. и субб. отъ 12—2 ч. (Въ аудиторіи госпитальн. хирург. клиники).

Докт. Е. А. Шепиловскій, ордин. проф. государственнаго врачебно-вѣдѣнія: 1) гигиена, теоретическій курсъ, ч. II, 4 ч.

въ нед., по понед. и субб. отъ 5—7 ч.; 2) эпизоотологія и ветеринарная полиція, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 7—9 ч.; — 3) теоретическій курсъ бактериологіи, 6 ч. въ нед. (необязательно); 4) методика санитарныхъ и клиническихъ бактериологическихъ изслѣдованій, 6 ч. въ нед. [35—40 слушателей, необязательно], часы будутъ назначены впоследствии. (Въ аудиторіи новоанатомическаго зданія).

Докт. **А. И. Яроцкій**, орд. проф. специальной патологіи и клиники: терапевтическая госпитальная клиника, 6 ч. въ нед., по понед., сред., пятн. и субб. отъ 9½—11 ч. въ госпитальн. терапевт. клиникѣ.

Докт. **Н. Н. Бурденко**, экстраорд. проф. оперативной хирургіи: 1) веденіе практическихъ упражненій по оперативной хирургіи, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 6—8 ч.; 2) оперативная хирургія и топографическая анатомія съ десмургіей, 3 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—2 ч. и сред. отъ 5—6 ч. (Въ анатомическомъ институтѣ).

Докт. **А. Г. Лютневичъ**, экстраорд. проф. офтальмологіи и офтальмологической клиники: клиническія лекціи по офтальмологіи, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч. (Въ аудиторіи глазной клиники).

Докт. **Н. Н. Вестенрикъ**, экстраорд. проф. специальной патологіи и клиники: 1) врачебная діагностика (для студентовъ III курса) 4 ч. въ нед., по вторн. отъ 11—12 ч., по сред. отъ 1—2½ ч. и по четв. отъ 12½—2 ч.; — 2) поликлиника (для студентовъ V курса), 6 ч. въ нед., по вторн. сред. и четв. отъ 3—5 ч.; — 3) теоретическій курсъ частной патологіи и терапіи, 4 ч. въ нед., по понед. отъ 2—4 ч. и по вторн. отъ 5—7 ч. (Въ аудиторіи поликлиники).

Докт. **В. П. Жуковский**, сверхшт. экстраорд. проф. дѣтскихъ болѣзней: 1) курсъ дѣтскихъ болѣзней, 4 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 3—5 ч.; — 2) специальный курсъ по оспопрививанію (для студентовъ разныхъ курсовъ, ищущихъ званія оспопрививателя). (Въ аудиторіи дѣтской клиники).

Докт. **В. Я. Рубашкинъ**, экстраорд. проф. сравнительной анатоміи, эмбриологіи и гистологіи: 1) гистологія и эмбриологія съ практическими занятіями, 9 ч. въ нед. (изъ нихъ 3 ч. бесплатно,) по понед., сред. и четв. отъ 12—2 ч., по вторн. отъ 5—7 ч. и по пятн. отъ 6—7 ч.; — 2) сравнительная анатомія, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 10—12 ч. (Въ аудиторіи анатомическаго зданія).

Докт. **Г. А. Адольфи**, экстраорд. проф. анатоміи: 1) анатомія человѣка, ч. II, 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 8—9 ч.; — 2) практическія занятія по анатоміи, ежедневно отъ 9—1 ч. и отъ 3—6 ч. (Въ анатомическомъ институтѣ).

Маг. **И. В. Шиндельмейзеръ**, ученый аптекарь: 1) отдѣльныя главы изъ судебной химіи, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ

- 12—1 ч.; 2) фармацевтическая бухгалтерия, 1 ч. въ нед. по четв. отъ 12—1 ч. (Въ фармацевтич. институтъ).
- Докт. **И. Ю. Мейеръ**, приватъ-доцентъ акушерства и гинекологіи: практическія занятія на фантомъ (для студентовъ IV курса) 1 ч. въ нед., по понед. отъ 7—8 ч. (Въ женской клиникѣ).
- Докт. **И. В. Георгіевскій**, приватъ-доцентъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи и сверхштатный ассистентъ кабинета оперативной хирургіи: малая хирургія, ч. II, 3 ч. въ нед., по пятн. отъ 3½—5 ч. и по субб. отъ 5½—7 ч. (Въ аудиторіи кабинета оперативной хирургіи).
- Докт. **А. К. Пальдрокъ**, приватъ-доцентъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней: 1) курсъ по сифилису и кожнымъ болѣзнямъ, 3 ч. въ нед., по понед., вторн. и четв. отъ 12—1 ч.; — 2) приемъ больныхъ, 1 ч. въ нед. по вторн. отъ 11—12 ч. дня. (Въ амбулаторіи кожн. и венер. болѣзней — по Ботанической ул. № 31).
- Докт. **Г. И. Коппель**, приватъ-доцентъ ушныхъ, носовыхъ и горловыхъ болѣзней и ассистентъ поликлиники: курсъ отол., рино- и ларингологіи; 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 6—8 ч. (Въ аудиторіи поликлиники).
- Докт. **И. И. Широкогоровъ**, приватъ-доцентъ по общей патологіи и патологической анатоміи и помощникъ прозектора патологическаго института: 1) демонстративный курсъ патологической анатоміи, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 3—5 ч. (для студ. 4 и 5 курс.); — 2) гистологическая техника въ связи съ занятіями по патологической гистологіи, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 9—11 ч. и по пятн. отъ 5—6 ч. (Въ аудит. патологич. института).
- Докт. **Э. Г. Ландау**, приватъ-доцентъ анатоміи, находится въ заграничной командировкѣ.
- Докт. **Ө. Т. Тюльпинъ**, приватъ-доцентъ специальной патологіи и клиники и сверхштатный ассистентъ поликлиники: будетъ читать бесплатно частную патологію и терапію болѣзней органовъ дыханія съ демонстраціею больныхъ, для студентовъ 3-го и 4-го курсовъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 4—5 ч. (Въ помѣщеніи поликлиники).
- Докт. **Э. Э. Мазингъ**, приватъ-доцентъ специальной патологіи и клиники: 1) клиническія лекціи (бесплатно), 3 ч. въ нед., по сред. и субб. отъ 9½—11 ч.; — 2) практическія химико-микроскопическія занятія, 3 ч. въ нед., изъ нихъ 2 ч. бесплатно, повторн., сред. и четв. отъ 6—7 ч. (Въ медицинской клиникѣ).
- Докт. **А. И. Ющенко**, приватъ-доцентъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, въ текущемъ семестрѣ лекцій не читаетъ.
- Докт. **М. В. Брезовскій**, приватъ-доцентъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней: введеніе въ психіатрическую клинику, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 5—7 ч. (Въ аудит. медицинской клиники).
- Докт. **О. Г. Ротбергъ**, приватъ-доцентъ по дѣтскимъ болѣзнямъ: 1) расстройства питаніи у грудныхъ дѣтей и ихъ

терапия, 1 ч. въ нед. (безплатно), — 2) отдѣльныя главы изъ курса дѣтскихъ болѣзней съ демонстраціей больныхъ, 1 ч. въ нед. (безплатно). Дни и часы будутъ назначены впослѣдствіи. (Въ аудиторіи медицинской клиники).

Докт. **В. Н. Воронцовъ**, приватъ-доцентъ фармакологіи, токсикологіи и бальнеологіи: мѣстно анестезирующія вещества, 1 ч. въ нед., (необязательно), день и часъ будутъ назначены впослѣдствіи. (Въ аудиторіи фармакологическаго института).

Докт. **Н. И. Лепорскій**, приватъ-доцентъ специальной патологіи и клиники: общая терапия (безплатно), 2 ч. въ нед., по четв., отъ 4—6 ч. (Въ аудиторіи Ново-анатомическаго зданія).

Докт. **О. М. Хольбекъ**, приватъ-доцентъ хирургіи, клиническія лекціи по хирургіи, (безплатно), 4 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 12—2 ч. (Въ хирургической клиникѣ).

Докт. **Н. Ф. Гамалѣя**, приватъ-доцентъ гігіены и бактеріологіи, въ текущемъ семестрѣ лекцій не читаетъ.

Докт. **Э. Г. Террепсонъ**, приватъ-доцентъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней: курсъ венерическихъ болѣзней съ демонстраціями больныхъ, 2 ч. въ нед., по сред. и пятн. отъ 7—8 ч. (по Александровской ул. № 80^а въ мужскомъ отдѣленіи городской больницы).

* * *

Г. О. Вельцъ, учитель массажа, врачебной гимнастики и механотерапіи: 1) полный курсъ массажа, врачебной гимнастики и механотерапіи, 6 ч. въ нед., по понед., четв. и пятн. отъ 7—9 ч. — (въ помѣщ. хирургич. поликлиники); — 2) практическія упражненія въ хирургической поликлиникѣ и клиникахъ, 6 ч. въ нед. (безплатно).

IV. Историко-филологическій Факультетъ.

Докт. **М. Н. Крашенинниковъ**, орд. проф. древне-классической филологіи и исторіи литературы, Деканъ: 1) Паниній Стацій (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—6 ч.; — 2) Письма Плинія Младшаго, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 4—6 ч.; — 3) Латинскій синтаксисъ и стилистика съ практическими упражненіями (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 5—7 ч.; — 4) Древняя исторія, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 3—5 ч.; — 5) Элементарный курсъ греческаго языка, 3 ч. въ нед., по сред. отъ 6—8 ч. и по пятн. отъ 6—7 ч.

Докт. **Е. В. Пѣтуховъ**, орд. проф. русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣднія вообще: 1) русская литература первой половины XIX вѣка (общій курсъ), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч. и по сред. отъ 10—11 ч.; — 2) источники и пособия по исторіи русской литературы, въ связи съ литературной методологіей (спеціальныя

курсъ, для словесниковъ старшихъ семестровъ) 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 12—2 ч.; — 3) практическія занятія (А. Н. Островскій, Ф. М. Достоевскій), 1 ч. въ нед., по сред. отъ 11—12 ч.

Докт. **Я. Ф. Озе**, орд. проф. философіи и педагогики: 1) исторія новой философіи, ч. II, 4 ч. въ нед., (2 ч. бесплатно), по четв. и пятн. отъ 11—1 ч.; — 2) логика, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 11—1 ч.

Докт. **Л. К. Мазингъ**, заслуж. орд. проф. сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій: 1) сравнительная грамматика славянскихъ языковъ (окончаніе), 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 10—11 ч.; — 2) славянскіе тексты, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 11—12 ч.; — 3) фізіологія языковыхъ звуковъ, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 10—11 ч.; — 4) практическія занятія, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 11—12 ч.

Маг. **Д. Н. Кудрявскій**, испр. должн. орд. проф. нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 4—6 ч.; — 2) введеніе въ языкознаніе (продолженіе курса прошлаго семестра), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 4—6 ч.

Докт. **И. И. Лаппо**, орд. проф. русской исторіи: 1) общій курсъ русской исторіи (продолженіе курса предшествующаго семестра), 4 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч., и по сред. отъ 11—1 ч.; — 2) русская исторіографія, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 10—12 ч.

Докт. **Н. К. Грунскій**, орд. проф. русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще: 1) русскій языкъ, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 12—1 ч.; — 2) древне-церковно-славянскій языкъ, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 1—2 ч.; — 3) практическія занятія по русскому и древне-церковнославянскому языкамъ, 2 ч. въ нед., по сред. отъ 12—2 ч.; — 4) исторія славянскихъ литературъ, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч.

Маг. **Г. Ф. Церетели**, экстраорд. проф. древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей: 1) избранныя рѣчи Лисія (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед. по понед., отъ 10—12 ч.; — 2) греческая лирика: мелическіе поэты (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—12 ч.; — 3) греческая палеографія: папирусы римскаго и византійскаго періодовъ (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по сред. отъ 10—12 ч.; — 4) практическія занятія по греческому синтаксису (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 12—1 ч.

Маг. **Э. Р. Фельсбергъ**, экстраорд. проф. древне-классической филологіи и археологій: 1) исторія античнаго искусства (для специалистовъ классиковъ), 2 ч. въ нед., по понед. отъ 12—2 ч.; — 2) греческія и римскія частныя древ-

ности, 2 ч. въ нед., по четв. отъ 12—2 ч.; — 3) „біографія Θεμιστοκλα“ Плутарха, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 9—11 ч.; — 4) лекторскій курсъ нѣмецкаго языка, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены вполслѣдствіи.

Докт. Е. В. Тарле, экстраорд. проф. всеобщей исторіи: 1) новая исторія (общій курсъ), 4 ч. въ нед., по пятн. отъ 4—6 ч. и по субб. отъ 11—1 ч.; — 2) практическія занятія по разбору документовъ, относящихся къ франко-русскимъ отношеніямъ при Наполеонѣ I, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.

Маг. В. Э. Регель, экстраорд. проф. всеобщей исторіи: 1) исторія среднихъ вѣковъ, 2 ч. въ нед., по вторн. и сред. отъ 1—2 ч.; — 2) исторія Византіи, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 6—8 ч.; — 3) практическія занятія, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 6—8 ч.

Маг. В. Ф. Шлютеръ, приватъ-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія, объявитъ свои лекціи вполслѣдствіи.

Маг. Я. И. Лаутенбахъ, приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣдѣнія и лекторъ латышскаго языка: 1) исторія всеобщей литературы: а) французская литература XVIII ст. (Вольтеръ и его время), 2 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 9—10 ч.; б) испанская поэзія въ XVI ст. (возрожденіе въ Испаніи), 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—10 ч.; — 2) начальный курсъ литовскаго языка (Metas Доналиціуса), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 3—4 ч.

Маг-нтъ П. А. Яковенко, приватъ-доцентъ всеобщей исторіи: исторія славянъ (исторія Сербіи въ средніе вѣка), 4 ч. въ нед. Дни и часы будутъ объявлены вполслѣдствіи.

Маг-нтъ Г. А. Замятинъ, приватъ-доцентъ всеобщей исторіи: 1) исторія церкви (II—III вв.), 2 ч. въ нед., по четв. отъ 9—11 ч.; — 2) исторія западной церкви въ средніе вѣка, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч.

V. Физико-математическій Факультетъ.

Докт. В. Е. Тарасенко, орд. проф. минералогіи, Деканъ: 1) кристаллографія, 4 ч. въ нед., по понед., сред., четв. и пятн. отъ 1—2 ч.; — 2) коллоквиумъ по кристаллографіи (необязательно, бесплатно); 2 ч. въ нед., по сред. отъ 6—8 ч.; — 3) петрографія, 2 ч. въ нед., по вторн. отъ 1—2 ч.; и по субб. отъ 11—12 ч.; — 4) практическія занятія по кристаллографіи, (необязательно, бесплатно), 2 ч. въ нед., по субб. отъ 12—2 ч. (минералогич. кабинетъ).

Докт. Ю. Г. фонъ Кеннель, заслуж. орд. проф. зоологіи: 1) спеціальная зоологія безпозвоночныхъ животныхъ (отъ моллюсковъ), 5 ч. въ нед., по понед., вторн., сред., четв. и пятн. отъ 12—1 ч.; — 2) практическія занятія по зоологіи безпозвоночныхъ животныхъ, 4 ч. въ нед., по сред. и четв. отъ 4—6 ч.; — 3) спеціальныя практическія занятія въ зоологическомъ институтѣ (безплатно), въ свободное для этого часы.

Докт. Б. И. Срезневскій, орд. проф. физической географіи и метеорологіи: 1) метеорологія, 3 ч. въ нед., по понед. отъ 6—7 ч. и по сред. отъ 5—7 ч.; — 2) практическія занятія по метеорологіи, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 6—8 ч.; — 3) атмосферное электричество (для специалистовъ), 1 ч. въ нед., по пятн. отъ 5—6 ч.; — 4) физическая географія, 1 ч. въ нед., по понед. отъ 5—6 ч.

Маг. А. И. Садовскій, испр. должн. орд. проф. физики; 1) общій отъсъ физики, ч. II, 5 ч. въ нед., въ первые 5 дней недѣли кур 11—12 ч.; — 2) спеціальный курсъ оптики, ч. II, 3 ч. въ нед., по понед., сред. и пятн. отъ 9—10 ч.; — 3) практическія занятія въ лабораторіи, 6 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Докт. Н. И. Кузнецовъ, орд. проф. ботаники: 1) курсъ систематики растений, 5 ч. въ нед., по четв. отъ 9—10 ч. и по пятн. и субб. отъ 9—11 ч. утра, въ аудиторіи ботаническаго сада; — 2) практическія занятія по систематикѣ растений, 2 ч. въ нед., по группамъ, по субб. отъ 11—1 ч. и отъ 2—4 ч. дня, въ ботаническомъ кабинетѣ; — 3) коллоквиумъ по ботаникѣ (необязательно, бесплатно), по понед. отъ 6—8 ч. вечера, въ ботаническомъ кабинетѣ.

Докт. В. Г. Алексѣевъ, орд. проф. чистой математики, Ректоръ: 1) высшая алгебра, 4 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 10—12 ч.; — 2) интегральное исчисленіе, ч. II, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч.

Докт. П. П. Граве, орд. проф. чистой математики: 1) аналитическая геометрія пространства, 4 ч. въ нед., по понед., вторн., четв., и пятн. отъ 12—1 ч., 1 ч. практическія занятія по субб.; — 2) курсъ дифференціального исчисленія (аналитическія приложенія), 4 ч. въ нед., по вторн., сред., пятн. и субб. отъ 1—2 ч.; — 3) эллиптическія функціи, 4 ч. въ нед., по понед., сред., четв. и субб. отъ 11—12 ч.

Докт. К. К. Сентъ-Илеръ, орд. проф. зоологіи: 1) сравнительная анатомія и эмбриологія безпозвоночныхъ животныхъ, 5 ч. въ нед., по понед., вторн., сред., четв. и субб. отъ 12—1 ч.; — 2) практическія занятія по анатоміи и эмбриологіи безпозвоночныхъ животныхъ, 2 ч. въ нед., по соглашенію со слушателями; — 3) практическія занятія по гистологіи животныхъ, 4 ч. въ нед., по понед. и субб. отъ 12—2 ч.; — 4) практическій курсъ ихтиологіи, 2 ч. въ нед., по соглашенію со слушателями.

Маг-нтъ С. К. Богушевскій, испр. должн. экстраорд. проф. сельскаго хозяйства и технологіи: 1) общее скотоводство, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 4—6 ч.; 2) почвовѣдѣніе, 3 ч. въ нед., (1 часть бесплатно), по сред. отъ 4—6 ч. и по субб. отъ 4—5 ч.; — 3) сельскохозяйственное счетоводство, 1 ч. въ нед., по субб. отъ 5—6 ч.; — 4) лѣсоводство, 2 ч. въ нед., которые будутъ назначены впослѣдствіи.

Маг. К. Д. Покровскій, экстраорд. проф. астрономіи: 1) общій

курсъ астрономіи, ч. I, 4 ч. въ нед., по понед. и сред. отъ 9—11 ч.; — 2) практическая астрономія, 2 ч. въ нед., по вторн. и четв. отъ 9—10 ч.; — 3) основы высшаго анализа (для студентовъ химиковъ), 4 ч. въ нед., по понед., вторн., сред. и четв. отъ 6—7 ч.

Маг. **А. Д. Богоявленскій**, экстраорд. проф. химіи: 1) органическая химія, 5 ч. въ нед., въ первые 4 дня недѣли отъ 10—11 ч., и по пятн. отъ 1—2 ч.; — 2) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. Г. А. Ландезеномъ и приватъ-доцентомъ Н. В. Култашевымъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. **Г. А. Ландезенъ**, экстраорд. проф. химіи: 1) аналитическая химія, 4 ч. въ нед., въ первые четыре дня недѣли отъ 9—10 ч.; — 2) специальный курсъ неорганической химіи (введеніе въ физич. химію), 3 ч. въ нед., по понед. отъ 12—1 ч., по пятн. и субб. отъ 9—10 ч.; — 3) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. А. Д. Богоявленскимъ и прив.-доц. Н. В. Култашевымъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. **А. И. Томсонъ**, экстраорд. проф. сельскаго хозяйства и технологіи: 1) сельскохозяйственная технологія, 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 10—11 ч.; — 2) агрономическая химія, ч. II, 2 ч. въ нед., по сред. 11—12 ч. и по четв. отъ 10—11 ч.; — 3) растеніеводство (продолженіе), 2 ч. въ нед., по пятн. и субб. отъ 10—11 ч.; — 4) практическія занятія въ лабораторіи, 6 ч. въ нед., по понед., вторн., четв., пятн. и субб. отъ 11—12 ч. и по сред. отъ 12—1 ч.

Маг-нтъ **Н. В. Култашевъ**, приватъ-доцентъ химіи и помощникъ директора химическаго кабинета: 1) практическая минералогія, 2 ч. въ нед., по субб. отъ 4—6 ч.; — 2) практическія занятія въ химической лабораторіи (совмѣстно съ проф. А. Д. Богоявленскимъ и проф. Г. А. Ландезеномъ), 6 ч. въ нед., ежедневно отъ 11—12 ч.

Маг. **Б. Б. Гриневецкій**, приватъ-доцентъ ботаники и помощникъ директора ботаническаго сада: 1) анатомія растеній, 5 ч. въ нед., по понед. и вторн. отъ 10—12 ч. и сред. отъ 9—10 ч.; — 2) практическія занятія по анатоміи растеній, 2 ч. въ нед., по пятн. отъ 9—11 ч. (для работавшихъ уже 1 семестръ).

Маг-нтъ **В. В. Богачевъ**, приватъ-доцентъ геологіи.

П. Ф. Никитинъ, инженеръ-технологъ, архитекторъ и преподаватель началъ архитектуры: сельско-хозяйственная архитектура и сельско-хозяйственное межеваніе, 4 ч. въ нед., по четв. и субб. отъ 4—6 ч.

Маг-нтъ **Э. Г. Шенбергъ**, (Докторъ философіи Кильскаго Университета), астрономъ-наблюдатель: методъ научныхъ вычисленій, (необязательно, бесплатно), 3 ч. въ нед., (часы по приглашенію со слушателями).

VI. Уроки по языкамъ и искусствамъ.

Маг. Я. И. Лаутенбахъ, лекторъ латышскаго языка и приватъ-доцентъ сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) латышская грамматика (фонетика), 1 ч. въ нед., по понед. отъ 3—4 ч.; — 2) исторія латышской литературы новѣйшаго времени (продолженіе), 1 ч. въ нед., по вторн. отъ 3—4 ч.; — 3) практическія занятія (репетиторій латышскаго синтаксиса, чтеніе избранныхъ памятниковъ латышской словесности), 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 4—5 ч.

Л. Э. Овень, и. о. лектора англійскаго языка: 1) англійская элементарная грамматика и чтеніе текстовъ, 2 ч. въ нед., по вторн. и пятн. отъ 6—7 ч.; — 2) практическія упражненія по грамматикѣ и чтеніе англійскихъ авторовъ, 2 ч. въ нед., по понед. и четв. отъ 3—4 ч.

Канд. И. А. Егеверь, лекторъ эстонскаго языка: 1) эстонская грамматика (морфологія), ч. II, 2 ч. въ нед., по понед. отъ 6—8 ч.; — 2) исторія эстонской литературы XVIII в., 1 ч. въ нед., по сред. отъ 7—8 ч.; — 3) практическія занятія (репетиторій эстонской грамматики, чтеніе и разборъ избранныхъ произведеній эстонской словесности, письменныя работы на эстонскомъ языкѣ), 1 ч. въ нед., по четв. отъ 7—8.

П. С. Такнелля, и. о. лектора французскаго языка: 1) курсъ французскаго языка (для младш. группы), по вторн. отъ 6—8 ч. веч.; — 2) курсъ французскаго языка (для старш. группы), по субб. отъ 6—8 ч. вечера.

Для обученія механическимъ работамъ предлагаетъ свои услуги испр. должн. университетскаго механика **Б. А. Мессеръ**.

VII. Принадлежащія къ составу университета учебныя заведенія и музеи.

Въ клиникахъ будутъ обучать директоры оныхъ, а именно: въ медицинской — проф. Дегіо, въ хирургической — проф. Цеге фонъ Мантейфель, въ акушерской и гинекологической — проф. Михновъ, въ офтальмологической — проф. Люткевичъ, въ клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней — проф. Чижъ, въ поликлиникѣ — проф. Вестенрихъ, въ университетскомъ отдѣленіи городской больницы: въ хирургическомъ — проф. Ростовцевъ, и въ терапевтическомъ — проф. Яроцкій и въ клиникѣ по дѣтскимъ болѣзнямъ — проф. Жуковскій, въ амбулаторіи по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ — прив.-доц. Пальдрокъ.

Университетская бібліотека, которою завѣдываетъ въ качествѣ директора проф. Грабаръ, открыта въ теченіи семестра ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11—3 ч., а во время вакацій, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, ежедневно отъ 12—2 ч.

Директоромъ музея изящныхъ искусствъ состоитъ проф. Фельсбергъ, музея отечественныхъ древностей — присяжный повѣренный Фолькъ, астрономической обсерваторіи — проф. Покровский, фармацевтического института — проф. Кондаковъ, химического кабинета — проф. Богоявленскій, физического кабинета — проф. Садовскій, математического кабинета — проф. Граве, экономического кабинета и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи — проф. Богушевскій, минералогического кабинета — проф. Тарасенко, геологического кабинета — проф. Тарасенко, зоологического музея — проф. фонъ Кеннель, зоотомического кабинета — проф. Сентъ-Илеръ, ботанического сада — проф. Кузнецовъ, метеорологической обсерваторіи — проф. Срезневскій, анатомического института — проф. Адольфи, института сравнительной анатоміи — проф. Рубашкинъ, физиологического института — проф. Курчинскій, патологического института — проф. Афанасьевъ, гигиенического кабинета — проф. Шепилевскій, фармакологического института — проф. Лавровъ, судебно-медицинского института — проф. Игнатовскій, коллекціи предметовъ по библейской и церковной археологіи — проф. Квачала, статистического кабинета — библиографъ Расторгуевъ, кабинета оперативной хирургіи — проф. Бурденко, коллекціи геометрическихъ моделей — проф. Алексѣевъ, завѣдующимъ антропологическаго музея — прив.-доц. Ландау, завѣдующимъ опытными полями и садами въ имѣніи Маріенгофъ — проф. Томсонъ.

Задачи для соисканія наградъ на 1914 годъ.

I. Отъ богословскаго факультета :

1. „Unter welchen Gesichtspunkten wird in den neutestamentlichen Schriften die Ehe betrachtet und wie sind diese Gesichtspunkte lehrsgeschichtlich zu beurteilen?“
2. „Die Verteidigung der Offenbarung durch F. H. Jakobi und ihre modernen Parallelen“.
3. Проповѣдь на текстъ: „1. Тим. 1, 12—17“ съ подробно обоснованною въ экзегетическомъ и гомилетическомъ отношеніяхъ диспозиціею (вторично).
4. Для соисканія медали сенатора фонъ Брадке: „Streitfragen über Commodian“ (вторично).

II. Отъ юридическаго факультета :

1. По гражданскому праву: „Преимущественное право наследованія по проекту Правиль о мѣрахъ противъ дробленія мелкой земельной собственности“.
2. По политической экономіи и статистикѣ: „Синдикаты въ Россіи“.
3. По международному праву: „Международные договоры Московскаго государства отъ Ивана III до Смутаго времени“ (вторично).
4. Для соисканія медали сенатора фонъ Брадке: по исторіи философіи права: „Правда Воли Монаршей Теофана Прокоповича“.

III. Отъ медицинскаго факультета.

1. „Послѣоперативная пневмонія“ (на основаніи литературныхъ данныхъ и матеріала факультетской хирургической клиники).
2. „Діететическое лѣченіе круглой язвы желудка“ (на основаніи клиническаго матеріала госпитальной терапевтической клиники).
3. „Провѣрка термо-преципитиновой реакціи Ascoli-Fuginoli при туберкулезѣ“.
4. „Патогенезъ Базедовой болѣзни“.
5. Для соисканія медали Креславскаго: „Исслѣдовать жирное масло кишнеца (*Coriandrum sativum* L) или Волошскаго укропа (*Foeniculum capillaceum* G)“.
6. Для соисканія медали князя Суворова: „Составить монографію объ алкалоидахъ, руководствуясь сочиненіями“: „Die Pflanzen-Alkaloide von Jul. und Wilh. Brühl; Braunschweig 1910“; „Die Alkaloide, E. Winterstein und G. Trier; Berlin 1910“; „Die Alkaloidchemie I, II, III Jahr Dr. Julius Schmidt, Stuttgart 1904, 1907 и 1912.“

На 1915 годъ.

1. Для соисканія медали Креславскаго: Исслѣдовать эфирное масло различныхъ видовъ *Artemisia*, произрастающихъ на Кавказѣ“.
2. Для соисканія медали князя Суворова: „Написать краткую монографію о хлорофиллѣ, руководствуясь сочиненіемъ K. Willsstätter und A. Stoll, Untersuchungen über Chlorophyll. Berlin Verl. v. Julius Springer и литературой“.

IV. Отъ историко-филологическаго факультета.

1. По средней исторіи: „Походы южно-итальянскихъ норманновъ противъ Византіи“.
2. По новой исторіи: „Политическіе взгляды Бенжамена Констана“.
3. По философіи: „Понятіе о внутреннемъ чувствѣ въ „Критикѣ чистаго разума““.

На 1915 годъ.

4. На премію имени Тайнаго Совѣтника Н. А. Лавровскаго: „Языкъ слова о Полку Игоревѣ“.

V. Отъ физико-математическаго факультета.

1. По зоологіи: „Изучить строеніе желтка у рыбы“.
2. По метеорологіи: „Температурная проводимость почвъ, выраженная въ абсолютной мѣрѣ и ея колебанія во времени“.
3. По ботаникѣ: „Ботанико-географическій очеркъ какой либо мѣстности Россіи (Европейской Россіи, Сибири или Кавказа) по литературнымъ даннымъ и личнымъ изслѣдованіямъ“ (вторично).
4. По минералогіи: „О химическомъ строеніи алюмосиликатовъ“ (вторично).

Α. Ященко.

ΤΕΟΡΙΑ ΦΕΔΕΡΑΛΙΖΜΑ.

Опыт синтетической теории права
и государства.

*Ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην
ἁρμονίαν γίνεσθαι.*

Heraclit.

Посвящаю эту книгу моей жень.

Оглавление.

	СТР.
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	
Предпосылки теоріи права	1
I. Природа общества	3
I. Необходимость синтетическаго преодоленія одно- сторонностей индивидуализма и коллективизма .	4
II. Органическая двусторонность общества и различ- ныя ея выраженія: законы раздѣленія труда, соціальной дифференціаціи и общественной соли- дарности	15
III. Двусторонній характеръ общества, какъ своеобраз- ная форма коллективнаго психологическаго синтеза.	26
II. Основы нравственности	36
I. Кантовское обоснованіе автономной этики и кри- тика его	37
II. Имманентно-эмпирическія обоснованія этики. Ари- стотеліанская этика жизнедѣтельности	52
III. Энергитизмъ Гюйо	55
IV. Мораль общественной солидарности у Конта и у современныхъ соціологовъ	57
V. Обоснованіе этики самосохраненія высшаго недѣ- лимаго Н. Дебольскимъ, какъ особый видъ имма- нентной этики	62
VI. Критика эмпирическихъ обоснованій морали . . .	67
VII. Обоснованіе этики, абсолютной по принципу, син- тетической по содержанію	72

ГЛАВА ВТОРАЯ.

	СТР.
Природа права	83
I. Логическій объемъ права	87
I. Законы науки права и юридическія нормы	87
II. Ложный дуализмъ естественнаго и положительнаго права	90
III. Естественное право, какъ общая идея положительнаго права	106
II. Матеріальное опредѣленіе права	115
I. Право, какъ минимумъ нравственности	116
II. Индивидуалистическія теоріи права	127
III. Соціально-утилитарныя теоріи права	135
IV. Матеріальное опредѣленіе права	142
III. Формальное опредѣленіе права	148
I. Государственная теорія права	150
II. Психологическая теорія права	160
III. Синтетическое опредѣленіе права	181

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Власть и государство	185
I. Ученіе о суверенной власти	187
I. Сущность власти съ психологической и юридической точекъ зрѣнія	188
II. Суверенитетъ, какъ неограниченная, верховная и независимая политическая власть	195
II. Юридическая природа государства	218
I. Государство, какъ суверенный союзъ. Критика отрицающихъ это теорій	219
II. Теоріи государства, какъ юридическаго лица	234
III. Теоріи государства, какъ юридическаго отношенія	246
IV. Государство, какъ юридическое лицо и какъ юридическое отношеніе	254

VII

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

	СТР.
Конфедерация государствъ и федеральное государство .	263
I. Критика федеративныхъ теорій	266
I. Классическая теорія дѣлимости суверенитета . .	267
II. Сепаративныя теоріи суверенитета штатовъ . .	279
III. Унитарныя теоріи суверенитета федеральнаго го- сударства	287
IV. Теоріи участія штатовъ въ образованіи федераль- наго суверенитета	294
II. Дуалистическая федеративная теорія .	299
I. Поли-архическая природа конфедерализма . . .	301
II. Неорганизованныя конфедеральныя соединенія .	305
III. Конфедерации государствъ	308
IV. Личныя уніи	315
V. Дуалистическая природа федеральнаго государства	319
VI. Правительственная организація федеральныхъ го- сударствъ	331
VII. Реальная унія, какъ особый видъ федеральнаго государства	334
VIII. Разница федерализма и децентрализаціи . . .	338
IX. Распредѣленіе компетенціи въ федеральномъ госу- дарствѣ	346
III. Политическое значеніе федерализма и децентрализаціи	358
I. Политическая роль конфедерализма и федерализма	359
II. Значеніе и границы децентрализаціи	371
III. Національный принципъ съ точки зрѣнія федера- лизма и децентрализаціи	585

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Развитіе федерализма въ новое время	397
I. Латинскій федерализмъ	400
A. Итальянскій федерализмъ.	
I. Римскій федерализмъ	401

VIII

	СТР.
II. Средневѣковый итальянскій федерализмъ	410
III. Макиавелли и Вико	416
IV. Федерализмъ при объединеніи Италіи	421
V. Федерализмъ въ современной Италіи	427
Б. Французскій федерализмъ.	
I. Федерализмъ гугенотовъ	429
II. Федеративная теорія Бодена	441
III. Федерализмъ въ XVIII вѣкѣ	446
IV. Федерализмъ въ эпоху революціи	450
V. Областной федерализмъ и автономизмъ въ XIX вѣкѣ	455
VI. Соціально-анархическій федерализмъ	472
VII. Академическій федерализмъ	491
В. Испанскій федерализмъ.	
I. Федеративные элементы въ испанской исторіи	501
II. Республиканскій федерализмъ 60-хъ и 70-хъ годовъ	504
III. Каталонскій регіонализмъ	510
Г. Иберо-американскій федерализмъ.	
I. Характерныя черты иберо-американскаго федерализма	515
II. Мексиканскій федерализмъ	519
III. Средне-американскій федерализмъ	522
IV. Федерализмъ въ колумбійской и тихоокеанской группахъ государствъ	525
V. Бразиліанскій федерализмъ	530
VII. Аргентинскій федерализмъ	532
VIII. Иберійскій панъ-американскій федерализмъ	536
II. Англо-саксонскій федерализмъ	542
А. Сѣверо-американскій федерализмъ.	
I. Сѣверо-американскій федерализмъ до основанія союза	544
II. Сѣверо-американскій союзъ и первоначальная основная его идея	550
III. Конфедеративныя теченія до Кальгуна	557
IV. Конфедерализмъ Кальгуна и его послѣдователей	567

IX

	СТР.
V. Національний федералізм Гамільтона	575
VI. Розвитіє унітарної ідеї в Соединенных Штатах	580
VII. Еволюція сѣверо-американской федераціи кѣ унітарному государству	585
Б. Британскій федералізмъ.	
I. Англійскій федералізмъ	589
II. Канадскій федералізмъ	603
III. Австралійскій федералізмъ	609
IV. Южно-африканскій федералізмъ	614
V. Имперскій федералізмъ	617
III. Германскій федералізмъ	630
А. Швейцарскій федералізмъ.	
I. Швейцарскій конфедералізмъ	631
II. Новѣйшій швейцарскій федералізмъ	635
Б. Нидерландскій федералізмъ.	
I. Конфедералізмъ эпохи Соединенныхъ Провинцій .	640
II. Современный нидерландскій федералізмъ . . .	648
В. Нѣмецкій федералізмъ.	
I. Ранній нѣмецкій федералізмъ	650
II. Теоріи федеральнаго государства при Священной Римской Имперіи	656
III. Конфедералізмъ въ эпоху Рейнскаго Союза . .	662
IV. Федералізмъ при Германскомъ Союзѣ до 1848 .	665
V. Федеративныя теоріи во вторую половину Германскаго Союза	672
VI. Федеративный и унітарный моменты въ конституціи Германской имперіи	678
VII. Конфедеративное теченіє при Германской имперіи	683
VIII. Корпоративныя теоріи федеральнаго государства .	686
IX. Унітарныя федеративныя теоріи	692
X. Еволюція Германской имперіи отъ федеральнаго устройства кѣ унітарному	697
Г. Скандинавскій федералізмъ.	
I. Шведско-норвежская унія	700
II. Датско-исландское соединеніє	706

	СТР.
IV. Славянскій федерализмъ	707
А. Западно-славянскій федерализмъ.	
I. Австро-венгерская унія	709
II. Австрійская и венгерская литература по федерализму	714
III. Чешскій федерализмъ	719
IV. Хорватскій федерализмъ	729
V. Австро-славянскій федерализмъ	734
Б. Балканскій федерализмъ.	
I. Идея Балканской федераціи среди балканскихъ народовъ	741
II. Россія и Балканская федерація	746
В. Русскій федерализмъ.	
I. Ранній русскій федерализмъ и федерализмъ де- кабристовъ	747
II. Украинфильскій федерализмъ	754
III. Анархическій конфедерализмъ	759
IV. Національно-областной федерализмъ	765
V. Финляндскій федерализмъ	770
VI. Академическій федерализмъ	777
VII. Панславистскій федерализмъ	780
VIII. Общій взглядъ на развитіе федерализма	785

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Международный конфедерализмъ	792
I. Обоснованіе международнаго конфедерализма	793
I. Международно-правовое обшеніе, какъ неорганизо- ванный конфедерализмъ	793
II. Соціологическое обоснованіе международной орга- низации	799
III. Политико-юридическое обоснованіе международной организации	803
IV. Этическое обоснованіе международной организации	812
V. Критика пацифизма	816
II. Вопросы международнаго конфедерализма	827
I. Объемъ и форма международной организации . .	827
II. Судебные, административные и законодательные органы международной конфедерации	831

Глава первая.

Предпосылки теоріи права.

Задача нашего изслѣдованія — построить юридически обоснованную теорію федерализма. Теорія федерализма имѣетъ дѣло съ опредѣленной политической организаціей человѣческаго общежитія, и этимъ до извѣстной степени опредѣляется ея настоящее научное мѣсто. Логическое мѣсто политики, въ правильной классификаціи основныхъ соціальныхъ наукъ, послѣ соціологіи, этики и философіи права.

Всякій политическій вопросъ есть вопросъ о той или иной организаціи человѣческаго общества, и приступать къ его разрѣшенію возможно только тогда, когда изучена природа самого общества, когда извѣстно, что такое общество. Изученіе основныхъ законовъ общественной жизни въ цѣломъ есть область соціологіи. Но отъ соціологическаго изученія общества нельзя сразу же переходить къ политическимъ вопросамъ, касающимся общественнаго устройства. Политика занимается міромъ человѣческихъ цѣлей, поскольку онѣ осуществляются въ соціальныхъ организаціяхъ: ея область есть область должнаго; соціологія же изучаетъ только то, каково общество въ дѣйствительности и каковы законы, управляющіе ея фактической жизнью. Между соціологическимъ міромъ сущаго и политическимъ міромъ возможнаго и желательнаго нѣтъ непосредственной связи. Мостъ между ними устанавливается этикой, которая въ теоретическое

изученіе общественной дѣйствительности привноситъ практическіе принципы нравственнаго поведенія. Лишь этика, какъ самостоятельная отрасль человѣческаго знанія, даетъ возможность вырваться изъ механической причинности социальныхъ законовъ въ область свободной дѣятельности людей, руководящихся своими личными цѣлями.

Особой областью этическихъ нормъ, имѣющихъ въ виду принудительное регулированіе общественныхъ отношеній, является право, природа котораго изучается философіей права.

Лишь послѣ того, какъ социологическое изученіе установитъ намъ дѣйствительную природу общества, какъ этическое изслѣдованіе дастъ основной принципъ нравственной дѣятельности, а философія права покажетъ правовое выраженіе этого принципа, можно приступать къ построенію политики, которая есть лишь проведеніе нравственно-правовыхъ цѣлей въ данной естественной общественной средѣ.

Теорія федерализма, стремящаяся въ своеобразной политической организаціи примирить политическія центробѣжныя и центростремительныя силы общества, есть теорія права и политики. Для точнаго изслѣдованія этой теоріи необходимо показать, насколько она отвѣчаетъ сложной и двусторонней природѣ общества, насколько она соответствуетъ лично-общественному принципу нравственной дѣятельности и какъ она гармонируетъ съ индивидуальнo коллективной природой права и власти.

Социологическія данныя о природѣ общества и философскія утвержденія объ основахъ нравственности составляютъ необходимыя предпосылки всякой дѣйствительно обоснованной теоріи права и государства, такъ какъ только они могутъ служить надежнымъ фундаментомъ для конструкцій теоретической юриспруденціи.

I. Природа общества.

I. Необходимость синтетического преодоленія односторонностей индивидуализма и коллективизма. — II. Органическая двусторонность общества и различныя ея выраженія: законы раздѣленія труда, социальной дифференціаціи и общественной солидарности. — III. Двусторонній характеръ общества какъ своеобразная форма коллективнаго психологическаго синтеза.

При изученіи природы общества очень часто впадаютъ въ крайность, — замѣчая одинъ изъ элементовъ общественной жизни, часть утверждаютъ какъ цѣлое. Такъ какъ основныхъ элементовъ въ общественной жизни два, — человѣческая личность и коллективное соединеніе, то въ социальныхъ теоріяхъ обычны двоякаго рода односторонности, — крайній индивидуализмъ, нашедшій классическое выраженіе въ естественно - правовыхъ теоріяхъ общественнаго договора и въ многочисленныхъ анархическихъ ученіяхъ, и преувеличенный коллективизмъ, которымъ грѣшатъ особенно біологическое направленіе въ социологіи и историческій материализмъ. Такъ какъ при одностороннемъ разсмотрѣніи общества, истинная его природа остается непонятою, то необходимо синтетическое объединеніе индивидуализма и коллективизма. Уже органическое направленіе въ социологіи установило слитную двусторонность общества и дало ей выраженіе въ основномъ законѣ органическаго общественнаго расчлененія, формулируемомъ то какъ раздѣленіе труда, то какъ социальная дифференціація, то какъ общественная солидарность. Однако этотъ законъ органическаго расчлененія общества

можетъ имѣть по отношеніи къ обществу примѣненіе только какъ нѣкоторая аналогія. Общество не есть біологическій организмъ, а коллективно-психологическое явленіе, и органическая лично-общественная двусторонность его является послѣдствіемъ своеобразнаго коллективнаго психологическаго синтеза.

I.

Обычно общая теорія права строится такъ, что сначала дается опредѣленіе права, потомъ ислѣдуются природа и элементы юридическихъ нормъ и лишь въ заключеніе говорится нѣсколько словъ объ обществѣ и о государствѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ право есть одно изъ социальныхъ явленій и понять его вполне можно только изъ природы общества, какъ такового, и изъ этической человѣческой дѣятельности, то слѣдуетъ сначала изучить, что такое общество, и каковъ основной принципъ нормативной дѣятельности людей, изъ этого изученія вывести понятіе обязательныхъ нормъ и права, и лишь послѣ этого приступать къ изслѣдованію детальнаго вопросовъ, связанныхъ съ природой юридическихъ нормъ.

Природу общества изслѣдуетъ социологія, и съ нея необходимо начинать при построеніи всякой общей правовой или политической теоріи. Подъ социологіей не слѣдуетъ разумѣть ни простой совокупности общественныхъ наукъ, такъ какъ изъ существа отдѣльныхъ элементовъ общества еще нельзя съ достовѣрностью заключать о природѣ общества въ цѣломъ, ни ученія о соотношеніи между отдѣльными общественными науками, раскрывающаго связь между ними и восполняющаго пробѣлы, такъ какъ при этомъ социальные явленія, какъ таковыя, не вполне были бы отдѣлены отъ спеціально юридическихъ, политическихъ, экономическихъ и т. п. явленій. Социологія есть обобщающая и объединяющая философія отдѣльныхъ социальныхъ наукъ, подобно

біологiи среди наукъ объ органической жизни. Она есть общая теорiя общества, т. е. наука о законахъ, управляющихъ явленiями органической жизни, и изучаетъ соціальныя образованiя, различные виды общественной среды какъ со стороны ихъ формы, такъ и со стороны ихъ содѣржанiя.

Соціологія есть наука объ обществахъ въ цѣломъ и, слѣдовательно, пользуется методомъ научнымъ, позитивнымъ, основаннымъ на наблюденiи надъ общественной жизнью; поэтому отъ нея нужно отдѣлять соціальную метафизику, т. е. вопросы о соціальной сущности и о конечной соціальной цѣли, соціальную этику, такъ какъ въ изученiи реальныхъ фактовъ мы не можемъ найти основъ для нормъ долженствованiя, и соціальную политику, дающую соціальныя идеалы, а не реальное изученiе общества. Соціологія есть наука объ обществахъ въ цѣломъ, и потому нельзя съ нею отождествлять, а слѣдуетъ считать лишь ея частями: юриспруденцію, ученiе о политическихъ формахъ, политическую экономiю, антропосоціологію, соціальную психологію, исторiю (которая является только источникомъ соціологіи) и философію исторiи (которая относится только къ соціальной динамикѣ, а не къ статикѣ).

Обращаясь къ разсмотрѣнiю соціологическихъ теорiй, пытающихся объяснить природу общества, мы должны сдѣлать одно общее замѣчанiе, которое впрочемъ имѣетъ силу по отношенiю не къ одной соціологіи, но и ко всѣмъ общественнымъ наукамъ.

Изучая исторiю и современное состоянiе соціологіи, этики, общей юриспруденціи и философіи права, мы постоянно встрѣчаемся съ однимъ общераспространеннымъ фактомъ, — именно, всякая соціологическая, этическая или юридическая теорiя обыкновенно стремится очень послѣдовательно провести и обосновать какую-нибудь одну точку зрѣнiя; точка зрѣнiя эта принимается въ большинствѣ случаевъ очень односторонне, съ исключенiемъ всякой другой.

Неудивительно поэтому, что теории эти расходятся между собою въ самыхъ разнообразныхъ и существенныхъ вопросахъ и, прежде всего, въ изначальныхъ и коренныхъ вопросахъ о природѣ общества, морали и права.

Такое разнорѣчіе и борьба социологическихъ, этическихъ и юридическихъ конструкцій и теорій часто принимается за разительное доказательство неопредѣленности, шаткости и вообще печальнаго ненаучнаго состоянія всей области социальныхъ наукъ. Соціологи не знаютъ, что такое общество, моралисты спорятъ, въ чемъ высшее благо, а юристы еще ищутъ опредѣленія права; всѣ, значитъ, разсуждаютъ о томъ, чего доподлинно не знаютъ; они создаютъ взаимно противорѣчащія и исключаяющія другъ друга теории, среди которыхъ трудно разобратся и найти истинную, ибо каждая изъ нихъ утверждаетъ себя какъ единственно истинную, всѣ же другія объявляя за ложныя.

Такое пессимистическое заключеніе о теоретическихъ общественныхъ наукахъ однако и поспѣшно и ошибочно. То же явленіе крайняго проведенія одностороннихъ принциповъ наблюдаемъ мы и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія и дѣятельности, и въ естественныхъ наукахъ, и въ философіи, и въ религіи. Исторія знаетъ множество философскихъ и религіозныхъ системъ, исходившихъ изъ разныхъ и часто противоположныхъ основныхъ принциповъ. При поверхностномъ и одностороннемъ взглядѣ на исторію, вся работа человѣческой мысли можетъ показаться безплодной и тяжелой работой Сизифа: каждая новая система, каждая новая теорія стремится уничтожить старая, доказать ихъ полную непригодность и утвердить свою исключительную вѣрность; но ее ждетъ та же судьба, и умъ человѣческій словно осужденъ вѣчно убѣждаться въ своемъ заблужденіи и вѣчно начинать свою прежнюю работу. Если признать противорѣчіе различныхъ точекъ человѣческаго зрѣнія принципіальнымъ, то надо отказаться отъ самой

надежды когда-нибудь и что-нибудь познать, такъ какъ всякое познаніе донинѣ совершалось черезъ борьбу противорѣчивыхъ мнѣній.

Но положеніе дѣла вовсе не такъ безотраднo, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, ибо не слѣдуетъ преувеличивать исключительность и несовмѣстимость различныхъ съ виду противорѣчивыхъ и расходящихся теорій. Дѣло въ томъ, что обычно отъ цѣлаго „отвлекаются“, пользуясь выраженіемъ Вл. Соловьева, частныя идеи, особыя стороны и элементы всеединой идеи, и утверждаются въ своей исключительности; онѣ при этомъ „теряютъ свой истинный характеръ (только особыхъ элементовъ всеединой идеи) и, вступая въ противорѣчіе и борьбу другъ съ другомъ, повергаютъ міръ человѣческій въ то состояніе умственного разлада, въ которомъ онъ доселѣ находится“.

Видятъ, напр., въ правовыхъ нормахъ одну разграниченную внѣшнюю свободу и строятъ на этомъ основаніи индивидуалистическія теоріи права; находятъ, напр., во власти одно проявленіе господствующей воли и строятъ волевыя теоріи власти; усматриваютъ, напр., въ государствѣ лишь юридическое лицо, вступающее въ юридическія отношенія съ другими лицами, и создаютъ юридическія теоріи государства; замѣчаютъ, напр., въ правительствѣ только выраженіе народной воли и вырабатываютъ демократическія теоріи правительства. И всѣ при этомъ страдаютъ органическимъ порокомъ односторонности: индивидуалистическія теоріи права отказываются видѣть въ правѣ выраженіе общественной функціи охраны общаго интереса; волевыя теоріи власти не хотятъ замѣтить во власти момента сознательнаго признанія и добровольнаго подчиненія; юридическія теоріи государства не желаютъ признать, что государство является не только юридическимъ лицомъ, но сплошь и рядомъ юридическимъ отношеніемъ; демократическія теоріи не въ состояніи принять и даже понять того, что правительственная

власть не только исходитъ отъ народной воли, но и носить въ самой себѣ источникъ своего авторитета, и что не все можно въ природѣ правительственной власти свести къ волѣ лицъ, подчиняющихся ей.

Соціологическія, этическія и юридическія теоріи и конструкции обнаруживаютъ неудержимое, но пагубное стремленіе къ искусственному упрощенію вопросовъ, постоянное тяготѣніе къ монизму, къ выведенію всего научнаго построения изъ единого принципа. Это и есть искусственное „отвлеченіе“ частичныхъ элементовъ отъ сложнаго и въ своей сложности нераздѣльнаго цѣлаго. При этомъ и критика несходныхъ теорій ведется по тому же, такъ сказать, „монистическому“ принципу. Обыкновенно критикуемое положеніе искусственно изолируется отъ всей теоріи, насильственно отрывается отъ всего остального и, такимъ образомъ, при своемъ очевидномъ несоотвѣтствіи дѣйствительности, доводится до абсурда.

Въ дѣйствительности общественныя явленія, какъ и вообще явленія жизни, многосторонни, и на нихъ можно смотрѣть съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но изъ того, что теоретики, стремясь построить систему на какомъ-нибудь одномъ началѣ и разыскивая единство односторонняго принципа, утверждаютъ эти начала несогласно другъ съ другомъ, нисколько не слѣдуетъ, что всѣ они ошибаются, а только то, что они правы лишь до извѣстной степени, съ одной опредѣленной точки зрѣнія. Каждое одностороннее опредѣленіе, всякое отвлеченное теоретическое начало, если оно считается съ реальною жизнью, не являеть собою абсолютно ложнаго построения, оно имѣетъ свое частное значеніе и тѣмъ самымъ свое оправданіе (въ особенности въ томъ, что оно утверждаетъ, а не въ томъ, что оно отрицаетъ); но значеніе это ограниченное, и потому на такихъ одностороннихъ теоріяхъ нельзя окончательно остановиться.

Вслѣдствіе этого, во избѣжаніе ложной односторонности,

необходимо стать на синтетическую точку зрѣнія и искать исчерпывающихъ и многостороннихъ опредѣленій, которыя обнимали бы собою всѣ остальные опредѣленія и заключали бы ихъ въ себѣ внутренне-связанными. Слѣдуетъ съ самаго же начала отказаться отъ искусственнаго, хотя и удобнаго монизма и примириться хотя и съ болѣе сложнымъ и труднымъ, но болѣе соответствующимъ многообразной дѣйствительности плюрализмомъ.

Но, разумѣется, мало еще прійти къ заключенію, что существуетъ множество точекъ зрѣнія на данное общественное явленіе и что въ немъ соединены многіе составные элементы, нужно отыскивать важныя и существенныя стороны и найти основу соотношенія составныхъ элементовъ. Конечно, меньше всего въ данномъ случаѣ правильнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія можетъ быть внѣшній эклектизмъ, т. е. механическое соединеніе различныхъ принциповъ и элементовъ; необходимо для настоящаго жизненнаго синтеза органическое соединеніе всѣхъ одностороннихъ опредѣленій на основаніи синтезирующей силы всеобъемлющаго начала, являющагося живой душой всего соединенія.

Эта синтетическая точка зрѣнія прежде всего должна быть примѣнена къ пониманію природы общества. Въ наукѣ объ обществѣ одинаково ошибочны оба крайнія одностороннія воззрѣнія на него, до сихъ раздѣляющія многихъ соціологовъ, и индивидуалистическія, и коллективистическія, и истину надо искать только въ синтетическомъ сліяніи положительныхъ сторонъ cadaго изъ нихъ.

Одностороннее индивидуалистическое воззрѣніе на общество отрицаетъ специфическую органичность общественныхъ соединеній. Общество понимается съ этой точки зрѣнія какъ механическій агрегатъ индивидуальныхъ особей, при чемъ этотъ агрегатъ есть лишь случайная сумма входящихъ въ него единицъ и въ суммѣ этой нѣтъ ничего

новаго, чего бы уже не заключалось въ его частяхъ. Такое воззрѣніе есть своеобразный соціальный номинализмъ, для котораго общество не имѣетъ бытія какъ особое единое существо. Это воззрѣніе лежитъ, вообще говоря, въ основѣ различныхъ выраженій такъ называемой механической теоріи общества, начиная уже съ ученія софистовъ, но особенно такой преувеличенный соціальный индивидуализмъ проникалъ всю школу естественнаго права. На немъ утверждалась и договорная теорія общества.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное изложеніе и критику того механическаго соціальнаго индивидуализма, который такое яркое выраженіе нашелъ себѣ въ социально-политическихъ теоріяхъ Гоббса, Руссо, Годвина и вообще въ соціальной философіи XVIII вѣка, у однихъ авторовъ приходя къ выводамъ крайне абсолютическаго характера, у другихъ, какъ у Годвина, къ крайнему анархизму. Индивидъ не можетъ отдѣлить своего существованія отъ того собирательнаго цѣлаго, въ которомъ онъ живетъ. Только черезъ общество получаетъ онъ жизнь и дѣлается разумной личностью: все, что имѣется въ общественной жизни, передается отдѣльной личности, наполняя ее содержаніемъ; только въ обществѣ индивидуальный разумъ человѣка впервые, въ общеніи съ другими людьми, начинаетъ осознавать себя и закрѣпляетъ свои пріобрѣтенія черезъ посредство языка, созданія исключительно общественнаго. Только въ общеніи съ другими людьми человѣкъ возвышается отъ состоянія безсловеснаго существа до личности, торжествующей своимъ разумомъ надъ неразумной природой. Если бы не было общества, то не было бы и людей, какъ сознательныхъ и разумныхъ личностей.

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что ни соціологическія наблюденія законовъ общественной жизни, ни требованія правильной этической системы, ни размышленія надъ природою права, не подтверждаютъ правильности индивидуа-

листической гипотезы, а наоборот доказывают полную ея несостоятельность.

Противоположная односторонность въ пониманіи природы общества состоитъ въ преувеличеніи органическаго элемента въ общественныхъ соединеніяхъ. Очень часто забывается, что какова бы ни была специфическая природа общества, оно никогда не уничтожаетъ отдѣльной личности, никогда не поглощаетъ индивидуальнаго сознанія и индивидуальнаго бытія. Между тѣмъ въ началѣ соціологія склонна была преувеличивать коллективный моментъ въ соціальной жизни. Для Конта, напр., дѣйствительно существовало только человѣчество въ цѣломъ, только оно одно истинно-реально, отдѣльные же индивиды имѣютъ лишь кажущееся бытіе: они приходятъ и уходятъ, какъ элементы цѣлаго, истинно же остается только это послѣднее. Индивиды суть только абстракціи, дѣйствительно существуетъ одно общество. Индивиды для Конта даже не „отдѣльныя существа“, а органы „Великаго Существа“ — человѣчества. Ясно, какіе практическіе выводы могли быть сдѣланы изъ подобнаго теоретическаго положенія. И дѣйствительно, утопія Конта о соціократическомъ правленіи совершенно забывала объ отдѣльной личности, словно ея не существовало, словно, въ концѣ концовъ, не она начало и конецъ всякой жизни. Въ этомъ презрѣніи къ индивиду и къ его правамъ съ нею можетъ быть сравнена только утопія еще болѣе извѣстнаго представителя коллективистическаго міровоззрѣнія, Платона. Ни о какой личной свободѣ, политической или религіозной, не можетъ быть здѣсь и рѣчи, и наиболѣе послѣдовательная съ этой точки зрѣнія политика есть та, о которой мечталъ Великій Инквизиторъ. Непонятны сами основанія для построенія такихъ теорій общества, по которымъ интересъ и благо личности, какъ таковой, вполне подчиняются благу и интересамъ общества и приносятся имъ въ жертву. Низведеніе индивида на роль простаго органа, сопровождаемое умаленіемъ и дегра-

даціей личности, совершенно безсмысленно, такъ какъ остается непонятнымъ, для чего же существуетъ тогда само благоустроенное общество, которое особаго сознанія своего не имѣетъ, а индивидуальное сознаніе лицъ, его составляющихъ, лишь страдаетъ. Впрочемъ существованіе такого общества и не возможно.

Забывать о дѣйствительномъ значеніи человѣческой личности въ общественной жизни людей особенно склонны изъ современныхъ соціологическихъ направленій біологическое и экономическое, и именно этотъ вопросъ и является ихъ камнемъ преткновенія, на которомъ они терпятъ окончательное крушеніе.

Біологическое объясненіе природы общества стремится понять общественную жизнь, исключительно какъ видовую жизнь особой животной породы, людей, дѣйствующихъ по общимъ біологическимъ законамъ борьбы за существованіе, естественнаго отбора и расоваго взаимодействія. Органическія видоизмѣненія общественной среды происходятъ чисто механически, простой, математически неизбѣжной игрой физическихъ законовъ, безъ всякаго воздѣйствія человѣческихъ дѣлей, лишь подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, выживанія наиболѣе приспособленныхъ и наслѣдственнаго закрѣпленія пріобрѣтенныхъ свойствъ. Но человѣческая общественная жизнь слишкомъ много представляетъ уклоненій отъ чисто животной борьбы за существованіе; механическая игра біологическихъ законовъ слишкомъ осложняется вліяніемъ человѣческой личности, ея альтруистическихъ инстинктовъ; вліяніе этихъ законовъ слишкомъ парализуется дѣйствіемъ культуры, — чтобы можно было въ соціологіи дѣйствительно устоять на біологической точкѣ зрѣнія.

Забвеніе индивидуальности человѣческой и роли личности составляетъ ахилесову пятую и другой коллективистической общественной доктрины — экономическаго матеріализма. Все историческое развитіе человѣческихъ обществъ

объясняется естественнымъ движеніемъ производительныхъ силъ, развивающихся чисто діалектически, по неизмѣннымъ законамъ. Но ни Марксъ, ни его послѣдователи не дали отвѣта на вопросъ, который существенно возникаетъ вслѣдъ за этимъ утвержденіемъ: чѣмъ же объясняется само движеніе, само развитіе производительныхъ силъ: вѣдь не происходитъ оно само собой, безъ всякой причины. Розысканіе же этихъ послѣднихъ основаній неизбѣжно приведетъ къ дѣйствию единственнаго фактора, могущаго творить движеніе изъ самого себя, къ вліянію творческой человѣческой личности.

Мы даже не настаиваемъ на нелѣпомъ съ логической точки зрѣнія стремленіи этой теоріи построить социальный идеалъ на механической основѣ причинной необходимости общественнаго развитія. Если человѣческія идеи суть лишь рефлексы хозяйственныхъ отношеній, то какъ же онѣ могутъ руководить этими отношеніями, какъ онѣ вообще могутъ воздѣйствовать на то, рефлексамъ чего онѣ являются? Логическая несообразность этихъ противорѣчій въ доктринѣ экономическаго матеріализма бросается въ глаза. Именно она заставляетъ сторонниковъ экономическаго матеріализма говорить, вопреки основному смыслу всей доктрины, о томъ, что на извѣстной стадіи историческаго развитія происходитъ взаимодействие экономическаго фактора и науки, что наступаетъ моментъ, когда „человѣкъ окончательно выходитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ животнаго царства и переходитъ изъ животныхъ условій существованія въ истинно человѣческія. Совокупность жизненныхъ условій, которыя до сихъ поръ владычествовали надъ человѣкомъ, подчиняется съ этого времени контролю и господству людей, впервые дѣлающихся сознательными, истинными господами природы, потому что они стали господами своего собственнаго общежитія. Законы общественной дѣятельности людей, противостоявшіе

людямъ до сихъ поръ, какъ чуждые, господствующіе надъ человѣкомъ законы природы, станутъ примѣняться людьми съ полнымъ сознаніемъ и, тѣмъ самымъ, будутъ служить человѣку. Общежитіе людей, принудительно возникающее до сихъ поръ подъ вліяніемъ природы и исторіи, становится собственнымъ свободнымъ дѣломъ человѣка. Объективныя, чуждыя силы, которыя до сихъ поръ управляли исторіей, подчиняются контролю самого человѣка. Только съ этого времени люди будутъ сами, съ полнымъ сознаніемъ, дѣлать свою исторію... Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“ (Слова Энгельса въ сочиненіи Противъ Дюринга). То же за Энгельсомъ повторяетъ и другой сторонникъ (Бельтовъ) историческаго матеріализма: „Діалектическій матеріализмъ говоритъ: человѣческій разумъ не могъ быть демиургомъ исторіи, потому что онъ самъ является ея продуктомъ. Но разъ явился этотъ продуктъ, онъ не долженъ и по самой природѣ своей не можетъ подчиниться завѣщанной прежней исторіей дѣйствительности; онъ по необходимости стремится преобразовать ее по своему образцу и подобію, сдѣлать ее разумнѣе“.

Допущеніе такого прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы есть откровенное признаніе того, что теорія экономическаго матеріализма не объясняетъ всей общественной жизни и что на извѣстной стадіи общественнаго развитія соціологическіе законы перестаютъ дѣйствовать. Это есть отказъ отъ собственной же теоріи и признаніе самостоятельнаго воздѣйствія на историческій процессъ психологическаго фактора, представленнаго человѣческой личностью. Да какъ и не признать этого фактора, когда сама исторія постоянно показываетъ, что никакая перемѣна въ экономическихъ отношеніяхъ не мѣняетъ извѣстнаго соотношенія классовъ, пока у членовъ даннаго общества сохраняется вѣра въ справедливость или святость существующаго порядка, и что тотчасъ же происходятъ общественные пере-

вороты, когда эта вѣра проходитъ. Бесплодна и смѣшна попытка объяснить ходъ нашего психическаго развитія (единственнаго основнаго общественнаго фактора, такъ какъ человѣческое сознаніе есть начало и конецъ всего въ обществѣ) преимущественнымъ воздѣйствіемъ экономическихъ условій нашей жизни и установить причинную закономерность между измѣненіями въ экономическихъ формахъ хозяйства и развитіемъ человѣческой психики.

II.

Индивидуалистическія и коллективистическія теоріи односторонни; преувеличивая одинъ изъ общественныхъ элементовъ по сравненію съ другимъ, онѣ то недостаточно понимаютъ своеобразный организмо-подобный характеръ общественныхъ соединеній, то забываютъ человѣческую личность и ея творческую роль.

Правильнымъ воззрѣніемъ на общество будетъ примѣненіе этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія и принятіе синтетической теоріи признающей двустороннюю природу общества, какъ лично-собирательнаго образованія, какъ равновѣсія двухъ моментовъ, личнаго и общаго. Эта двусторонность общества вытекаетъ какъ естественное послѣдствіе изъ органическаго характера общественныхъ соединеній.

Организованность вообще есть явленіе двустороннее. Во всемъ, что живетъ органическою жизнью, мы находимъ своеобразное сліяніе жизни отдѣльныхъ частей съ жизнью цѣлаго. Въ живомъ организмѣ имѣется живое единство цѣлаго и самостоятельная жизнь частицъ, и организмъ нельзя свести ни къ функціямъ, объединяющимъ его частицы, ни къ жизни этихъ частицъ; организмъ есть равновѣсіе и нераздѣльная слитность двухъ моментовъ: самостоятельнаго развитія частей и общихъ функцій, объединяющихъ частицы въ самостоятельное цѣлое. Многія изъ этихъ явленій и признаковъ, которые мы привыкли относить къ такъ назы-

ваемымъ организмамъ, мы находимъ въ социальномъ строеніи и въ общественной жизни.

Между различными частями социальной системы, какъ уже было отмѣчено самимъ основателемъ науки объ обществѣ, Контомъ, существуетъ тѣснѣйшее взаимодействие, — consensus. Правильная гармонія между отдѣльными условіями существованія общества создаетъ общественный порядокъ, характеризующій общество въ статическомъ состояніи. Уже въ основномъ статическомъ элементѣ общественной жизни, въ семьѣ, имѣются признаки социального организма; она, будучи посредникомъ между индивидомъ и обществомъ, является клѣткой общественного цѣлаго и придаетъ ему своеобразный органический характеръ.

Съ точки зрѣнія эволюціонной социологіи, изъ трехъ видовъ развитія, неорганическаго, органическаго и надъ-органическаго, общественное развитіе относится именно къ типу надъ-органическому, состоящему изъ процессовъ и продуктовъ, предполагающихъ координированныя дѣйствія многихъ индивидовъ. Общество есть не только названіе, объединяющее множество реально-существующихъ особей, но и само является реальнымъ бытіемъ. Оно есть своеобразный организмъ или во всякомъ случаѣ имѣетъ много аналогичныхъ съ организмомъ чертъ, къ которымъ относятся — постоянный ростъ, разрастаніе общественного цѣлаго извнутри, дифференціація и обособленіе частей, дифференціація социальныхъ функцій, управляемыхъ каждая общественнымъ органомъ, взаимная зависимость частей, зависимость жизни цѣлаго отъ жизни входящихъ въ него существъ и въ то же время отличіе и самостоятельность жизни цѣлаго отъ жизни составляющихъ ея частицъ.

Эта двусторонняя организованность общества, отмѣчаемая почти всѣми социологическими системами, принадлежатъ ли онѣ или не принадлежатъ къ такъ называемой органической теоріи общества, находитъ свое общее выраженіе въ законѣ

общественнаго расчлененія, различными формулировками котораго являются законы раздѣленія труда, общественной дифференціаціи и общественной солидарности.

Уже Контъ въ своей Системѣ положительной философіи отмѣтилъ, что отличительная черта соціальной дѣятельности заключается въ раздѣленіи труда и въ кооперативномъ характерѣ, возрастающемъ по мѣрѣ того, какъ усложняется общество. Характерная особенность соціальнаго организма заключается въ увеличивающейся специализаціи его функцій, выполняемыхъ все болѣе обособленными, но тѣмъ не менѣе солидарными между собою органами. Въ этой специализаціи сказывается вообще возрастаніе совершенства животнаго организма, и въ этомъ основаніе превосходства соціальнаго организма надъ всякимъ организмомъ индивидуальнымъ. Принципъ коопераціи или сотрудничества является основнымъ при анализѣ природы общества, такъ какъ общество зиждется именно на сотрудничествѣ своихъ членовъ. „Только подъ вліяніемъ правильнаго раздѣленія труда, пишетъ Контъ, соціальная жизнь приобретаетъ стойкость, побѣждающую частныя разногласія. Привычка къ такой кооперативной дѣятельности въ самомъ дѣлѣ способна развить путемъ вліянія интеллектуальныхъ соображеній соціальныи инстинктъ, вызывая въ каждой семьѣ чувство зависимости отъ другихъ и сознаніе своего личнаго значенія. Слѣдовательно, соціальная организація стремится все болѣе основываться на сознаніи индивидуальныхъ различій между людьми“¹⁾.

Законъ раздѣленія труда можетъ быть формулированъ какъ законъ общественной дифференціаціи, но существо его

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что и Гегель признавалъ органическое строеніе общества, и государственный союзъ былъ для него жизненнымъ только въ томъ случаѣ, когда общинная и корпоративная жизнь въ немъ развита, когда отдѣльныя государственныя власти суть лишь особые органы единаго живого государственнаго организма, неразрывно съ нимъ связанные (*Philosophie des Rechts*, §§ 276 и сл.).

останется тѣмъ же. Въ сущности социальная дифференціація есть лишь особая формулировка общественнаго раздѣленія труда. По Спенсеру, возведшему общественную дифференціацію въ основной соціологическій законъ, однородны лишь примитивныя социальныя группы, цивилизованное же общество есть общество разнородное, расчлененное на коллективные организмы и отъ раздѣленія труда переходящее къ раздѣленію функций. Общественная эволюція происходитъ подъ вліяніемъ двухъ процессовъ — интеграціи, т. е. органическаго роста общества (какъ въ силу простого увеличенія единицъ черезъ рождаемость, такъ и вслѣдствіе соединенія общественныхъ группъ), и дифференціаціи. Съ возростаніемъ социальной массы увеличивается сложность общественнаго строенія. Общество дѣлится на классы, профессіи, причемъ каждый классъ все больше приспособливается къ опредѣленной дѣятельности. Происходитъ обособленіе цѣлыхъ системъ общественныхъ органовъ.

Самостоятельное развитіе частей, сопровождающее объединеніе цѣлаго, является неизмѣннымъ спутникомъ прогрессирующаго развитія. Этотъ принципъ имѣетъ значеніе какъ для біологическаго міра, такъ и для общественныхъ явленій. Въ человѣческомъ обществѣ, въ мірѣ социальныхъ и политическихъ формъ наблюдается такое же одновременное существованіе двухъ противоположныхъ повидимому, но на самомъ дѣлѣ примиряющихся тенденцій: съ одной стороны, центристической, влекущей людей къ созданію общественныхъ союзовъ и къ постоянному расширенію объема этихъ союзовъ и имѣющей несомнѣнной цѣлью и конечнымъ пунктомъ объединеніе всего человѣчества въ единой политической организаціи; съ другой стороны, центробѣжной, толкающей людей на созданіе особыхъ частныхъ группъ, на выдѣленіе изъ общей организаціи организацій частичныхъ, на раздробленіе общей социальной жизни и на самостоятельное существованіе выдѣлившихся образованій, причемъ

конечнымъ пунктомъ этого движенія является независимое, самостоятельное существованіе индивида. Равновѣсіе этихъ двухъ стремленій и есть то идеальное состояніе, которое завершаетъ прогрессивное развитіе.

Но ни раздѣленіе труда, ни дифференціація социальныхъ функцій, придавая обществу многія органическія черты, не дѣлаютъ однако изъ общества настоящаго біологическаго организма. Нѣкоторыя увлеченія такъ называемой органической теоріи общества объясняются тѣмъ, что она не всегда помнила это обстоятельство; и почти всѣ возраженія противъ этой теоріи точно также направлены именно противъ уподобленія общества настоящему біологическому организму.

Впрочемъ относительно органической теоріи общества накопилось не мало недоразумѣній. Противники этой теоріи опровергаютъ часто въ органической теоріи то, чего она и не думала утверждать. Самъ творецъ органической теоріи, Спенсеръ называлъ общественное развитіе въ противоположность органическому надъ-органическимъ и указывалъ на глубокое различіе между социальнымъ надъ-организмомъ и біологическимъ организмомъ, сказывающееся въ томъ, что организмъ всегда конкретенъ по своему строенію, общество же разъединено, дискретно, и особенно на то, что въ организмахъ сознаніе, „чувствилище“, имѣетъ одинъ центръ, въ обществахъ же оно имѣется у каждаго индивида, разсѣяно во всемъ агрегатѣ. Альбертъ Шацъ¹⁾ полагаетъ, что у Спенсера исходнымъ пунктомъ въ его социальной философіи было біологическое пониманіе общества, а пунктомъ достиженія индивидуализмъ, и что между біологическимъ пониманіемъ и индивидуалистическими симпатіями Спенсера былъ конфликтъ. Анри Мишель точно также, говоря о Спенсерѣ въ своей книгѣ *Идея государства*, высказываетъ мысль,

1) Въ своей интересной книгѣ *L'individualisme social et économique*, русскій переводъ которой, подъ моей редакціей, въ настоящее время печатается.

что разность общества и организма настолько велика, что уподобленіе общества организму становится лишь слабой аналогіей. Однако самъ Спенсеръ особо подчеркиваетъ, что сближеніе общества и организма только аналогія и сравненіе, не больше (Принципы соціологіи, § 269).

Протестъ противъ слишкомъ преувеличеннаго сближенія общества съ организмомъ проистекаетъ главнымъ образомъ отъ различнаго значенія раздѣленія труда и дифференціаціи органовъ и функцій въ процессѣ біологическомъ и въ процессѣ социальномъ. Если раздѣленіе труда есть основное и въ общемъ благотѣльное начало общественной жизни, то въ немъ не мало и отрицательныхъ сторонъ. На эти отрицательныя стороны въ свое время указывалъ уже Контъ. „Раздѣленіе труда вызываетъ въ соотвѣтствующей степени умственные и нравственные различія между людьми, вліяніе которыхъ требуетъ постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разладъ между людьми. Раздѣленіе функцій способствуетъ развитію частностей, которое было бы невозможно на иномъ пути, но, съ другой стороны, оно стремится подавить духъ цѣлаго или по крайней мѣрѣ помѣшать его развитію. Точно такъ же и съ нравственной точки зрѣнія каждый человѣкъ становится въ болѣе тѣсную зависимость отъ остальныхъ людей, но обособляется отъ нихъ своею спеціальною дѣятельностью, которая постоянно напоминаетъ ему объ его частномъ интересѣ. Неудобства спеціализаціи возрастаютъ во всѣхъ отношеніяхъ вмѣстѣ съ выгодами. Спеціальность идей и отношеній суживаетъ умъ, безпрестанно обостряя его въ одномъ направленіи; она обособляетъ частные интересы отъ общихъ. Соціальныя чувства сосредоточиваются лишь на лицахъ одинаковой профессіи и перестаютъ относиться къ остальнымъ классамъ вслѣдствіе различія въ нравахъ и мысленіи. Итакъ, тотъ самый принципъ, который далъ возможность развитія и разпространенія общественной жизни,

угрожаетъ въ другомъ отношеніи разложеніемъ ея на множество несвязанныхъ между собою корпорацій“. Эти отрицательныя стороны общественнаго раздѣленія труда и призвано, по мнѣнію Конта, устранять правительство, въ чемъ и заключается его естественная роль и настоящее оправданіе. Такая задача, лежащая на правительствѣ, опредѣляетъ и соотвѣтственное взаимное положеніе отдѣльныхъ властей; правительственныя функціи естественно располагаются іерархически, сообразно своей возрастающей общности.

Главнымъ образомъ сознаніе отрицательныхъ сторонъ раздѣленія труда и общественной дифференціаціи заставило въ свое время Михайловскаго такъ настойчиво выступить противъ соціальной философіи Спенсера. Основная соціологическая работа Михайловскаго, Что такое прогрессъ, даетъ послѣдовательную критику соціологіи Спенсера именно съ этой точки зрѣнія. Спенсеръ, по мнѣнію Михайловскаго, забылъ, что существуетъ два вида прогресса, общественный и личный, и что они не совпадаютъ. При переходѣ общества отъ однороднаго къ разнородному, личность переходитъ отъ разнородности къ однородности: общество не единый организмъ; организмы имѣютъ спеціальныя внѣшнія формы, сплошную массу своего тѣла, способность передвиженія, особый центръ чувствованія; ничего этого нѣтъ въ обществѣ. Раздѣленіе труда носитъ антиномическій характеръ и отрицательно для отдѣльной личности. Изъ двухъ видовъ сотрудничества, простого и сложнаго, предпочтительнѣе сотрудничество простое, такъ какъ экономическое и фізіологическое раздѣленія труда взаимно другъ друга исключаютъ. По мнѣнію Михайловскаго, слѣдуетъ различать техническое раздѣленіе труда, прогрессъ котораго благодѣтеленъ для человѣчества, и общественное раздѣленіе труда, дѣйствіе котораго, наоборотъ, пагубно. Техническое раздѣленіе это появленіе новыхъ видовъ профессій; общественное раздѣленіе это раздѣленіе различныхъ формъ труда

между различными общественными классами. Ростъ технического раздѣленія труда при уменьшеніи общественнаго раздѣленія — вотъ формула дѣйствительнаго прогресса.

Не слѣдуетъ однако такъ преувеличивать анти-индивидуалистическій характеръ раздѣленія труда, какъ это дѣлалъ Михайловскій. Прежде всего, общественная дифференціація вполне примирима съ полнотой индивидуальной жизни, такъ какъ законъ дифференціаціи примѣняется не къ матеріалу социальной жизни, т. е. къ человѣческимъ особямъ, а къ социальнымъ формамъ. При развитіи человѣческихъ организацій дифференцируются различныя формы социального общенія, но это нисколько не связано съ необходимымъ прикрѣпленіемъ опредѣленныхъ лицъ къ опредѣленнымъ социальнымъ формамъ. Подобное прикрѣпленіе мы видимъ въ кастахъ древней Индіи, но цѣль общественнаго развитія — полная свобода перехода и дѣйствительная подвижность индивидовъ. Многіе изъ социологовъ указываютъ на тенденцію современной эпохи къ увеличенію такихъ одностороннихъ ассоціацій въ противовѣсъ ассоціаціямъ, охватывающимъ людей цѣликомъ. Кромѣ того, если раздѣленіе труда достигнетъ высокихъ предѣловъ, то количество необходимаго для благоустроенія общей жизни труда, при правильной его организаціи, вѣроятно, сильно уменьшится, и освободится значительный досугъ, который и можетъ быть употребленъ людьми на борьбу противъ однородности, т. е. односторонности и ограниченности, путемъ занятія науками, искусствами, спортомъ, общественной дѣятельностью и т. д. Раздѣленіе труда приведетъ къ уменьшенію необходимаго труда и слѣдовательно не будетъ дѣйствовать противъ интересовъ цѣлостной личности. Раздѣленіе труда и дифференціація имѣютъ не односторонній, а двусторонній характеръ, они отражаютъ въ себѣ двойную тенденцію жизни, — стремленіе къ индивидуальности и общественное объединеніе.

Ученіе о раздѣленіи труда и о соціальной дифференціаціи естественно приводитъ къ ученію о поступательномъ увеличеніи взаимозависимости общественныхъ функцій и частей соціальнаго цѣлаго или, другими словами, къ теоріи общественной солидарности. Контъ видѣлъ въ принципѣ кооперации основаніе общественнаго организма. Спенсеръ также полагалъ, что для существованія общества необходима не только совокупность индивидовъ, но и ихъ кооперация, причемъ сама историческая эволюція представлялась ему какъ переходъ отъ принудительной кооперации, при которой непосредственно имѣется въ виду общее благо и лишь косвенно достигается и благо индивидуальное, къ кооперации добровольной, при которой прямо преслѣдуются личные интересы и лишь косвенно осуществляется и общее благо.

Кооперация, въ пониманіи Конта и Спенсера, носитъ опредѣленно лично-общественный, двусторонній характеръ, но особенно яркое выраженіе эта идея лично-сбирательнаго характера историческаго процесса нашла себѣ въ ученіи объ общественной солидарности, въ которомъ Дюркгеймъ лишь развилъ кооперативныя идеи Конта и Спенсера.

Законъ общественной солидарности сводится къ тому, что между членами общества, а также между обществомъ въ цѣломъ и его членами существуетъ тѣсная взаимная зависимость и обусловленность, выражающіяся въ двухъ основныхъ видахъ, въ солидарности вслѣдствіе основной общности человѣческой природы и въ солидарности вслѣдствіе раздѣленія труда.

Человѣкъ есть существо живущее и умирающее, но стремящееся къ жизни и отвергающее смерть. Чисто эмпирически наблюдается фактъ, что когда человѣкъ остается изолированнымъ отъ другихъ людей, онъ болѣе безпомощенъ, скорѣе умираетъ и больше страдаетъ. Въ то же время другимъ эмпирическимъ фактомъ является постоянная жизнь людей сообща, такъ какъ всегда существовали человѣческія

общества. Этотъ фактъ постоянного общественнаго сожитія людей находитъ свое неизбѣжное отраженіе въ индивидуальномъ сознаніи. Всѣ люди имѣютъ чувство индивидуальной жизни, всѣ имѣютъ волю къ жизни, и это сознаніе составляетъ первую связь между ними. Это и есть сознаніе человѣческой солидарности, во всей своей общности, соединяющее все человѣчество, всѣхъ людей. Но въ то же время нѣкоторые люди болѣе тѣсно соединены другъ съ другомъ вслѣдствіе разныхъ причинъ, общаго происхожденія, одинаковости языка, вѣры, образа жизни и т. п. Въ обширномъ цѣломъ человѣчества образуются группы, отличныя другъ отъ друга, часто даже враждующія между собою. Существованіе этихъ особыхъ группъ находитъ соотвѣтствующее отраженіе въ индивидуальномъ сознаніи, въ созданіи болѣе сильнаго чувства общественной групповой солидарности. Эта солидарность вслѣдствіе сходства людей, вслѣдствіе общности ихъ мыслей, нуждъ и желаній есть фактъ прежде все обобществленія, она ведетъ къ закрѣпленію общественныхъ связей; но въ то же время она есть и фактъ индивидуализаціи, такъ какъ съ обогащеніемъ своей внутренней жизни, человѣкъ обогащаетъ и свою индивидуальность. Такимъ образомъ индивидуальное и социальное примиряются, въ силу своей солидарности. Одно не противостоитъ другому, а взаимно помогаетъ.

Но люди не только сходны другъ съ другомъ, въ своемъ общемъ желаніи жить, мыслить, дѣйствовать; они имѣютъ и различныя по содержанію желанія и стремленія. Первоначально, въ первобытныхъ обществахъ люди были болѣе похожими другъ на друга, но чѣмъ далѣе по пути прогресса движется человѣчество, тѣмъ болѣе усиливается различіе людей; цивилизація, можно сказать, есть ростъ человѣческихъ несходствъ и неравенствъ, такъ какъ она сопровождается увеличеніемъ нуждъ и уменьшеніемъ количества времени для ихъ удовлетворенія. Развиваясь, человѣкъ ду-

маеть, хочетъ и можетъ большее количество вещей; естественно, онъ будетъ и болѣе отличенъ отъ другихъ. Всякая человѣческая индивидуальность дѣлается болѣе сложной, и вслѣдствіе того болѣе несходной со всякой другой индивидуальностью. Разнообразіе и развѣтвленіе человѣческихъ потребностей вызываютъ и дифференціацію способностей и индивидуальной дѣятельности. Чѣмъ болѣе разнообразны потребности, тѣмъ болѣе разны способности, ибо потребности создаютъ органы. Цивилизація можетъ быть опредѣлена какъ возрастающая дифференціація людей, у которыхъ количественный ростъ желаній и дѣятельностей сопровождается увеличеніемъ качественной разности. Этотъ фактъ общественной дифференціаціи отражается въ индивидуальномъ сознаніи какъ солидарность, которую можно было бы назвать солидарностью черезъ раздѣленіе труда. Люди тѣмъ болѣе нуждаются другъ въ другѣ, чѣмъ болѣе специализируются ихъ способности и чѣмъ большее количество людей нужно каждому для удовлетворенія его разнообразныхъ потребностей. Эта солидарность есть прежде всего фактъ обобщенія, такъ какъ общественная связь дѣлается болѣе тѣсной, но она въ то же время и фактъ индивидуализаціи, такъ какъ богатство индивидуальной жизни увеличивается съ возникновеніемъ и закрѣпленіемъ спеціальныхъ личныхъ призваній и способностей.

Благодаря образованію союзовъ, промежуточныхъ между личностью и государствомъ, растутъ узы, связывающія людей между собой; узы эти дѣлаются все болѣе многочисленными и сложными; а вмѣстѣ съ этимъ растетъ и индивидуальность. Въ самомъ дѣлѣ, индивидуальность тѣмъ богаче, чѣмъ богаче содержаніемъ индивидуальное сознаніе и индивидуальная воля. Соединяясь съ извѣстнымъ числомъ себѣ подобныхъ, индивидъ чувствуетъ свое сознаніе расширеннымъ, онъ познаетъ себя солидарнымъ съ человѣчествомъ вообще и съ отдѣльными его группами; онъ познаетъ,

что его желанія и стремленія совпадаютъ съ желаніями и стремленіями многихъ другихъ людей и что они лучше могутъ быть удовлетворены совмѣстной жизнью, общими усиліями. Расширеніе индивидуальнаго сознанія тотчасъ же отражается на расширеніи индивидуальной воли. Зная болѣе, человѣкъ желаетъ болѣе. Чѣмъ многочисленнѣе и тѣснѣе узъ, соединяющія его съ другими людьми, тѣмъ болѣе разнообразны его желанія. Въ то же самое время растетъ раздѣленіе труда, и въ различныхъ группахъ образуются новыя подраздѣленія, новыя группы; и человѣкъ чувствуетъ себя связаннымъ съ большимъ количествомъ группъ. Чѣмъ болѣе онъ сознаетъ себя членомъ социальныхъ группъ, тѣмъ болѣе человѣкомъ онъ дѣлается, и т. д.

III.

Двусторонность общественной природы возникаетъ вслѣдствіе того, что органичность общества носить не біологическій, а психологическій характеръ. Она заключается въ существованіи общественнаго психического синтеза.

Заслуга указанія психического синтеза, какъ основанія общественной организованности, принадлежитъ представителямъ психологической школы въ социологіи, твердо установившимъ, что явленія не только духовной культуры, но и всей социальной жизни суть продукты психического взаимодѣйствія людей. Психологическое пониманіе общества прежде всего окончательно утверждаетъ основную роль человѣческой личности въ общественномъ цѣломъ. Если общественныя явленія суть лишь выраженіе постоянного психического взаимодѣйствія между людьми, то, слѣдовательно, психологическій моментъ предшествуетъ или лежитъ въ основѣ экономическаго, юридическаго, политическаго и т. д. моментовъ. Личность является такимъ образомъ не пассивнымъ продуктомъ общества, а творческимъ факторомъ общественнаго развитія.

При правильномъ психологическомъ пониманіи природы общества всѣ стадіи существованія общественныхъ образованій представляютъ собою то противоборство, то взаимодѣйствіе личнаго и коллективнаго началъ.

Въ возникновеніи обществъ мы имѣемъ ярко выраженное торжество родового начала. Общество создается, рождается потому, что въ сознаніи людей, въ ихъ психической жизни торжествуетъ родовое, т. е. общественное влеченіе. Эта старая идея *ζῶον πολιτικόν* и *appetitus societatis*; только прежняя общежительная теорія получаетъ новую формулировку въ терминахъ психологіи, будетъ ли это теорія общественнаго психизма, особаго вида энергіи, какъ у де-Роберти, или родового сознанія, какъ у Гиддинса, или общественной подражательности, какъ у Тарда, и т. п. Въ уничтоженіи, смерти обществъ, наоборотъ, сказывается полная побѣда индивидуальнаго начала. Объединяющая связь родового сознанія и общественнаго влеченія въ силу разнообразныхъ причинъ ослабѣваетъ и расторгается. Отдѣльныя лица выходятъ изъ зависимости коллективному сознанію и или входятъ въ новыя общественныя группы, гдѣ снова торжествуетъ родовое начало, или уничтожаются и исчезаютъ.

Сама же жизнь общественныхъ образованій представляетъ непрестанное взаимодѣйствіе родового и индивидуальнаго началъ, причемъ въ одномъ изъ двухъ основныхъ элементовъ жизни, въ сохраненіи общественной формы, преобладаніе принадлежитъ родовому началу, а въ другомъ, въ развитіи и ростѣ общественной формы, — началу личному. Собирательное, коллективное начало торжествуетъ въ сохраненіи общества. Главной психической силой, удерживающей общественныя образованія отъ распада, является инстинктивное или сознательное стремленіе членовъ общества къ единству, выражающееся въ догматическомъ самоутвержденіи общества. Общество сохраняется потому, что въ немъ, въ его членахъ, есть положительная вѣра въ себя,

въ свое нравственное и общественное значеніе; отсюда, естественно, общность и одинаковость поведенія и взглядовъ у отдѣльныхъ личностей, — та солидарность по сходству, которую Дюркгеймъ назвалъ механической. Нормы быта, нравовъ, приличія, права и общественной позитивной морали закрѣпляютъ этотъ общественный догматизмъ, безпощадно устраняя изъ общественной группы всѣхъ тѣхъ, кто не сообразуется съ общественнымъ критеріемъ, кто не стремится въ своей жизни приблизиться къ среднему общественному типу. Въ непрестанномъ стремленіи людей къ единству и къ механической солидарности выражается основное начало психического общественного приспособленія, вызывающаго, въ цѣляхъ сохраненія жизни, въ однихъ случаяхъ неподвижность, въ другихъ гибкость общественныхъ формъ. Въ ростѣ общественныхъ формъ въ противоположность началу сохраненія играетъ доминирующую роль личный элементъ. Общество расчленяется и дифференцируется, одна общественная форма переходитъ въ другую подъ вліяніемъ главнымъ образомъ личнаго почина, личной инициативы, по закону ли идей-силъ, какъ это доказывалъ Фулье, или по закону инициативы-подражанія, какъ это утверждалъ Тардъ.

По Тарду, жизнь общества управляется троякимъ психологическимъ закономъ, закономъ повторенія явленій, ихъ противоположенія и ихъ приспособленія. Въ основѣ всего лежитъ личный починъ, творчество индивидуальнаго генія, который вызываетъ себѣ въ общественной средѣ подражаніе. Общественное подражаніе есть только одинъ изъ видовъ универсальнаго закона повторенія явленій. Общественныя явленія суть явленія междумозговой психологіи; постоянно происходятъ соприкосновеніе двухъ сознательныхъ существъ и передача отъ одного къ другому понятій и хотѣній. То соотвѣтствіе уму и волѣ, которое составляетъ основаніе общественной жизни, является слѣдствіемъ внушенія-подражанія. Въ обществахъ одинъ постоянно подражаетъ дру-

гому въ рѣчи, въ религіозныхъ обрядахъ, въ техникахъ и профессіяхъ, въ наукахъ и искусствахъ и т. д. Въ основѣ всякаго соціального явленія лежитъ какая-нибудь первоначальная личная своеобразность, вызвавшая рядъ подражаній. То, что составляетъ такъ называемый геній народа, есть лишь безыменный синтезъ такихъ личныхъ своеобразностей. Тардъ считалъ даже возможнымъ дать точное математическое выраженіе этому закону соціального подражанія, подобно тому какъ имѣетъ это мѣсто въ физическихъ законахъ тяготѣнія, или въ законѣ химическаго сродства; разъ примѣръ, обязанный своимъ существованіемъ личной инициативѣ, появился въ общественной средѣ, онъ стремится распространиться въ ней по геометрической прогрессіи, если эта среда сохраняетъ свою однородность. Но такъ какъ количество психическихъ центровъ инициативы и почина безчисленное множество въ соціальной средѣ, то, разумѣется, должны постоянно происходить столкновенія и взаимодѣйствія такихъ подражательныхъ волнъ, являющіяся лишь выраженіемъ вѣчнаго закона борьбы, лежащаго въ основѣ всего существующаго. Эти соціальныя противоположенія бываютъ или разновременными, качественными и количественными, или одновременными, внутренними, когда борьба различныхъ подражательныхъ стремленій происходитъ внутри индивида, при его колебаніяхъ, и внѣшними, будетъ ли это простымъ споромъ, однимъ ли изъ видовъ сореазнованія и конкуренціи, или войною, и т. п.

Столкновеніе и противоположеніе различныхъ подражательныхъ стремленій завершается обыкновенно ихъ примиреніемъ, приспособленіемъ, естественной гармоніей. Уже въ каждомъ отдѣльномъ изобрѣтеніи мы имѣемъ въ сущности гармонію многихъ отдѣльныхъ идей въ умѣ изобрѣтателя, сліяніе и синтезъ ряда прежнихъ починовъ. Общественное развитіе и представляетъ постоянное расширеніе поля этого подражанія. Законъ общественнаго приспособле-

нія есть лишь соединеніе подражанія и противоположенія. Соціальное приспособленіе является главнымъ источникомъ прогресса.

Законъ общественнаго приспособленія ведетъ постоянно къ растущей общественной ассимиляціи, къ всеобщему единообразію и умиротворенію. Въ этомъ случаѣ торжествуетъ коллективное начало. Но въ то же время возникаютъ новыя индивидуальныя инициативы, и онѣ постоянно устремляютъ общество къ прогрессирующей общественной дифференціи. Такъ антогонистически борются въ обществѣ два закона, общественная ассимиляція и дифференціация, никогда окончательно не торжествуя другъ надъ другомъ. Это ведетъ къ тому, что основная характерная черта общественной эволюціи есть какъ бы антагонистическій процессъ, съ одной стороны, расширенія соціального круга вплоть до челоуѣчества, съ другой, увеличенія значенія личности и индивидуальной цѣнности. Въ силу вытекающей изъ законовъ подражанія прогрессивной ассимиляціи торжествуетъ родовое, общечелоуѣческое начало. Въ силу вытекающей изъ законовъ противоположенія прогрессивной дифференціи торжествуетъ индивидуальное начало. Какъ результатъ конфликта этихъ двухъ началъ, устанавливается примиреніе, общественное приспособленіе. Личность играетъ въ этомъ отношеніи динамическую роль, статическая же представлена обществомъ. Личность, въ силу присущаго ей стремленія къ безконечному совершенствованію, есть, по крайней мѣрѣ въ избранникахъ, начало движенія и прогресса. Общественная же форма, какъ достигнутая уже и законченная въ себѣ ступень развитія, есть начало косное и охранительное.

Результатъ соціологическаго изученія законовъ общественной жизни есть устраненіе антиноміи личности и общества, и извѣстная формулировка Соловьевымъ отношенія между личностью и обществомъ, по которой личность есть лишь

сжатое общество, а общество расширенная личность, вполне точна и правильна. Общественность дается уже въ самомъ понятіи личности, какъ силы разумно познающей въ общихъ понятіяхъ, въ словесномъ общеніи и въ коллективномъ опытѣ, и какъ силы нравственно дѣйствующей въ тѣхъ формахъ общественнаго соединенія, какія представляютъ семья, родъ, государство и человѣчество. Нѣтъ и не можетъ быть принципиальной вражды между личностью и обществомъ, а лишь временное столкновеніе, происходящее вслѣдствіе индивидуальнаго почина, между прежней достигнутой стадіей общественно-личнаго развитія и новою; поэтому вся исторія можетъ быть понята, какъ постепенное углубленіе, возвышеніе и расширеніе двусторонней лично-общественной жизни.

Общество есть коллективно-психическое явленіе. Оно не существуетъ какъ внѣшняя реальность внѣ того синтеза психическихъ переживаній, который составляетъ его сущность. Внѣ этихъ переживаній есть отдѣльные люди, есть ихъ конкретныя дѣйствія, но то, что составляетъ основу общества, это мы находимъ только въ нашихъ психическихъ переживаніяхъ. Но общество не есть индивидуальное переживаніе, оно есть психическій синтезъ. Синтезъ этотъ достигается совпаденіемъ ряда соотвѣствующихъ другъ другу переживаній, не одинаковостью, не сходствомъ этихъ переживаній, а именно ихъ совпаденіемъ, связанностью, соотвѣтствіемъ. Общество есть связанное, синтетическое цѣлое, какъ живое органическое тѣло, или какъ симфонія; и какъ тысяча одинаковыхъ тоновъ и звуковъ не дѣлаетъ еще симфоніи, такъ и тысяча одинаковыхъ переживаній, пока они гармонически не соединены другъ съ другомъ, не образуютъ общества. Для общества необходимо психическое соединеніе. Необходимо, чтобы одно психическое переживаніе обращалось къ другому психическому переживанію и съ нимъ соединялось.

Такое совпаденіе и синтетическое сліяніе коррелятив-

ныхъ психическихъ переживаній находимъ мы въ основныхъ психическихъ моментахъ всякаго общественнаго образованія: идея изобрѣтенія, индивидуальная инициатива сливается, соединяется съ переживаніемъ подражательныхъ эмоцій; переживаніе потребности у однихъ, совпадая съ сознаниемъ у другихъ возможности удовлетворить эти потребности, сливается въ социальное чувство солидарности; переживанія одними лицами эмоцій господства и распоряженія, а другими — эмоцій подчиненія и послушанія, синтетически объединяясь, образуютъ основную общественно-политическую психическую силу, — власть.

Именно психическая природа общества дѣлаетъ то, что общество не есть ни простая сумма составляющихъ его индивидовъ, такъ какъ оно есть нѣчто большее, чѣмъ эта сумма, ни нѣчто вполне особое и независимое отъ этихъ индивидовъ, такъ какъ внѣ индивидовъ оно и не существуетъ совершенно и внѣ индивидуальнаго сознанія не имѣетъ нигдѣ психическаго центра.

Общество есть своеобразное психическое отношеніе между суммой индивидовъ, составляющихъ общество, и индивидомъ. Общество — ни индивидъ, ни сумма индивидовъ, а неразрывное отношеніе между суммой и индивидами. Этимъ и создается двусторонняя неразложимая природа общества.

Личное и коллективное начала не враждебны другъ другу, а неразрывно слитны. Личное начало вообще можетъ быть понимаемо въ двоякомъ смыслѣ, или какъ нѣчто цѣлое, какъ совокупность всѣхъ переживаній, отправлений и функций, свойственныхъ человѣку, т. е. какъ полнота жизни, или какъ нѣчто отличное, несходное, особенное, своеобразное, свойственное лишь данной особи, какъ неповторяемая варіація человѣческаго типа, какъ единственное въ своемъ родѣ. Личность въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть исходный пунктъ общественнаго развитія, будучи источникомъ инициативы и изобрѣтенія, вызывающаго рядъ подражаній. Эти

подражанія суть выраженіе коллективнаго начала, такъ какъ они ведутъ къ все расширяющемуся приспособленію, къ созданію высшаго синтеза, къ всеобщей ассимиляціи и къ единству какъ синтезу. Но это торжество коллективнаго начала есть въ то же самое время и торжество личнаго начала, въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ смысловъ, въ смыслъ полноты индивидуальной жизни.

Изъ соціологическаго разсмотрѣнія природы общества выявляется намъ та общая идея, которая, по нашему мнѣнію, должна быть положена въ основаніе теоріи нравственности, права, власти, государства и политики. На ней же должна быть построена и правильная теорія федерализма и децентрализации. Эта основная идея есть гармонія, органическая слитность индивидуальнаго, частнаго и коллективнаго, общаго. Подобно тому какъ общество явилось намъ, какъ равновѣсіе двухъ силъ, личной и соціальной, такъ въ дальнѣйшемъ мы постараемся показать, что такое же равновѣсіе мы находимъ и въ морали, и во власти, и въ государствахъ, и въ правильной организаціи правительства.

Можно ли, возникаетъ въ заключеніе невольный вопросъ, найти точную формулу этого равновѣсія, дать неизмѣнное выраженіе нормальнаго отношенія двухъ элементовъ одного нераздѣльнаго цѣлаго? На этотъ вопросъ едва ли можно дать утвердительный отвѣтъ, такъ какъ одинъ изъ элементовъ общественнаго синтеза, индивидуальность, есть нѣчто неразложимо единственное и потому раціонально, въ научныхъ терминахъ невыразимое. Объ этомъ прекрасно писалъ одинъ современный критикъ-психологъ: „Психологія, не только въ ея теперешнемъ, признанно-младенческомъ состояніи, но и въ будущихъ ея возможностяхъ, позволяетъ ли разсчитывать на установленіе какихъ-либо точныхъ, содержательныхъ, въ самую глубину идущихъ закономерностей? Можно ли будетъ когда-нибудь ввести душу въ опредѣленное русло причинъ и слѣдствій? То, что въ этой

области извѣстно до сихъ поръ, тѣ психическія состоянія, которыя могутъ быть уловлены въ сѣть ассоціацій, то, что въ психикѣ можетъ быть учтено и предусматрѣно, это все такъ ничтожно и поверхностно въ сравненіи съ глубокой сферой ея загадокъ и неожиданностей. Не говоря уже о томъ, чтобы душу объяснить и подчинить ее необходимымъ законамъ, но просто описать ее, рассказать ее, — и этого не можетъ психологія. И теперь, какъ и прежде, и потомъ, какъ и теперь, душа остается и останется вѣкъ непостижимой. Эта неуловимая душа, самое реальное и самое призрачное существо на свѣтѣ, самое для насъ знакомое и самое неизвѣстное одновременно, — какъ вторглась она, великая случайность, на зарѣ мірозданія въ расчисленный и размѣренный кругъ бытія, въ механическую цѣль событій, такъ и сохранила донинѣ свою анархическую сущность, и въ желѣзномъ царствѣ окружающей необходимости пребываетъ она свободной, и эту свободу свою утверждаетъ надъ природой. Законы для души не писаны“. Но такъ какъ наука занимается лишь законами явленій, т. е. тѣмъ, что въ нихъ есть общаго, то, пожалуй, придется признать, что всякое общественное явленіе не можетъ сдѣлаться вполнѣ научнымъ, въ немъ всегда останется неподчиняющійся научной формулировкѣ элементъ, — человѣческій индивидъ въ своей единственности и изначальности.

До какой степени должно быть дано мѣсто личной свободѣ и инициативѣ, и въ какихъ предѣлахъ должно торжествовать общественное цѣлое, нельзя выразить въ точной и общей научной формулѣ. Мы только видимъ, и намъ говоритъ это и нашъ разумъ и подсказываетъ наше непосредственное чувство, что есть непреходящая цѣнность и въ индивидуальномъ началѣ и въ началѣ общественномъ, соборномъ. Чтобы найти правильное примиреніе имъ, можно обращаться лишь къ ирраціональному чувству мѣры, гармоніи, пропорціи, такта, присущему всему живому и особенно

жизненному. Это есть та золотая середина, *aureum medium* Аристотеля, которая составляет природу всякой добродѣтели. Все многообразіе отношеній общаго и частнаго нельзя выразить въ одной точной формулѣ. Характерная особенность чувства гармоніи и мѣры заключается въ познаніи всей сложности каждаго конкретнаго случая. Гдѣ же выступаетъ на сцену конкретное, единичное, тамъ, какъ и въ искусствѣ, нѣтъ всеобщихъ ключей, нѣтъ математическихъ формулъ. Творчество жизни по существу ирраціонально.

II. Основы нравственности.

I. Кантовское обоснованіе автономной этики и критика его. — II. Имманентно-эмпирическія обоснованія этики. Аристотеліанская этика жизнедѣятельности. — III. Энергитизмъ Гюйо. — IV. Мораль общественной солидарности у Конта и у современныхъ соціологовъ. — V. Обоснованіе этики самосохраненія высшаго недѣлимаго Н. Дебольскимъ, какъ особый видъ имманентной этики. — VI. Критика эмпирическихъ обоснованій морали. — VII. Обоснованіе этики, абсолютной по принципу, синтетической по содержанію.

Соціологически разсматриваемое, общество есть равновѣсіе личнаго элемента и коллективнаго; но на томъ же принципѣ лично-общественной гармоніи долженъ быть утвержденъ и высшій законъ нравственной дѣятельности. Къ идеѣ этого синтеза двухъ моментовъ лично-общественной жизни приходитъ всякое правильное построеніе этической системы, будетъ ли оно имманентнымъ или гетерономнымъ, научно-позитивнымъ или метафизическимъ и религіознымъ.

При разрѣшеніи и обоснованіи этической проблемы возможны три основныхъ направленія, соотвѣтственно тремъ различнымъ отвѣтамъ на вопросъ объ обязательности.

Возможно отвѣтить, что этическая обязательность зиждется въ самой природѣ нравственнаго сознанія, что нравственный долгъ есть истина, непосредственно усматриваемая человѣческимъ разумомъ, для него самоочевидная и въ немъ имѣющая свое основаніе; достаточно обратиться человеку къ своему сознанію, чтобы тамъ найти полную очевид-

ность нравственного закона. Это теорія самозаконности нравственности.

Возможно отвѣтить, что нравственная обязательность зиждется въ усматриваемыхъ человѣческимъ разумомъ законахъ человѣческой — личной и общественной — натуры, что сама природа и исторія, въ соединеніи съ личнымъ стремленіемъ человѣка, указываетъ ему должное. Стоитъ человѣку прислушаться къ голосу своей натуры и сопоставить эти стремленія съ естественными законами природы и общества, и ему станетъ ясно, что онъ долженъ дѣлать. Это теорія имманентной, научной, позитивной этики.

Наконецъ, возможно отвѣтить, что обязательность нравственныхъ нормъ покоится на основаніи, находящемся внѣ человѣка и внѣ его исторіи. Долгъ предстоить человѣку, какъ нѣчто надъ нимъ и внѣ его стоящее, имѣющее свой высшій, независимый отъ человѣка источникъ. Это системы гетерономной, религіозно-метафизической морали.

Каждая изъ этихъ системъ морали приходитъ въ окончательномъ выводѣ къ тому, что основнымъ моральнымъ закономъ, высшимъ благомъ, верховнымъ принципомъ нравственной дѣятельности является наиболѣе полная гармонія личности и общества.

I.

Неудачи и непослѣдовательность эмпирическихъ обоснованій нравственности естественно наводятъ философскую мысль на то, чтобы отказаться отъ стремленія найти опору нравственности внѣ ея и попытаться построить всю нравственную дѣятельность человѣка на началѣ самозаконности его воли, т. е. посмотреть на мораль какъ на осуществленіе своихъ собственныхъ законовъ, своей собственной идеи. Наиболѣе послѣдовательно и смѣло такая попытка была сдѣлана Кантомъ, такъ что судьба теоріи автономной морали до нѣкоторой степени связана съ его системой, и неудача

ея есть въ сущности неудача вообще автономнаго построения этики.

Придя въ своей теоретической философіи къ идеѣ, что истина заключается въ согласіи разума не съ внѣшнимъ міромъ, а съ самимъ собою, что основъ истины нигдѣ нельзя искать, кромѣ какъ въ теоретическомъ разумѣ, Кантъ ту же точку зрѣнія перенесъ и на разсмотрѣніе нравственныхъ проблемъ. Точно также и критерій нравственной правильности нужно, по его мнѣнію, искать не внѣ нравственнаго сознанія, а внутри его, въ его внутренней самозаконности.

Подобно тому, какъ теоретическій разумъ самъ создаетъ свои формы познанія, которыя предшествуютъ всякому опыту, такъ и нравственное сознаніе еще до всякаго опыта, еще до эмпирической дѣятельности находитъ въ себѣ общую безусловную и независимую основу, сознаніе долгаго. Практическій разумъ самъ полагаетъ изъ себя свой собственный порядокъ; онъ создаетъ міръ идей, которому долженъ соответствовать внѣшній міръ, но можетъ никогда и не соответствовать. Задача построения этического принципа — чисто апріорная. Апріорно выведенный нравственный принципъ есть нравственный законъ, отвлеченный отъ всякаго конкретнаго содержанія. Разумное существо это то, которое обладаетъ способностью дѣйствовать не по законамъ, а по представленіямъ законовъ. Міръ опыта знаетъ лишь естественные законы, въ опытѣ нѣтъ идеи долгаго: только внутри себя разумное существо находитъ идею долга, только въ себѣ оно находитъ сознаніе нравственнаго закона. Такъ какъ этотъ нравственный законъ не зависитъ ни отъ какого опыта, то въ немъ и не должно быть ничего эмпирическаго, — какихъ-нибудь психическихъ побужденій, мотивовъ или склонностей. Это чистая форма. Объективная реальность идеи долга, моральнаго закона непосредственно извлекается разумомъ изъ самого себя и никакими логическими операціями не можетъ быть выведена изъ опытнаго міра. „Всѣ практическіе

принципы, писалъ Кантъ въ Критикѣ практическаго разума, по которымъ воля опредѣляется предметомъ желательной способности, суть опытные и не могутъ стать практическими законами“. „Если разумное существо желаетъ мыслить свои правила, какъ практическіе общіе законы, то оно можетъ мыслить ихъ лишь какъ принципы, содержащіе въ себѣ опредѣленіе воли не по содержанію, а только по формѣ“.

Если нравственное начало нельзя выводить изъ какой-нибудь склонности, если оно не обусловлено никакой эмпирической природой, то остается чистая форма безусловной обязанности, голаго сознанія моральнаго долга. Нравственное достоинство не въ какой-нибудь опредѣленной цѣли, а въ общемъ правилѣ, въ абстрактномъ принципѣ самозаконности воли. „Нравственная обязанность есть необходимость дѣйствія изъ уваженія къ нравственному закону“. Все содержаніе нравственнаго закона только въ томъ, что онъ есть всеобщій и необходимый законъ разума. Отсюда основная формулировка высшаго нравственнаго начала: „Я долженъ дѣйствовать такъ, чтобы я могъ при этомъ желать такого порядка, въ которомъ правило этой моей дѣятельности стало бы всеобщимъ правиломъ“. Законъ этотъ дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ, по отношенію ко всѣмъ людямъ, онъ безусловенъ, онъ категориченъ, онъ дѣйствителенъ независимо отъ того, пріятенъ онъ намъ или нѣтъ.

Задачу апіорной кантовской этики нужно понять такъ: надо построить нравственное начало, общезначимое, абстрактное, обращенное ко всѣмъ людямъ вмѣстѣ, отвлекаясь отъ всякаго конкретнаго человѣка. Эта задача кореннымъ образомъ отличается отъ задачи найти верховный принципъ для дѣятельности каждаго. Вообще разумныя правила дѣятельности, обращенныя ко всѣмъ, далеко не тѣ же, что обращенныя къ каждому человѣку. Если, скажемъ, имѣется нѣкоторое число людей, обладающихъ такимъ количествомъ

средствъ, котораго можетъ хватить для поддержанія жизни всѣмъ лишь при величайшихъ лишеніяхъ, то какое поведеніе, отвлекаясь отъ всякихъ психологическихъ побужденій, разумно возможно для нихъ всѣхъ? Отказаться каждый изъ нихъ отъ своей части не можетъ, такъ какъ тогда никто ничего не получитъ; завладѣть частью другого не можетъ, такъ какъ если каждый будетъ стремиться завладѣть частью другого, то ни у кого ничего не останется; единственно возможный разумный выходъ для всѣхъ въ томъ, чтобы всѣ подѣлились между собой. Но совсѣмъ другой выводъ получается, если мы будемъ говорить о разумномъ поведеніи въ этомъ случаѣ отдѣльнаго человѣка. Если въ немъ говорить сознаніе нравственной нормы, обязывающей къ самоотреченію, или въ немъ сильно альтруистическое чувство, или онъ желаетъ покончить съ собой, онъ можетъ отказаться отъ своей доли. Если онъ эгоистъ, если онъ надѣется на свою силу, если онъ глухъ къ страданіямъ другого, онъ можетъ отнять часть другого. Если же онъ утилитаристъ, если же въ немъ эгоистическія и альтруистическія чувства уравниваются, если онъ не надѣется на свою силу, разумно ему требовать справедливой доли. И т. д.

Нужно всегда строго различать то, что можетъ предписывать разумъ всѣмъ и каждому, будучи какъ бы законодателемъ, стоящимъ надъ человѣческимъ обществомъ, отъ того, что онъ предписываетъ въ отдѣльности каждому, исходя какъ бы изнутри общества. Это имѣетъ значеніе во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Такъ, скажемъ, въ экономической области разумъ какъ общую норму для всѣхъ людей можетъ выставить лишь соглашеніе, взаимную поддержку, внѣ всякой конкуренціи, но тотъ же разумъ отдѣльнымъ классамъ общества и отдѣльнымъ лицамъ можетъ указать разное, въ зависимости отъ спеціальныхъ условій ихъ положенія, и сильному, напримѣръ, и экономически вооруженному поставить нормы конкурен-

ці и соревнованія. Если разумъ указываетъ всѣмъ конкурирующимъ предпріятіямъ, какъ наиболѣе для нихъ разумное, заключеніе трѣста, то наиболѣе сильному конкуренту онъ укажетъ борьбу до конца, т. е. до окончательной побѣды и установленія монополіи.

Правила для всѣхъ и каждаго, выводимыя априорно, носятъ характеръ чисто математическій, сводятся къ отысканію нѣкоей равнодѣйствующей и часто могутъ быть даже выражены въ математическихъ формулахъ. Правила для отдѣльнаго человѣка носятъ характеръ конкретный и не совпадаютъ съ правилами для всѣхъ. Если обязательность этихъ правилъ основывается не на какомъ-нибудь началѣ, находящемся внѣ дѣятельности человѣка, а лишь на своей автономности, то правила перваго рода обязательны для всѣхъ, математически взятыхъ, и не обязательны правила втораго рода, и наоборотъ, правила втораго рода обязательны для отдѣльнаго человѣка и не обязательны правила перваго рода.

Вслѣдствіе этого несоотвѣтствія императивовъ, обращенныхъ ко всѣмъ и каждому, и императивовъ, обращенныхъ къ каждому въ отдѣльности, нельзя построить чистой автономической этики, которая могла бы имѣть какое-нибудь практическое значеніе, кромѣ лишь теоретическаго. Если воля основанія для своей дѣятельности находитъ лишь въ себѣ самой, то почему воля отдѣльнаго человѣка должна сообразоваться со всеобщимъ закономъ нравственной дѣятельности, а не со своимъ собственнымъ конкретнымъ закономъ? Почему нравственный долгъ отдѣльнаго человѣка долженъ обсуждаться по принципу универсальности, обязательному лишь для всѣхъ вмѣстѣ? Одно дѣло построить абстрактную общезначимую этику, другое утвердить для конкретной личности обязательность такой математически общезначимой этики. Обоснованіе автономной этики у Канта этого не даетъ. Кантъ не показалъ, почему категориче-

скій императивъ священенъ для индивида, да, какъ видно изъ только что сказаннаго, и не могъ этого сдѣлать, по самому характеру своей задачи.

Указанное соображеніе характера чисто логическаго окончательно рушитъ все зданіе автономной этики, претендующей на реальное вліяніе. Уже болѣе второстепенное значеніе имѣютъ другія соображенія, возникающія по поводу кантовскаго обоснованія этики.

Сложность жизни, противорѣчіе стремленій, безконечное многообразіе социальныхъ формъ, индивидуальныя своеобразности и не позволяютъ найти такой принципъ, который былъ бы приложимъ ко всѣмъ разумнымъ существамъ. Думать, что разница лишь въ частностяхъ, и что есть въ положеніяхъ и дѣятельности людей нѣчто общее, значить такъ же ошибаться, какъ ошибался Руссо, когда предполагалъ, что можно найти общую волю всего общества, для чего стоитъ лишь отбросить то, въ чемъ люди расходятся другъ съ другомъ, и тогда останется то, что общее волѣ каждаго. Такой всеобще-совпадающей воли нѣтъ. Нѣтъ и правила дѣятельности, которое могло бы быть распространено на всѣ разумныя существа, всегда, при всѣхъ условіяхъ.

И дѣйствительно, та формулировка, которую далъ Кантъ высшему принципу нравственной дѣятельности, именно, дѣйствовать по правилу всеобщности, оказалась вполне неудачной. Съ одной стороны, она сузила нравственную дѣятельность, выбросивши за бортъ все героическое, всякую жертву и всякое самопожертвованіе, съ другой стороны, слишкомъ расширила ее, внеся въ нравственную область все, что дѣлается съ убѣжденіемъ. Такой выводъ, какъ извѣстно, и сдѣлалъ Фихте изъ нравственнаго закона Канта. Но убѣжденія бываютъ истинныя и ложныя: мститель, изувѣръ, фанатикъ, пессимистическій сторонникъ самоистребленія можетъ свои дѣйствія искренно понять какъ принципы универ-

сальнаго характера. Должно же быть что-нибудь, что отличало бы истинныя убѣжденія отъ ложныхъ. Въ началѣ всеобщей самозаконности никакого такого критерія нѣтъ и быть не можетъ.

Чистый апіоризмъ впрочемъ не удалось провести даже Канту. Лишить высшій принципъ нравственности всякаго эмпирическаго и психологическаго содержанія значить дать такую общую и пустую форму, которая никакой цѣны не имѣетъ, значить найти истину, что А есть А, познать которую не надо быть мудрецомъ, значить высказать только то, что въ нравственномъ должествованіи человѣкъ имѣетъ дѣло съ категоріей должнаго!

Пришлось контрабандой вводить эмпирическое содержаніе. Что должно и можетъ побуждать человѣка слѣдовать идеѣ долга? „Чистое уваженіе къ нравственному закону“. Не говоря о возникающемъ сейчасъ же возраженіи, о которомъ подробнѣе рѣчь будетъ ниже, именно, на чемъ можетъ основываться это уваженіе и въ чемъ его обязательность, если его у меня нѣтъ, — само чувство уваженія есть психологическое понятіе и считать его сверхъопытнымъ нѣтъ никакого основанія, такъ какъ оно относится къ человѣку, какъ къ предмету опыта. Особое достоинство чувства уваженія Кантъ видитъ въ томъ, что оно лишено пріятности, между тѣмъ какъ другія побужденія всегда соединены съ пріятностью. „Уваженіе, говоритъ Кантъ, есть въ столь малой степени чувство удовольствія, что мы не легко поддаемся ему по отношенію къ какому-нибудь человѣку. Обыкновенно мы стараемся найти какое-нибудь средство для того, чтобы ослабить его, придумать какой-нибудь предлогъ къ порицанію, чтобы избавить себя отъ униженія передъ представляющимся примѣромъ“. Однако одно то, что уваженіе лишено пріятнаго характера само собою нисколько не дѣлаетъ его болѣе достовѣрнымъ и болѣе годнымъ для обоснованія практической дѣятельности человѣка. Да и это

отсутствіе пріятности въ чувствѣ уваженія продолжается только до тѣхъ поръ, пока человѣкъ противится ему, когда же онъ ему слѣдуетъ, оно неизбежно даетъ ему чувство удовольствія. „Съ другой стороны, говоритъ Кантъ, въ этомъ чувствѣ столь мало неудовольствія, что если только мы рѣшимся пожертвовать своимъ сомнѣніемъ и дадимъ уваженію практически вліять на насъ, то окажемся не въ состояніи насытиться величественнымъ зрѣлищемъ нравственнаго закона и почувствуемъ себя въ той же мѣрѣ возвышенными, въ какой мѣрѣ этотъ законъ выше насъ и нашей слабой природы“.

Отбросить понятіе пріятнаго изъ нравственнаго закона оказывается совершенно невозможнымъ. Полное осуществленіе моральнаго закона неизбежно ведетъ къ осуществленію высшаго блага. Въ понятіи же высшаго блага, какъ признаетъ самъ Кантъ, неизбежно сліяніе добродѣтели и счастья. Одна добродѣтель „еще не есть полное и совершенное благо, какъ объектъ способности желанія различныхъ конечныхъ существъ. Чтобы быть такимъ, для этого нужно еще счастье, и притомъ не только въ пристрастныхъ глазахъ личности, которая дѣлаетъ цѣлью саму себя, но даже по сужденію безпристрастнаго разума, который смотритъ на личность вообще, какъ на цѣль въ себѣ. Имѣть потребность въ счастьѣ, быть достойнымъ его и при этомъ не быть ему причастнымъ, — это несовмѣстимо съ совершенною волею разумнаго существа, которое въ то же время имѣло бы въ себѣ и полноту силъ, разъ мы дѣлаемъ попытку мыслить себѣ таковое. Но, такъ какъ добродѣтель и счастье вмѣстѣ даютъ обладаніе высшимъ благомъ, причемъ счастье дается въ точной пропорціи съ нравственностью (какъ достоинствомъ личности и ея заслуженнымъ правомъ быть счастливой), и представляютъ изъ себя высшее благо возможнаго міра, то они даютъ все и полное благо, въ которомъ добродѣтель, какъ условіе, всегда

есть высшее благо, ибо она уже не имѣетъ надъ собою никакого другого условія, а счастье всегда есть нѣчто такое, что, хотя оно и пріятно тому, кто имъ обладаетъ, не есть еще нѣчто доброе въ себѣ безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ, а всегда предполагаетъ, какъ свое условіе, моральное закономѣрное поведеніе“. Если же счастье есть необходимый элементъ высшаго блага, а высшее благо есть конечная цѣль нравственной дѣятельности, то понятно, что человѣкъ, подчиняя свое поведеніе конечной цѣли высшаго блага, не можетъ психологически не вводить въ свое поведеніе и соображеній конечнаго счастья, сопровождающаго высшую добродѣтель.

Ошибочно предположеніе, что можно вывести принципъ дѣятельности для воли чисто умозрительно, отвлекшись отъ всякаго эмпирическаго содержанія. Уже само понятіе воли берется изъ эмпирическаго міра, въ примѣненіи къ эмпирической волѣ. Идея воздѣйствія закона на волю говоритъ намъ объ эмпирическомъ законѣ причинности.

Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти діалектическія тонкости, мы наталкиваемся въ формулировкѣ Кантомъ основнаго принципа этики на кардинальный вопросъ простаго здраваго смысла, на который вся критика практическаго разума не въ состояніи отвѣтить. Почему собственно человѣческая воля, находя свои законы только въ себѣ, должна опредѣляться исключительнымъ уваженіемъ къ нравственному долгу? Въ чемъ окончательное внутреннее или внѣшнее основаніе самого нравственнаго требованія? Кантъ пытался найти основу въ непосредственномъ нравственномъ сознаніи людей, т. е. въ совѣсти человѣческой. Но въ чемъ можетъ заключаться объективное значеніе совѣсти? Вѣдь для этики, исключаящей всякое психологическое содержаніе, она не можетъ служить основой. Да если субъективно я и переживаю нравственный законъ какъ для меня принудительный, то можно ли изъ этого субъективнаго пережи-

ванія заключать объ его объективной и безусловной обязательности?

Наконецъ, относительно всего построения Канта возникаетъ общій вопросъ, прекрасно формулированный Л. Лопатинымъ въ статьѣ Нравственное учение Канта: „Вѣрно ли, что существуетъ въ насъ практическій разумъ, какъ его понималъ Кантъ, и точно ли онъ руководствуется тѣмъ закономъ, который Кантъ формулировалъ? Подобный вопросъ можно поставить вообще о всей теоріи разума Канта. Но въ области его этическихъ построений недоумѣнія, съ нею связанныя, принимаютъ особенно явный видъ. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли считать безспорнымъ и несомнѣннымъ, что нравственное стремленіе людей сводится къ потребности имѣть побужденіемъ дѣйствій не какое-нибудь живое влеченіе, а совершенно абстрактный законъ, вся сущность котораго въ томъ, что въ немъ нѣтъ никакого содержанія, что онъ весь сводится къ простому слову: долженъ? Правда ли, что нравственное сознание только намъ и говорить: „дѣйствуй такъ, чтобы правила твоей воли могли быть принципами всеобщаго законодательства“, или оно ничего не говоритъ ни о какомъ законодательствѣ, — ни всеобщемъ, ни частномъ, а имѣетъ содержаніе совсѣмъ другого рода? Это вопросъ весьма важный; между тѣмъ Кантъ считаетъ его рѣшеннымъ заранѣе и никакихъ дѣйствительныхъ доказательствъ въ пользу своего пониманія не приводитъ“. И далѣе: „Нравственный законъ точно ли возвышается надъ своей чисто-инстинктивной почвой, и точно ли онъ съ своею безусловною обязательностью, въ своемъ качествѣ категорическаго императива, получаетъ смыслъ разумаго, сознательнаго убѣжденія, какъ неотмѣнный долгъ?... Нравственное чувство, съ точки зрѣнія сознательнаго разума, есть не болѣе, какъ безотчетное влеченіе, цѣну котораго мы не понимаемъ, а только глухо ощущаемъ... Уваженіе къ нравственному закону является какимъ-то слѣ-

нымъ инстинктомъ, противъ котораго стоитъ другой инстинктъ, не менѣе могущественный, — влеченіе къ наслажденіямъ чувственности, — и сознательный разумъ опять безсильно останавливается передъ задачею: какъ объяснить, что одинъ инстинктъ безконечно лучше и дороже для насъ, чѣмъ другой, и почему всегда надо слѣдовать первому и всячески избѣгать внушеній второго“?

Если противъ эмпирической нравственности выставляется возраженіе, что никакой опытъ не можетъ обосновать моральной обязательности дѣйствія, такъ какъ онъ даетъ только то, что есть, и напрасно бы мы искали въ немъ идеи должнаго, то надо признаться, что автономная этика еще менѣе даетъ такое обоснованіе. Въмѣсто всякаго доказательства, она непосредственно принимаетъ, постулируетъ, категорически утверждаетъ.

Самъ, очевидно, сознавая полную недостаточность априорной, формальной автономной этики, Кантъ пытался вывести другія формулировки нравственного закона. Нравственный законъ связанъ съ волей, основаніе же всякой воли въ той цѣли, которую она себѣ ставитъ. Если нравственный законъ есть требованіе безусловное и абсолютное, то онъ долженъ и обращаться къ чему-нибудь, что имѣетъ абсолютную цѣнность и достоинство, что имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ, а не является только средствомъ для какой-нибудь внѣ него находящейся цѣли. Это же имѣетъ мѣсто только по отношенію къ разумной природѣ; только разумная природа существуетъ, какъ цѣль въ себѣ. Это видно изъ того, что каждый изъ насъ свое существованіе понимаетъ, какъ цѣль своей дѣятельности. На себя мы смотримъ, какъ на носителей цѣли, а не какъ на средство. Слѣдовательно, окончательная цѣль нравственной дѣятельности лежитъ въ человѣкѣ, и такъ какъ это утвержденіе должно носить характеръ всеобщій, то оно должно простираться на всѣхъ людей, и значитъ, въ нравственной дѣятельности каждый человекъ

долженъ быть самоцѣлю. Отсюда основное моральное правило: „дѣйствуй такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоёмъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, всегда употреблялось тобой, какъ цѣль, и никогда, какъ средство“. Это — этика человѣческаго достоинства.

Но попытка построить этику человѣческаго достоинства чисто апіорнымъ путемъ на основахъ автономической морали должна быть признана вполнѣ неудавшейся. Можетъ быть, Кантъ и правильно установилъ во второй формулировкѣ своего категорическаго императива основной принципъ истинной морали, но это требованіе, устанавливающее высокую нравственную систему, нисколько не доказано и не обоснованно. Почему люди въ своей нравственной дѣятельности не должны быть средствомъ, а всегда лишь цѣлью? Развѣ на каждомъ шагу человѣкъ въ своей нравственной дѣятельности, будучи вполнѣ въ мирѣ со своею совѣстью, со своимъ самымъ высокимъ нравственнымъ сознаніемъ, не дѣлаетъ изъ себя средства для цѣлей другого, когда онъ служитъ обществу, когда онъ работаетъ для семьи, когда онъ жертвуетъ собою для отечества, когда онъ идетъ на войну, когда онъ посвящаетъ свою жизнь отысканію научной истины, утвержденію личнаго или общественнаго идеала? Развѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ не смотритъ на себя какъ на средство? Да въ сущности человѣкъ, за исключеніемъ самаго плоскаго и грубаго эгоиста, никогда и не можетъ быть своей собственной цѣлью. Всякій идеаль, кромѣ грубо-эгоистическаго, есть цѣль, достигая которую, человѣкъ употребляетъ себя, свою жизнь, какъ средство. Вторая формула категорическаго императива говоритъ лишь объ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и слѣдовательно, вся область отношеній къ Богу, къ не-человѣческому міру, къ самому себѣ выходитъ изъ сферы дѣйствій этого закона, т. е. за предѣлы нравственности. Чувственная животная жизнь вполнѣ оправдывается этимъ закономъ самоцѣли, и инте-

ресно знать, какимъ образомъ можно было бы отвергнуть, на основаніи этого закона, всѣ формы личнаго и даже коллективнаго разврата. За то всякую героическую дѣятельность, всякое самопожертвованіе, всякое стремленіе душу свою положить за други своя, непременно нужно отвергнуть. Когда въ океанѣ гибнетъ судно, и завѣдомо извѣстно, что можетъ быть спасена только часть находящихся на немъ людей, что, съ точки зрѣнія кантовскаго обоснованія этики, можетъ заставить наиболѣе сильную часть гибнущаго экипажа и мужчинъ уступить мѣста въ спасательныхъ лодкахъ наиболѣе слабымъ, — женщинамъ и дѣтямъ? Правило универсальности, всеобщности здѣсь не можетъ быть примѣнено, такъ какъ часть людей должна погибнуть. Законъ же самоцѣли скорѣе долженъ былъ бы требовать отъ индивида своего собственнаго спасенія, такъ какъ на себя никогда нельзя смотрѣть какъ на средство. Законъ самоцѣли не только не вытекаетъ изъ закона универсальности, а скорѣе отрицаетъ его.

Попытка априорнаго построенія этики не на естественныхъ законахъ жизни и не на внѣшнихъ гетерономныхъ основаніяхъ, а изъ самой себя, на принципѣ автономнаго самоограниченія, на началѣ самозаконности, должна быть признана совершенно необоснованной, пустой и противорѣчивой.

Чтобы хотя какъ-нибудь спасти свое обоснованіе этики, Канту пришлось прибѣгнуть и къ эмпирически-психологическому принципу уваженія и къ гетерономнымъ идеямъ свободы воли, безсмертія души, бытія Бога. Нравственность есть только тамъ, гдѣ есть свобода и индетерминизмъ; въ мірѣ же эмпирическомъ нѣтъ свободы, въ немъ царствуетъ всеобщій законъ причинности и детермированность. Кантъ переноситъ идею свободы изъ области феноменальной воли въ сферу воли ноуменальной, наталкиваясь однако при этомъ на множество непреодолимыхъ затрудненій при объясненіи

параллельнаго существованія и взаимнаго дѣйствія двухъ воль, одной свободной, другой детерминированной. Введеніе идей Бога и безсмертія души могло бы дѣйствительно обосновать этику, но онѣ должны лишить этику ея автономнаго характера. Если нравственный законъ свою обязательную силу имѣеть въ безсмертіи души и въ существованіи Бога, то онѣ уже не самозаконенъ. Чтобы спасти автономность этики, Канту пришлось объявить эти идеи постулатами практическаго разума и выводить ихъ изъ нравственнаго сознанія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онѣ сами обусловливаютъ нравственность. Богъ и безсмертная душа не постулаты нравственнаго закона, а источникъ и образующая сила всякой нравственной дѣятельности. На этомъ терпятъ безнадежное крушеніе всякія попытки неокантіанцевъ (вродѣ той, которую далъ Германъ Когенъ въ своемъ *Kant's Begründung der Ethik*) понять свободу воли, Бога и безсмертіе души, какъ регулятивныя идеи разума, какъ необходимыя вспомогательныя гипотезы. Регулятивныя идеи должны быть на чемъ-нибудь обоснованы, иначе онѣ и не будутъ регулятивами. Нужно вѣрить въ достовѣрность того, чѣмъ регулируешься. Видѣть же въ постулатахъ практическаго разума лишь регулятивныя идеи, лишь методы значить лишать ихъ всякой цѣнны, всякаго значенія, всякой регулирующей силы. Въ этомъ случаѣ они никому и ничего не обосновываютъ.

Автономная априорная этика имѣеть дѣло съ индивидуальнымъ сознаніемъ, и неразрывно-двусторонняя лично-коллективная природа общественной жизни для нея остается чуждой. Отвлекаясь отъ эмпирическаго содержанія, выводя свои законы не изъ опыта, но а priori, она имѣеть дѣло съ человѣкомъ, какъ съ изолированнымъ существомъ. Отсюда и выводъ, что человѣкъ есть носитель безусловной цѣнности. Это категорическое утвержденіе однако наталкивается на естественное возраженіе, почему именно отдѣльный чело-

вѣкъ есть самоцѣль, и почему этой цѣлью не могутъ быть, скажемъ, общественныя группы, народность и человѣчество.

Кантъ самъ, очевидно, чувствовалъ эту полную недостаточность своего индивидуализма и въ Основоположеніи къ метафизикѣ нравовъ онъ пытался вывести изъ своего категорическаго императива царство цѣлей; соблюденіе нравственнаго закона людьми въ идеалѣ должно привести къ царству цѣлей, т. е. „къ систематической связи различныхъ разумныхъ существъ посредствомъ общихъ законовъ. Такъ какъ законы опредѣляютъ цѣли по ихъ общей пригодности, то, если отвлечься отъ индивидуальныхъ отличій разумныхъ существъ, равнымъ образомъ отъ всего содержанія ихъ частныхъ цѣлей, можно будетъ помыслить цѣлое всѣхъ цѣлей (понимая подъ ними и разумныя существа въ качествѣ цѣлей самихъ по себѣ и тѣ особенныя цѣли, которыя каждое изъ нихъ можетъ ставить самому себѣ) въ систематической связи, т. е. царство цѣлей“.

Но это царство цѣлей осталось у Канта совершенно необоснованнымъ. Обоснованіе объективной этики не можетъ быть построено априорно на понятіи личности, такъ какъ идея долга, когда она остается въ сферѣ индивидуальнаго сознанія, не можетъ послужить основаніемъ дѣйствительно общеобязательной этики: она вѣдь можетъ быть истинной, но можетъ быть и ошибочной. Если, съ одной стороны, идея добра, какъ общаго начала, присуща и субъективной волѣ, то, съ другой стороны, эта воля способна и отклоняться отъ него. Для созданія на основахъ индивидуальнаго сознанія социальной этики мало еще того, что (какъ обмѣчается нѣкоторыми въ защиту такого перехода изъ индивидуальной въ общественную сферу) идея всеобщаго долженствованія предполагаетъ многихъ дѣятелей. Утвержденіе, что въ ученіи объ автономной волѣ дается руководящее начало къ примиренію личности и общества, можетъ въ свое обоснованіе сослаться только на то, что хотя категорическій

императивъ и обращается къ отдѣльной личности, но онъ ставитъ ей требованія, стоящія надъ ея волей. Этого же, очевидно, слишкомъ мало, чтобы понять двустороннюю природу нравственности. Априорная автономная этика осуждена оставаться въ сферѣ безнадежнаго индивидуализма.

Впрочемъ, повидимому, самому Канту не чуждо было пониманіе неразрывной двусторонности человѣческой природы, что видно, напр., изъ его статьи Идея всеобщей исторіи, въ особенности изъ четвертаго ея положенія, говорящаго о томъ, что развитіе человѣческихъ способностей совершается черезъ противоборство общественныхъ и изолирующихъ стремленій людей.

II.

Попытка Канта обосновать этику на началѣ самозаконности воли по здравому и серьезному обсужденію должна быть отвергнута, какъ окончательно неудачная. Поскольку она априорна, она не выдерживаетъ критики априорныхъ же соображеній; поскольку же она пытается дать матеріальное содержаніе формальному моральному закону, она бессильна ввести въ него двустороннюю лично-общественную природу эмпирической нравственной дѣятельности людей.

Болѣе удовлетворяютъ и априорнымъ и эмпирическимъ требованіямъ имманентныя эмпирическія системы этики, пытающіяся утвердить моральный принципъ на естественныхъ законахъ личной и общественной жизни.

Мы не будемъ заниматься здѣсь изложеніемъ и критикой. эвдемонистическихъ системъ морали, начиная отъ Аристиппа и Эпикура и до Бентама и Милля. Всѣ эти различныя развѣтвленія гедонизма, включая сюда и утилитаризмъ, стремящіяся построить этику на какомъ-нибудь одномъ эмпирическомъ началѣ человѣческой природы, низвергаются тѣмъ простымъ соображеніемъ, что счастье и польза не абсолютныя и опредѣленныя блага, а относительныя и

обусловленные, требующія постоянно точнаго опредѣленія по принципу внѣ нихъ лежащему. Счастье вообще не есть нѣчто самостоятельное: оно не можетъ быть достигнуто, какъ самоцѣль, но лишь сопутствуетъ иногда достиженію другихъ цѣлей; такъ счастье можетъ сопутствовать удовольствіямъ чувственнымъ или духовнымъ, можетъ проистекать изъ удовлетворенія или эгоистическихъ чувствъ или чувствъ альтруистическихъ; но соотношеніе этихъ удовольствій и чувствъ и выборъ между ними, очевидно, должны быть дѣлаемы по какому-то другому принципу, а не по принципу счастья. Требуется найти этотъ высшій принципъ, опредѣляющій нравственную человѣческую дѣятельность, эту верховную цѣль, обеспечивающую наибольшее благо для человѣка. Очевидно, эта цѣль можетъ быть найдена только въ томъ, что объединяетъ всѣ относительныя цѣли и всѣ ихъ заключаетъ въ себѣ, включая сюда и само счастье; эта верховная цѣль есть жизнь, какъ таковая, сама жизненная дѣятельность. Разумѣется, жизненный процессъ, являющійся высшимъ благомъ, опредѣляющимъ поведеніе человѣка, долженъ быть понятъ, какъ цѣлостный жизненный синтезъ человѣческой природы. И въ этомъ жизненномъ синтезѣ неизбежно и ярко выступаетъ двусторонній характеръ человѣческой природы.

Эмпирически-позитивное направленіе въ этикѣ, строящее ее на принципѣ самой жизни, ведетъ свое начало еще отъ Аристотеля и завершается въ новѣйшихъ системахъ солидаристической этики на соціологическихъ основахъ.

„Если въ области осуществимой дѣятельности, — говорить Аристотель въ первой книгѣ Никомаховой этики, есть цѣль, къ которой мы стремимся ради нея самой, а къ другимъ цѣлямъ лишь ради нея, то ясно, что это именно и есть благо и добро“. Безусловно совершеннымъ мы называемъ то, къ чему всегда стремятся, какъ къ цѣли самой по себѣ и никогда какъ къ средству. Такимъ благомъ является

блаженство, которое мы всегда избираемъ, какъ цѣль, а не какъ средство. То же самое слѣдуетъ изъ понятія самоудовлетворенности: совершенное благо должно удовлетворять само себя. „Такимъ образомъ блаженство, будучи цѣлью человѣческой дѣятельности, представляется чѣмъ-то совершеннымъ и самоудовлетворяющимся“. Если мы пожелаемъ опредѣлить точно понятіе блаженства, то мы должны обратиться къ назначенію человѣка. „Подобно тому, какъ музыкантъ или скульпторъ и всякій художникъ, или даже всякій вообще человѣкъ, занятый какимъ-нибудь дѣломъ, въ этомъ своемъ дѣлѣ видитъ благо и находитъ удовлетвореніе, точно то же можно думать и относительно человѣка вообще, если только у него есть какое-либо назначеніе“. Очевидно, это спеціальное назначеніе человѣка состоитъ въ самой жизни, въ осуществленіи жизненнаго процесса, свойственнаго его спеціальной природѣ. „Жизнь свойственна и растеніямъ, а мы ищемъ спеціально принадлежащее человѣку; поэтому мы должны выдѣлить питательную и растительную жизнь. Слѣдующій видъ жизни — чувствующій, но онъ свойственъ всѣмъ животнымъ. Но человѣку сверхъ этихъ родовъ жизни свойственна еще дѣятельная жизнь разумнаго существа, при томъ такого, которое частью повинуется разуму, частью же владѣетъ разумомъ и мышленіемъ“. Назначеніе человѣка — въ извѣстнаго рода жизни, соотвѣтствующей его природѣ, а именно, состоящей въ разумной душевной энергіи и дѣятельности. Остается разсмотрѣть различныя свойства души, интеллектуальнаго и волевого характера, и сообразно имъ опредѣлить добродѣтели, т. е. тѣ качества души, которыми долженъ руководиться человѣкъ въ своемъ поведеніи. Проходя длинный рядъ такихъ свойствъ души, Аристотель приходитъ, наконецъ, и къ чувству общенія, къ *φιλία*, къ общественной солидарности людей: осуществляя разумныя стремленія своей природы, человѣкъ, подъ вліяніемъ чувства

общительности, создаетъ различныя формы соціальной жизни. Это естественно приводитъ отъ чисто индивидуальной этики къ этикѣ соціальной, къ политикѣ и къ ученію о правѣ.

Аристотель, если угодно, то же давалъ обоснованіе автономной этики, но эта самозаконность искалась имъ не только въ нравственномъ самосознаніи человѣка, а во всей его натурѣ, въ самой жизненной энергіи, заставляющей человѣка жить и дѣйствовать.

III.

Жизнь, какъ таковая, вотъ предѣлъ научной морали, полагаетъ и Гюйо, одинъ изъ новѣйшихъ представителей аристотеліанскаго обоснованія этики. Нравственный двигатель человѣческаго поведенія, съ научной точки зрѣнія, заключается въ интенсивности жизни. Въ индивидуальномъ стремленіи къ жизни дается первый двигатель всякаго дѣйствія. Желаемое вообще есть не благо, не долгъ, не счастье въ тѣсномъ смыслѣ слова, а жизнь и дѣятельность, и первоисточникъ его нужно искать уже въ инстинктивномъ существованіи. Стремленіе сохранить жизнь есть всеобщій космическій законъ; стремленіе же къ удовольствію, къ пріятному, къ счастью, которое ярко обнаруживается въ сознательной жизни людей, есть лишь послѣдствіе инстинктивнаго усилія сохранить и увеличить жизнь. Въ данномъ случаѣ и причина и цѣль совпадаютъ другъ съ другомъ. При такомъ пониманіи высшаго принципа нравственной дѣятельности человѣка этика дѣлается наукой о средствахъ сохранить и увеличить матеріальную и умственную жизнь; увеличить же интенсивность жизни значитъ вообще увеличить сферу дѣятельности. Съ точки зрѣнія такой морали величайшій порокъ есть жизненная лѣность. Гедонизмъ и эвдемонизмъ остаются, какъ нравственныя начала, въ такой этикѣ, но на второмъ планѣ; удовольствіе и счастье входятъ лишь какъ элементы или, лучше сказать, какъ неизбѣжныя

послѣдствія достиженія высшей цѣли — дѣятельной жизни: увеличивай постоянно интенсивность твоей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и твоего удовольствія, ибо удовольствіе неизбежно связано съ физическимъ и умственнымъ ростомъ жизни. Удовольствіе сопровождаетъ всѣ естественныя проявленія жизни, какъ питаніе, утомленіе жажды, отравленіе органическихъ функцій жизни; но самое основное, самое жизненное выраженіе счастья заключается въ удовольствіи жить и чувствовать эту жизнь въ своихъ желаніяхъ, въ работѣ своей мысли. Дѣйствіе вовсе не предполагаетъ непременно достиженія опредѣленнаго удовольствія, какъ своей цѣли. Уже въ самомъ дѣйствіи, въ жизненномъ процессѣ, въ волевомъ актѣ, въ чувствованіи, въ мысли есть удовольствіе, такъ какъ оно сопровождаетъ процессъ жизни, какъ таковой.

Отсюда основной принципъ нравственной дѣятельности — стремиться къ наибольшей интенсивности жизни. Наибольшая же интенсивность жизни соотвѣтствуетъ наибольшему ея распространенію, расширенію. Жизнь заключается въ двухъ процессахъ, — въ привлеченіи къ себѣ, во впитываніи въ себя силъ окружающаго міра и въ преобразованіи этихъ силъ въ себѣ и для себя, въ отдачѣ избытка собранныхъ силъ, въ творествѣ и плодородіи. Эта общая потребность творчества, высшее выраженіе начала жизни, проявляется въ родовомъ и общественномъ устремленіи людей: рожденіе дѣтей есть выраженіе этой творческой потребности жизни; подъ вліяніемъ этой же потребности создается и общественность. Общая потребность плодородія, свойственная жизни, заставляетъ человѣка стремиться къ умственному творчеству, въ чувственномъ сферѣ желать раздѣленія съ кѣмъ-нибудь своихъ чувствъ, въ области волевыхъ актовъ любить трудъ, усилія. Въ законѣ питанія и производства, лежащемъ въ основѣ жизни, находится основаніе неразрывной, индивидуально-общественной двусторонности жизни. Трата есть увеличеніе жизни; жить значитъ

производить. Наибольше интенсивная жизнь есть жизнь наиболее раздѣленная съ другими. Наибольше совершенный организмъ наибольше социаленъ.

Отсюда возникаетъ единственный нравственный долгъ человѣка предъ самимъ собой, жизни предъ самой собой. Сила должна тратиться, ибо жизнь сохраняется, только распространяясь. Здѣсь основа социальности вообще и общественной морали въ частности.

Такъ развитіе внутренней идеи человѣка, „его назначенія“, о которомъ говорилъ Аристотель, приводитъ къ идеѣ общественности. Инстинктивное, въ самой основѣ человѣческаго существа зиждущееся стремленіе къ расширенію и размноженію создаетъ стремленіе, съ одной стороны, къ личному интересу, что было послѣдовательно возведено въ систему Эпикуромъ, Бентамомъ, а съ другой стороны, — къ социальной жизни, что нашло свое выраженіе въ системахъ Юма, Адама Смита, Милля. Въ правильно понятомъ принципѣ жизненной дѣятельности происходитъ дѣйствительное совпаденіе личнаго и общественнаго интереса, эгоизма и альтруизма, личнаго счастья и общественной пользы.

IV.

Наибольше законченное выраженіе аристотеліанское обоснованіе этики нашло себѣ въ солидаризмѣ. Солидаризмъ есть социологически устанавливаемый законъ лично-общественной жизни. Онъ лишь нѣсколько рѣзче, въ сравненіи съ чистымъ энергизмомъ, подчеркиваетъ двустороннюю природу жизни, отмѣченную уже Аристотелемъ. Въ настоящее время солидаристическое обоснованіе морали пріобрѣтаетъ особенное практическое значеніе, такъ какъ оно имѣетъ тенденцію сдѣлаться официальной моралью современныхъ демократій, отдѣлившись отъ религіи, объявившихъ свой полный нейтралитетъ по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ и нуждающихся поэтому въ самостоятельномъ утвержденіи

общественной морали на позитивныхъ, нейтральныхъ по отношенію къ религіи, научныхъ основахъ. Такую попытку построенія самостоятельной позитивной морали на научной соціологической основѣ и представляетъ солидаризмъ, намеки на который имѣются еще въ ученіи Аристотеля о *philia*, но истиннымъ родоначальникомъ котораго является творецъ позитивной философіи, Огюсть Контъ.

Только положительная философія, по словамъ Конта, исходя изъ знанія человѣческой природы, можетъ руководить развитіемъ соціальнаго чувства и обосновать мораль. „Нравственность утверждается только при принятіи соціальной точки зрѣнія, выдвигающей на первый планъ идею цѣлаго, съ которою всегда связано чувство долга. Эволюція человѣчества есть возрастающее преобладаніе свойствъ человѣческой природы надъ свойствами животной природы, основанное на господствѣ разума надъ склонностями и инстинкта симпатіи надъ эгоистическими побужденіями“. „Новая философія въ высшей степени развиваетъ чувство соціальной солидарности и непрерывности. Она укрѣпляетъ идею порядка, которая возводится реальнымъ строемъ міра въ основу частнаго и общественнаго поведенія“. „Когда нравственное воспитаніе освоить современные умы съ понятіями солидарности и непрерывности эволюціи человѣчества, они почувствуютъ нравственное превосходство философіи, которая привязываетъ каждого изъ насъ къ жизни всего человѣчества во всѣ времена и во всѣхъ странах... Ограниченіе всѣхъ надеждъ реальною жизнью даетъ новыя средства связать ходъ развитія каждого человѣка съ развитіемъ всего человѣчества; только созерцаніемъ этой эволюціи можно удовлетворить присущую намъ потребность въ вѣчности. Заботливое уваженіе къ жизни человѣка, всегда возраставшее по мѣрѣ развитія соціальной жизни, еще болѣе увеличится, когда исчезнетъ фантастическая надежда, предполагающая пренебрегать настоящимъ существованіемъ, ко-

торое кажется второстепеннымъ въ сравненіи съ будущею жизнью“. „Сообразно своимъ различнымъ свойствамъ положительная нравственность покажетъ каждому человѣку, что его счастье зависитъ отъ наиболѣе полного развитія доброжелательныхъ поступковъ и симпатическихъ эмоцій въ отношеніи ко всему человѣчеству и даже ко всѣмъ подчиненнымъ ему чувствующимъ существамъ. Ея сила будетъ тѣмъ болѣе обезпечена, что она приспособится къ требованіямъ всякаго индивидуальнаго и соціальнаго положенія“. „Положительная философія подчиняетъ соціальной точкѣ зрѣнія и мораль, ставя все въ соотношеніе не съ человѣкомъ, а съ человѣчествомъ. Нравственные законы, какъ и законы интеллектуальные, болѣе доступны оцѣнкѣ въ коллективномъ организмѣ, чѣмъ въ индивидуальномъ. Идеаль совершенства, тождественный для индивида и для рода, лучше выражается соціальною эволюціею, чѣмъ личною. Поэтому исходная точка нравственности всегда будетъ стоять въ связи съ политикою“.

Этическіе принципы Конта были восприняты и разработаны въ цѣлую этико-соціологическую систему Дюркгеймомъ въ его изслѣдованіи Раздѣленіе общественнаго труда. Онъ находитъ, что въ жизни обществъ сказывается двоякаго рода солидарность, механическая, соответствующая первобытнымъ обществамъ, объединяемымъ равенствомъ условій и сходствомъ положеній людей, и органическая, выражающаяся въ раздѣленіи труда. Прогрессъ соединенъ съ ростомъ органической солидарности, такъ какъ раздѣленіе труда увеличивается вслѣдствіе естественныхъ соціологическихъ причинъ, — роста и уплотненія населенія и борьбы за существованіе. Система соціальной объективной этики, по его мнѣнію, и должна быть построена на этомъ принципѣ. Обязанность индивида состоитъ въ наилучшемъ выполненіи своей соціальной функціи въ качествѣ органа, согласно съ принципомъ раздѣленія труда. При правильной

регламентаціи раздѣленія труда наилучшимъ образомъ будетъ достигнуто и личное счастье людей, такъ какъ братство всѣхъ людей возможно только при прогрессѣ раздѣленія труда. Правильное установленіе соціальной этики на принципѣ раздѣленія труда приводитъ, по мнѣнію Дюркгейма, къ примиренію личнаго и коллективнаго элементовъ и вовсе не соединено съ полнымъ подчиненіемъ личности коллективному цѣлому, такъ какъ прогрессъ цивилизаціи ведетъ къ двумъ соотносительнымъ явленіямъ, — къ росту государственныхъ функцій и къ развитію индивидуальной жизни.

Впрочемъ, у Дюркгейма остается не вполне выясненнымъ, какимъ образомъ раздѣленіе труда оказываетъ подобное дѣйствіе. Кромѣ того, раздѣленіе труда не является единственнымъ закономъ, управляющимъ жизнью общества, такъ какъ существуетъ, по его же словамъ, и органическая солидарность; почему же именно начало раздѣленія труда содержитъ въ себѣ необходимый моральный законъ? Вѣдь и Дюркгеймъ признаетъ въ качествѣ морально-руководящаго не всякое раздѣленіе труда, — бываютъ и аномальныя формы этого раздѣленія, — а лишь раздѣленіе труда, покоящееся на солидарности; раздѣленіе труда вѣдь вызываетъ не одну солидарность, но и вражду и конкуренцію. Регулированіе раздѣленія труда, о которомъ говоритъ Дюркгеймъ, должно руководиться средней линіей между аномальнымъ раздѣленіемъ, выражающимся въ экономической неурядицѣ, въ губительной спеціализаціи наукъ и профессій и т. д., и принудительной неподвижностью такого раздѣленія въ каковомъ устройствѣ общества. Эта же средняя линія есть солидарность. Слѣдовательно, основу морали надо искать не въ раздѣленіи труда, а въ солидарности, дающей формальный принципъ этики; и уже матеріальное содержаніе солидарности наполняется извѣстными формами раздѣленія труда.

Законченную форму солидаристическаго обоснованія этики мы находимъ у Дюги, въ его основномъ сочиненіи

Государство, въ его Общей теоріи государства и въ Соціальномъ правѣ, индивидуальномъ правѣ и преобразованіи государства. За нимъ слѣдуетъ въ этомъ направленіи цѣлый рядъ другихъ французскихъ писателей.

Солидарность есть не моральный долгъ, а соціальный фактъ, но этотъ фактъ можетъ обосновать, по мнѣнію представителей солидаризма, норму поведенія. Ходъ разсужденія при этомъ математически простъ и ясенъ. Основа всего — индивидуальное сознаніе, *cogito, ergo sum*. Это сознаніе всегда стремится выразиться во внѣ, въ дѣйствіи, въ актахъ воли, вызываемыхъ какою-нибудь цѣлью, т. е. факторомъ, субъективно относимымъ нами къ будущему. Всякая философія должна отправляться отъ несомнѣннаго факта индивидуальнаго сознанія. Индивидуальное сознаніе есть единственная, внѣ всякихъ сомнѣній находящаяся реальность; но эта реальность возрастаетъ по мѣрѣ роста содержанія индивидуальнаго сознанія. Человѣкъ дѣлается тѣмъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ болѣе ясно и чѣмъ большее количество идей онъ мыслить и чѣмъ большее количество цѣлей онъ желаетъ. Здѣсь именно и заключается переходъ къ соціальной жизни: индивидуальное сознаніе расширяется и индивидуальность растетъ, по мѣрѣ того какъ человѣкъ глубже понимаетъ общественную солидарность и больше дѣйствуетъ въ направленіи ея реализаціи. Сознаніе связи своей съ обществомъ увеличиваетъ индивидуальность.

Стоить къ этому аристотеліано-декартовскому исходному пункту присоединить установленный Контомъ и Дюркгеймомъ законъ общественной солидарности, какъ основу общественнаго развитія, и вся конструкція солидаристической морали готова. Съ одной стороны, общественная солидарность есть фактическая взаимная зависимость людей и взаимная обусловленность прогресса личнаго и прогресса соціальнаго, т. е. естественный законъ общественнаго раз-

витія; съ другой стороны, этотъ фактъ отражается въ психическомъ мірѣ людей, какъ сознаніе этой взаимо-обусловленности и, въ качествѣ такового, дѣйствуетъ на человѣческую волю, какъ мотивъ дѣйствія, направляетъ эту волю на установленіе такихъ формъ и нормъ общежитія, при которыхъ наилучшимъ образомъ осуществлялась бы эта взаимозависимость. Естественнo и объективно необходимый законъ общественной солидарности дѣлается чувствомъ солидарности и субъективною цѣлью, регулирующею человѣческое поведение. На этомъ фактъ, или, если угодно, соціологическомъ законѣ общественной солидарности и утверждается основной принципъ объективной общественной морали: содѣйствуй по мѣрѣ силъ твоихъ росту общественной солидарности, такъ какъ жизнь, какъ твоя, такъ и всего общества отъ этого только возрастетъ. Въ такомъ построеніи моральнаго закона окончательно преодолеваются односторонности индивидуализма и коллективизма, и обѣ стороны жизни синтетически объединяются въ общей формулѣ.

V.

Своеобразное и очень интересное выраженіе аристотелянскаго воззрѣнія на нравственный законъ, какъ на законъ жизненной энергіи и солидарности, представляетъ собою этическая система Н. Дебольскаго, въ его примѣчательной и съ большимъ діалектическимъ талантомъ написанной книгѣ О высшемъ благѣ (1886).

Что должно быть цѣлью человѣческой дѣятельности? Такою цѣлью можетъ быть не условное какое-нибудь благо, служащее цѣлью для достиженія другого блага, а безусловное добро, которое ни для какой другой цѣли не является средствомъ. Это высшее благо, если оно дѣйствительно высшее, т. е. ничему высшему не служащее, и дѣйствительное благо, должно удовлетворять слѣдующимъ признакамъ: 1) оно должно быть возможно для человѣка по качеству, 2)

достижимо по количеству, 3) объединять всѣ прочія цѣли, 4) постоянно пребывать и 5) быть безконечнымъ по отношенію къ прочимъ цѣлямъ.

Такимъ высшимъ благомъ не можетъ быть счастье. Это положеніе доказывается Дебольскимъ съ большимъ остроуміемъ и діалектическимъ изяществомъ. Счастье, какъ верховой принципъ нравственной дѣятельности, не удовлетворяетъ ни одному изъ необходимыхъ свойствъ, требуемыхъ отъ высшаго блага, и прежде всего оно не достижимо по качеству, такъ какъ не существуетъ такой сознательной дѣятельности, которая наилучше обезпечивала бы *minimum* страданія и *maximum* положительнаго удовольствія. Стоитъ только аналитически разсмотрѣть различные виды человѣческихъ удовольствій: ни грубо-чувственные удовольствія половыя, вкусовыя и обонятельныя, ни тонко-чувственные зрительныя и слуховыя, ни удовольствія мышечнаго движенія, ни духовныя удовольствія эстетическія и научныя, ни удовольствія волевыя отъ дѣятельности, ни эмоціонныя эгоистическаго или альтруистическаго характера, будучи каждое въ отдѣльности необходимою составною частью человѣческаго счастья, еще самого счастья составить не могутъ. Ни одно изъ перечисленныхъ удовольствій, какъ обнаруживаетъ ихъ подробный анализъ, не можетъ еще дать высшую возможную пріятность для человѣка, т. е. счастья, ни избавить человѣка наилучшимъ образомъ отъ страданія.

Если же высшее благо есть счастье, т. е. наивысшая мѣра пріятности, то оно можетъ быть лишь соединеніемъ всѣхъ родовъ удовольствій. Но по какому правилу должно совершиться это соединеніе? Очевидно, если это правило существуетъ, то оно и есть всеопредѣляющая цѣль. Простѣйшее предположеніе заключается въ томъ, что должное соподчиненіе побужденій устанавливается самою природою человѣка, и прежде всего безсознательною природою, такъ какъ въ основѣ всякаго сознательнаго побужде-

нія лежитъ безсознательная инстинктивная потребность органическаго самосохраненія, и, слѣдовательно, извѣстное правило вносится въ соединеніе удовольствій самою природою человѣка. Всякое удовольствіе таково лишь постольку, поскольку оно сопутствуетъ удовлетворенію интересовъ самосохраненія. Если счастье возможно, то какъ такое удовлетвореніе общей потребности самосохраненія, которое всесторонне обнимало бы и объединяло бы собой прочія потребности. Изъ этой безсознательной потребности самосохраненія, по мнѣнію Дебольскаго, вырастаютъ, какъ изъ общаго корня, даже эгоистическія и альтруистическія чувства. Симпатія связываетъ индивида всего крѣпче съ его потомствомъ, потомъ съ членами его общественной группы и, наконецъ, вообще съ людьми, т. е. симпатія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ болѣе недавнее время два или болѣе индивида походились въ вещественной связи. Слѣдовательно, симпатическія побужденія могутъ считаться, такъ сказать, раздѣлившимися эгоистическими побужденіями. Потребность самосохраненія есть, прежде всего, безсознательное стремленіе сохранять свою жизнь и жизнь тѣхъ органическихъ существъ, которыя родственны по происхожденію, и притомъ, соотвѣтственно близости этого родства.

Естественное безсознательное стремленіе самой природы человѣка къ самосохраненію можетъ до нѣкоторой степени служить руководителемъ счастья и способно регулировать единичныя побужденія человѣка въ цѣляхъ его счастья, но положиться на него нельзя, такъ какъ оно погрѣшаетъ, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе усиливается сознательная жизнь человѣка. Очевидно, что правило счастья, коль скоро инстинктъ не дѣйствителенъ, должно быть установлено сознательнымъ путемъ. „Содержаніе этого правила можетъ быть найдено, однако, лишь въ томъ же началѣ самосохраненія, которымъ безсознательно руководствуется природа человѣка; ибо никакое единичное удовольствіе,

какъ таковое, не даетъ счастья, а соединеніе удовольствій, въ должной мѣрѣ каждаго, не можетъ быть обосновано ни чѣмъ инымъ, кромѣ общей потребности самосохраненія“.

Правило счастья, очевидно, могло бы быть выведено изъ правила самосохраненія, если бы было доподлинно извѣстно, кто, при руководствѣ принципомъ счастья, долженъ быть самосохраняющимся субъектомъ. Долженъ ли субъектомъ самосохраненія быть отдѣльный человѣкъ или собраніе людей, ихъ союзъ или общество? Съ точки зрѣнія принципа счастья, субъектомъ самосохраненія можетъ быть всякое существо или общество ихъ, если только они сознательно могутъ стремиться къ самосохраненію, хотя бы это была шайка разбойниковъ; но этимъ уже отрицается само начало самосохраненія, такъ какъ часто сохраненіе одного человѣка или союза людей соединено съ уничтоженіемъ другихъ людей или союзовъ. Нужно сдѣлать выборъ между субъектами самосохраненія, а съ эвдемонистической точки зрѣнія это невозможно. Съ точки зрѣнія принципа счастья нельзя отрицать права на самосохраненіе и такихъ обществъ, которыя живутъ разрушеніемъ другихъ обществъ, такъ какъ часто они имѣютъ болѣе шансовъ на сохраненіе своего существованія, чѣмъ общества мирныя и живущія своимъ трудомъ. Ссылка же на интересъ и счастье другихъ людей уже будетъ указаніемъ на нѣкоторый общечеловѣческій союзъ, обязательный для человѣка. Но почему счастье именно человѣчества должно имѣться въ виду? Почему не счастье какой-нибудь его части, или не собственное счастье индивида? „Отвѣтить на эти вопросы эвдемонизмъ не можетъ, такъ какъ отвѣтъ на нихъ предполагаетъ бѣльшее право одного субъекта на счастье сравнительно съ другимъ субъектомъ, и, слѣдовательно, переносить изслѣдованіе съ вопроса о счастіи на вопросъ о правѣ стремиться къ счастью“. Отсюда выводъ: цѣль счастья не есть высшая цѣль или верховное благо, такъ какъ самосохра-

неніе есть прежде всего право нѣкотораго субъекта, и этой цѣли соблюденія права на счастье одного субъекта предпочтительно передъ другимъ субъектомъ должно быть подчинено правило счастья.

Высшее благо есть самосохраненіе нѣкотораго опредѣленнаго субъекта. „Этотъ субъектъ есть не отвлеченное понятіе, но нѣчто реально-существующее или могущее существовать; онъ есть не неопредѣленное цѣлое, но цѣлое, связанное со своими частями по опредѣленному типу или закону, ибо, иначе, его самосохраненіе не можетъ ни обусловливать самосохраненіе его частей, ни обусловливаться имъ. Словомъ, это цѣлое есть реально-существующее, опредѣленное въ его типѣ, цѣлое всѣхъ частей, или недѣлимое“. Какъ недѣлимое, право котораго на самосохраненіе есть высшее, всеподчиняющее право, оно можетъ быть названо верховнымъ недѣлимымъ; и, слѣдовательно, опредѣленіе высшаго блага получается такое: высшее благо состоитъ въ самосохраненіи верховнаго недѣлимаго.

Остается опредѣлить, что же является этимъ верховнымъ недѣлимымъ, самосохраненіе котораго есть высшій моральный законъ. Н. Дебольскій подробно доказываетъ (здѣсь нѣтъ надобности слѣдить за его аргументаціей), что имъ не можетъ быть ни неопредѣленное количество людей, несоединенныхъ органически, — и этимъ опровергается какъ утилитаризмъ, такъ и эволюціонная этика дарвинизма, — ни единичный человѣкъ, понимаемый эгоистически или альтруистически. Верховное недѣлимое, самосохраненіе котораго составляетъ высшее благо, есть общество. „Понятіе общества не есть понятіе суммы входящихъ въ составъ общества простыхъ недѣлимыхъ. Одна сумма еще не образуетъ индивидуальнаго цѣлаго. Послѣднее возникаетъ лишь тогда, когда, во первыхъ, каждая часть, изъ которой слгается цѣлое, служить нуждамъ цѣлаго, и во-вторыхъ, когда цѣлое пребываетъ при смѣнѣ его частей“. Общество, какъ

недѣлимое высшаго порядка сохраняется для себя, а не для составляющихъ его недѣлимыхъ. Каково должно быть это общество, опредѣляется принципомъ общественнаго самосохраненія, т. е. цѣлью общественнаго развитія.

Такъ какъ самосохраненіе общества есть верховная цѣль, то и общество, въ которомъ эта цѣль осуществляется, должно быть обществомъ, по преимуществу способнымъ къ самосохраненію. „Общество, какъ верховное недѣлимое, самосохраненіе котораго составляетъ благо, есть тотъ видъ общества, которому, по самымъ его свойствамъ, принадлежитъ наивысшая способность самосохраненія“. Основы такого союза могутъ быть найдены въ источникахъ общественной жизни, т. е. въ общественныхъ побужденіяхъ человѣка, и притомъ наиболѣе постоянныхъ; такимъ союзомъ не можетъ быть ни случайное соединеніе, ни семья, ни первобытное и неиндивидуализированное соединеніе, а постоянный союзъ людей по сознательнымъ основаніямъ, т. е. народность, которая хотя и выражается часто въ единствѣ расы, языка, внѣшняго государственнаго устройства, но отъ него независимо; народность есть общество людей, всесторонне связанное сознаниемъ ихъ человѣчности, узами духовнаго сродства. Другими словами, народность есть соединеніе чисто психологическое, въ которомъ люди связаны только какъ люди, но связаны всесторонне своими правами и обязанностями.

VI.

Каково бы ни было достоинство этики, построенной на началѣ жизненной дѣятельности и общественной солидарности, какъ, повидимому, близко она ни подходитъ къ тому, что требуется нашимъ субъективнымъ сознаниемъ, что соотвѣтствуетъ общему благу и что обезпечиваетъ личное счастье, однако все же слѣдуетъ сказать, что она одна, сама по себѣ, безсильна утвердить моральный законъ.

Основной исходный принципъ въ этихъ имманентныхъ этическихъ системахъ произволенъ и необоснованъ, такъ какъ всякое внѣшнее обоснованіе на какомъ-нибудь внѣ самой человѣческой дѣятельности находящемся началѣ отвергнуто, самимъ же собой можетъ быть обусловлено только то, что абсолютно по существу, т. е. Богъ, а не человѣческая воля.

Нравственныя требованія понимаются нами, и не могутъ не пониматься, какъ обязательныя, какъ связывающія нашу волю, иначе они становятся условными техническими указаніями. Но при построеніи имманентной этической системы, въ чемъ находится доказательство и обоснованіе этой обязательности? Почему одно, что мы называемъ добромъ, должно быть предпочтено другому, что мы называемъ зломъ? А если у меня злая воля и она радуется во злѣ и тяготѣетъ къ нему? Можно полагать и даже доказывать, что то или другое такъ называемое доброе начало торжествуетъ въ человѣческой дѣятельности, но почему оно должно господствовать надъ противоположнымъ? И почему именно я долженъ въ своемъ поведеніи содѣйствовать этому торжеству? А если окажется, что гдѣ-нибудь или даже вообще вездѣ торжествуетъ злое начало, то значить ли, что всѣ, кто служатъ такъ называемому добру, должны начать служить злу? Неужели всякая нравственная дѣятельность по существу есть только рабство и служеніе голому факту, тому, что торжествуетъ въ окружающей дѣйствительности? Между тѣмъ нравственность неизбѣжно нами понимается, какъ противопоставленіе нашей доброй воли торжествующему злу. Можно, конечно, доказывать, что добро въ окончательномъ счетѣ торжествуетъ въ мірѣ и что служеніе ему есть служеніе мудрому закону міра, но это утвержденіе уже выводитъ нравственный законъ изъ предѣловъ имманентнаго и позитивнаго обоснованія.

Сторонники аристотеліанской этики утверждаютъ мо-

раль на жизнєдѣтельности. Но на началѣ жизни можно утверждать свое поведеніе только въ томъ случаѣ, если сама эта жизнь принимается. А если я ее отрицаю? Если я, какъ философъ Гегезій, какъ сторонникъ крайняго пессимизма, считаю ее скорѣе зломъ, чѣмъ добромъ, и проклиная часъ, когда я явился въ этотъ міръ на страданіе, на волненіе, на жадное стремленіе къ суетному и уходящему міру, на ужасъ смерти и т. п. Сама по себѣ жизнь для сознательнаго ума еще не съ очевидностью оправдана; что въ ней есть абсолютно-добрый смыслъ, это еще должно быть доказано. А такое доказательство неизбѣжно выводитъ насъ изъ имманентнаго разсмотрѣнія законовъ этой жизни.

Далѣе, въ жизни бываютъ дѣятельность и покой. Въ ней, можно сказать, имѣется все; почему же одну сторону ея я долженъ признать болѣе существенной для нея, чѣмъ другую? И почему одна дѣятельность должна почитаться добродѣтельной, а другая нѣтъ? Вѣдь творчество можетъ проявляться какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ, и интенсивно можно жить, будучи бандитомъ, извергомъ, Аттилой; вѣдь сохранить свою жизнь можно и разрушая другія жизни. Почему же принципъ жизни долженъ мною распространяться и на другія существа? и на какія существа? Наконецъ, совершенно непонятно, какая нравственная цѣна можетъ быть найдена, при такомъ обоснованіи, въ самопожертвованіи и въ героизмѣ.

Сторонники солидаристической этики говорятъ, какъ о руководящемъ критеріи нравственной дѣятельности, о соціологическомъ законѣ общественной солидарности. Но здѣсь возникаетъ именно то возраженіе, о которомъ только что было сказано. Солидарность есть или фактъ, и тогда въ немъ нѣтъ долженствованія, — причинная необходимость не есть еще цѣль, которую ставить себѣ человѣкъ, такъ какъ законъ природы еще не есть правило должнаго, — или солидарность есть состояніе человѣческой воли, субъ-

ективное чувство, влекущее его къ другимъ людямъ, но тогда еще неизвѣстно, почему это чувство носить обязательный характеръ.

Въ жизни имѣются однако не одни факты солидарности, но и факты вражды, и если можно говорить о законѣ общественной солидарности, то можно говорить и о законѣ борьбы за существованіе; почему же въ такомъ случаѣ одинъ законъ самъ по себѣ, какъ таковой, обязательнѣе для меня, чѣмъ другой? Почему я долженъ служить закону солидарности, а не пользоваться имъ для своихъ личныхъ и субъективныхъ цѣлей, какъ пользуюсь я, нисколько имъ не служа, силами и законами природы?

Наконецъ, современная наука не можетъ еще утвердить факта и закона общечеловѣческой солидарности, которая, можетъ быть, когда-нибудь и наступить, но которой еще нѣтъ. Почему же должно слѣдовать закону солидарности и стремиться къ самосохраненію даннаго общества и въ чемъ критерій правильности выбора? А выбирать необходимо, такъ какъ общества часто враждуютъ между собою.

Тщета и пустота всякаго позитивнаго обоснованія этики нагляднѣе всего обнаруживаются прагматизмомъ, изъ нѣдръ позитивизма вышедшимъ. Прагматизмъ не желаетъ искать основъ для моральнаго закона внѣ имманентнаго разсмотрѣнія человѣческой природы, и вотъ оказывается, что наиболѣе пригодными для жизни, для личнаго счастья, для общаго блага, для самосохраненія являются принципы дѣятельности, которые исходятъ не отъ жизни, не отъ стремленія къ счастью и пользѣ, а отъ абсолютныхъ началъ. Если мы усиленно ищемъ личнаго счастья, его мы не находимъ, оно убѣгаетъ отъ насъ, какъ наша тѣнь, а когда мы забываемъ о немъ и отдаемъ себѣ другой цѣли, оно внезапно и неожиданно и безкорыстно приходитъ къ намъ. Если мы желаемъ сохраненія общества и осуществленія общей пользы, то эта цѣль лучше всего достигается не тогда,

когда мы наше поведеніе регулируемъ соображеніями пользы, а когда вѣримъ, что въ нашемъ временномъ существованіи мы всѣми силами и даже нашей жизнью призваны способствовать приближенію Царства Божія или слѣдовать велѣніямъ Божественной воли; съ объективной точки зрѣнія больше всего мы оказываемся утилитаристами, т. е. служимъ общей пользѣ, тогда, когда субъективно мы не утилитаристы и когда мы готовы на самопожертвованіе и на героическую жизнь. Если мы желаемъ достигнуть наибольшей жизненной интенсивности, мы должны источникъ своей жизненной энергіи искать не въ самихъ себя, а во внѣ насъ находящемся абсолютномъ началѣ, вѣра въ которое удесятелитъ наши силы и нашу жизненную энергію. Получается такой парадоксальной результатъ: если мы желаемъ руководиться принципами, наиболѣе пригодными для жизни, мы должны отказаться отъ принципа жизненной пригодности, такъ какъ не онъ оказывается наиболѣе пригоднымъ для жизни; и желая достигнуть, какъ окончательнаго результата, именно наибольшей пригодности жизни, мы должны забыть о ней и искать руководящихъ указаній въ абсолютныхъ началахъ. Такъ подрывается прагматизмомъ, желающимъ оставаться на позитивной точкѣ зрѣнія, изнутри самого себя основное положеніе всякой имманентной эмпирической этики.

Однако и жизненная энергія, и общественная солидарность, и самосохраненіе верховнаго недѣлимаго, отвергаемая нами, какъ самостоятельныя начала обоснованія этики, могутъ дѣйствительно стать для насъ нравственными законами, если мы найдемъ для нравственности абсолютное обоснованіе, если мы признаемъ вѣчный смыслъ въ жизни міра и въ нашемъ эфемерномъ существованіи. Показать недостаточность этики жизнедѣятельности и солидарности нисколько не значитъ отвергнуть ее окончательно. Она можетъ войти органическою частью въ цѣльную и синтетическую систему

морали. Если для обязательности морального закона и найдено будет абсолютное обоснование, то содержание этого закона, конечно, не должно идти въ разрѣзъ съ законами природы, а въ нихъ находить себѣ матеріальную опору.

VII.

Научная позитивная этика приходитъ къ утвержденію лично-общественной двусторонности высшаго принципа нравственной дѣятельности, но этотъ принципъ нужно признать недостаточно обоснованнымъ, такъ какъ позитивная этика сама по себѣ недостаточна. Изъ того, что было и есть, нельзя вывести того, что быть должно. Идеаль для исторіи не можетъ быть найденъ въ самой исторіи.

Нравственность можетъ быть основана только на гетерономныхъ моментахъ. Обязанность, связанность, императивность для воли можетъ притти только отъ начала, находящагося внѣ этой воли. Чтобы различать въ жизни доброе отъ злого, настоящее отъ призрачнаго, истинное отъ ложнаго, нужно вложить въ эту жизнь нѣкій смыслъ, независящій отъ нашего субъективнаго усмотрѣнія. О нравственномъ критеріи для дѣйствій можно говорить только въ томъ случаѣ, если признается существованіе безусловнаго долга, т. е. такого, который есть не мое самозаконное установленіе, — что самозаконно установлено, самозаконно же можетъ быть отмѣнено, — не моими личными побужденіями обусловлено, а находится внѣ дѣйствій моей воли. Это же возможно только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что наше существованіе имѣетъ смыслъ независимый отъ насъ.

Законы природы получаютъ для меня значеніе и пріобрѣтаютъ повелительный характеръ только въ томъ случаѣ, если есть смыслъ въ міровомъ существованіи, если они являются выраженіемъ высшей по отношенію ко мнѣ воли. Утвержденіе же этой воли и абсолютнаго смысла жизни есть утвержденіе метафизически-религіознаго характера. Это

смутно чувствовалъ и самъ, наиболѣе послѣдовательный сторонникъ автономной морали, Кантъ, когда онъ выставлялъ свои постулаты практическаго разума: бытіе Бога, безсмертіе души и свободу воли; но желая утвердить самозаконность моральнаго закона, онъ этимъ постулатамъ далъ не ту роль, какая имъ принадлежить; онъ ихъ выводилъ изъ моральнаго закона, а не моральный законъ утверждалъ на нихъ. Оттого и моральный законъ оказывается у него висящимъ въ пустотѣ. Какъ ни высоки его нравственныя требованія, однако, нужно признаться, мораль личнаго достоинства и суроваго уваженія къ нравственному долгу гораздо послѣдовательнѣе обосновывалась еще стойками, чѣмъ имъ, ибо они выводили ее изъ мірового логоса. „Разумъ, — пишетъ проф. Лопатинъ въ своей статьѣ Положеніе этической задачи въ современной философіи, — чтобы приписать чему-нибудь безусловную, т. е. безотносительную къ нашимъ субъективнымъ движеніямъ и впечатлѣніямъ, цѣну, долженъ понять это въ его безотносительной и безусловной природѣ, — иначе онъ откажется отъ всякихъ утвержденій. Чтобы признать добро за безусловный идеаль, независимый отъ личныхъ наклонностей и предпочтеній и обязательный для человѣка при всѣхъ обстоятельствахъ, — разумъ долженъ понять его не какъ человѣческое изобрѣтеніе только, а какъ міровой законъ, объективно опредѣляющій назначеніе каждаго человѣка, сосредоточивающій въ себѣ весь смыслъ человѣческой жизни, который однако не насильственно намъ навязывается, а свободно избирается нами въ руководство нашихъ дѣйствій. Другими словами, дѣйствительное примиреніе нашей инстинктивной оцѣнки нравственныхъ идей и ихъ сознательнаго пониманія возможно лишь на почвѣ такого міровоззрѣнія, въ которомъ утверждается объективная реальность добра и свобода человѣческой воли“. И не менѣе справедливо кн. Сергій Трубецкой въ статьѣ

Этика и догматика писалъ: „Эмпирическое нравственное добро не представляется абсолютнымъ благомъ, вслѣдствіе чего наша воля, вопреки внушеніямъ долга, опредѣляется далеко не имъ однимъ. Требованіе нравственности состоитъ именно въ томъ, чтобы принимать добро за абсолютное благо, полагать въ добрѣ такое благо, хотя бы вопреки нашимъ чувствамъ. Но это требованіе можетъ быть вполнѣ исполнено лишь подъ условіемъ вѣры въ добро, какъ въ абсолютное благо, т. е. вѣры въ добро какъ Бога или абсолютно-благую Волю, не ограниченную никакими матеріальными условіями и универсально осуществляющую себя въ мірѣ, какъ матеріалъ блага“.

Такое обоснованіе эмпирической этики на абсолютныхъ началахъ, находящихся за предѣлами человѣческаго опыта, далъ Соловьевъ¹⁾. Опредѣляя верховный нравственный принципъ человѣческой дѣятельности, Соловьевъ не отвергъ окончательно ни принциповъ эмпирической этики — удовольствіе, счастье, пользу, симпатію, ни принциповъ этики трансцендентально-идеалистической, — долгъ, категорическій императивъ, но полагалъ, что всѣ эти начала должны

1) Соловьевъ прежде всего былъ философомъ-моралистомъ. Этическихъ вопросовъ, самихъ по себѣ или въ связи съ религіей или политикой, касается большинство его произведеній. Специально этическую систему Соловьевъ изложилъ въ церковно-православномъ смыслѣ, въ Духовныхъ основахъ жизни, 1882—1884 (Сочиненія, т. III, 270—382), въ чисто философскомъ освѣщеніи, въ Критикѣ отвлеченныхъ началъ, 1880 (т. II) и въ Оправданіи добра, 1895 (т. VII). На Оправданіе добра можно смотрѣть какъ на дополненіе, завершеніе этической части Критики отвлеченныхъ началъ. Въ Критикѣ, устанавливая этический принципъ, Соловьевъ пришелъ къ тому положенію, что норма нравственной дѣятельности есть „нормальное общество, опредѣляемое характеромъ свободной общинности“. Этотъ принципъ еще довольно формаленъ. Опредѣлить его матеріальное содержаніе и есть, въ сущности, задача Оправданія добра. Содержаніе этого послѣдняго сочиненія нисколько не противорѣчитъ первому; оно только дополняетъ его и иначе, въ иной формѣ высказываетъ тотъ же принципъ.

входить лишь какъ отдѣльные элементы всеобъемлющаго верховнаго нравственнаго принципа, который долженъ имѣть своею цѣлью созданіе нормальнаго общества. Такое нормальное общество представлялось Соловьеву какъ свободная общинность, гдѣ всѣ составляютъ цѣль для каждаго, и каждый для всѣхъ. Это достигается правильностью экономическихъ отношеній, справедливостью, торжествующей въ правовомъ государствѣ, и господствомъ религіознаго или мистическаго начала, находящаго себѣ утвержденіе въ духовномъ союзѣ или церкви.

Нравственная дѣятельность не ограничивается только сферой внутреннихъ субъективныхъ настроеній, она выходитъ за предѣлы личной жизни и требуетъ дѣйствительнаго осуществленія нравственныхъ цѣлей. Поэтому она обуславливается существованіемъ общества, и притомъ нормальнаго. Задача этики и сводится къ опредѣленію условій такого нормальнаго общества. Нравственный порядокъ человѣческой жизни, выражающій безусловно должное и безусловно желательное отношеніе каждаго по всему и всего къ каждому, т. е. добра въ полномъ смыслѣ слова, и есть Царство Божіе, которое и является окончательной цѣлью всякой жизни и дѣятельности.

Это Царство Божіе не есть идеальный умопостигаемый міръ Платона, не есть вообще потустороннее существованіе. Оно открывается постепенно на землѣ, въ процессъ міровой и человѣческой исторіи. Конечная задача исторіи есть полное и дѣйствительное откровеніе Христа въ человѣческомъ обществѣ. Такъ понимаемое Царство Божіе, будучи цѣлью религіозной, тѣсно связывается въ то же время и съ юридической организаціей общества. Эта мысль Соловьева прекрасно была сформулирована Э. Радловымъ, въ его статьѣ Вл. С. Соловьевъ: „Ясно, что это откровеніе (т. е. откровеніе Христа) не можетъ быть дѣломъ личнымъ, а только собирательнымъ, дѣломъ семьи, народа, наконецъ,

всего человѣчества. Полное осуществленіе добра предполагаетъ организацію его черезъ одухотвореніе вещества какъ условіе нормальнаго и вѣчнаго физическаго существованія, организацію справедливой жалости въ государствѣ, въ которомъ царитъ правда и милость, а не произволъ и насиліе и, наконецъ, организацію благочестія въ церкви. Совершенное добро окончательно опредѣляется какъ нераздѣльная организація тріединой любви, любви восходящей, уравнивающей и нисходящей“.

Такую формулировку высшаго принципа нравственной дѣятельности можно вполнѣ принять. Давая нравственности прочное и незыблемое основаніе, она въ то же время устанавливаетъ такое соотношеніе между личностью и обществомъ, которое не только отвѣчаетъ нашему нравственному сознанію, но и соціологически утверждаемымъ законамъ общественной жизни.

Всякое общество состоитъ изъ двухъ элементовъ, — изъ единичнаго, выражающагося въ отдѣльныхъ лицахъ входящихъ въ союзъ, и изъ общественнаго, заключающагося въ той связи, которая объединяетъ этихъ лицъ въ общество. Отсюда два стремленія, — къ индивидуализму и къ общности. Ни одно изъ этихъ стремленій не можетъ исключить другое, такъ какъ оба элемента необходимы для существованія обществъ; возможно лишь преобладаніе того или другого изъ стремленій. Одностороннее преобладаніе общественной связи, отнимая свободу дѣятельности, дѣлаетъ общество скуднымъ по содержанію и несвободнымъ по формѣ. Да и возможно ли утвержденіе абсолютной нравственности на служеніи обществу? Въдѣ обществъ, въ которыя входитъ человѣкъ, много, и какая изъ общественныхъ группъ должна быть признана опредѣляющей нравственную дѣятельность, — семья, классъ, національность, государство? Утвержденіе, какъ верховной, какой-нибудь изъ этихъ группъ возможно только, если мы признаемъ за ней абсолютное

значеніе; между тѣмъ такого значенія ни за какой опредѣленной группой признать нельзя, ибо всѣ эти группы разрушаются и переходятъ въ новыя. Очевидно, если общественныя формы расторгаются въ историческомъ процессѣ, то непреходящее нравственное содержаніе эти формы могутъ найти только въ томъ, что сохраняется неизмѣннымъ во всѣхъ человѣческихъ формахъ, т. е. въ человѣческой личности.

Съ другой стороны, одностороннее преобладаніе индивидуализма разрушаетъ само бытіе общества, превращаетъ его въ хаосъ личныхъ стремленій, уничтожаетъ полноту и свободу жизни, устанавливаетъ рабство предъ механическими законами вѣчной жизни. „Оставаясь, говоря словами Соловьева, въ своей отдѣльности и ограниченности, единичное лицо тѣмъ самымъ лишаетъ себя дѣйствительной полноты всего, т. е. лишаетъ себя совершенства и безконечности. Послѣдовательно утверждать свою отдѣльность или обособленность было бы для лица даже физическою невозможностью“.

И крайній индивидуализмъ и крайній коллективизмъ безнравственны, ибо при первомъ всѣ перестаютъ быть цѣлью каждаго, а при второмъ каждый не цѣль для всѣхъ. Индивидуализмъ правъ лишь въ томъ, что дѣйствительный починъ всякой дѣятельности долженъ исходить отъ отдѣльнаго лица, и человѣческая жизнь должна носить характеръ сознательности и свободы.

Индивидуализмъ и общинность не добро и не зло, сами по себѣ, но лишь могутъ таковыми стать. Они вполне примираются въ нормальномъ обществѣ, построенномъ на началѣ свободной общинности. „Основное условіе нормальнаго общества, говоритъ Соловьевъ, есть полное взаимное проникновеніе индивидуальнаго и общиннаго начала, или внутреннее совпаденіе между сильнѣйшимъ развитіемъ личности и полнѣйшимъ общественнымъ единствомъ.“ „Такъ какъ нормальное, т. е. безопасно и достойно существующее и совершенствующееся общество обусловлено пра-

вильнымъ равновѣсіемъ личнаго и собирательнаго интереса, то пагубныя для общества аномаліи могутъ быть основаны или на перевѣсѣ силъ у личныхъ произволовъ, разрывающихъ общественную солидарность, или, напротивъ, на перевѣсѣ силъ у общественной опеки, подавляющей личность“.

На этомъ двустороннемъ характерѣ общественной жизни и покоится содержаніе нравственности. Нравственность не можетъ, съ одной стороны, быть построенной на отвлеченномъ субъективизмѣ. Нравственность, какъ субъективное чувство и какъ личная проповѣдь, недостаточна. Необходима организованная нравственность; она должна быть дѣломъ собирательнаго человѣчества, являться объективной задачей. Но, съ другой стороны, никакое общественное учрежденіе, никакой общій интересъ не могутъ имѣть верховнаго рѣшающаго значенія сами по себѣ. Лицо имѣетъ безусловное значеніе и никогда не можетъ разсматриваться только какъ средство или орудіе для „общаго блага“. Степень подчиненія лица обществу должна соответствовать степени подчиненія самого общества нравственному добру, безъ связи съ которымъ общественная среда никакихъ правъ на человѣка не имѣетъ. Отсюда нравственности можетъ дать слѣдующее опредѣленіе: дѣйствительная нравственность есть должное взаимодействіе между единичнымъ лицомъ и его данною средою (равною, низшею и вышею).

Правильное обоснованіе этики, на принципѣ Божественной воли, нисколько не отрицаетъ тѣхъ условныхъ нормъ поведенія, которыя пытается самостоятельно вывести эмпирическая этика. Она включаетъ ихъ въ себѣ, какъ составные элементы синтеза. То, что нравственные понятія людей измѣнчивы, что ихъ побужденія развиваются, что общественная солидарность прогрессируетъ, нисколько не отвергаетъ существованія абсолютнаго нравственнаго закона, а лишь показываетъ, что содержаніе этого закона познается

человѣкомъ постепенно, въ процессѣ историческаго развитія. Данныя эмпирической и эволюціонной этики вполне могутъ быть приняты этикой абсолютной, но только въ ней они получаютъ свой настоящій характеръ нормъ дѣйствительно обязательныхъ для человѣческой воли.

Соловьевъ правъ былъ, говоря: „Міровая задача состоитъ не въ созданіи солидарности между каждымъ и всѣми, она уже и такъ существуетъ по природѣ вещей, а въ полномъ сознаніи и затѣмъ духовномъ усвоеніи этой солидарности со стороны всѣхъ и cadaго, въ ея превращеніи изъ метафизической и физической только въ нравственно-метафизическую и нравственно-физическую. Жизнь человѣка уже сама по себѣ и сверху и снизу есть невольное участіе въ прогрессивномъ существованіи человѣчества и цѣлаго міра: достоинство этой жизни и смыслъ мірозданія требуютъ только, чтобы это невольное участіе cadaго во всемъ становилось вольнымъ, все болѣе и болѣе сознательнымъ, т. е. дѣйствительно-личнымъ, — чтобы каждый все болѣе и болѣе понималъ и исполнялъ общее дѣло, какъ свое собственное“.

Абсолютное благо, высшее добро, которое полагается въ обоснованіе религіозно-метафизической этики, заключаетъ въ себѣ и элементы гедонистической морали. Таково было убѣжденіе всѣхъ философскихъ системъ, исходившихъ изъ вѣры въ міровую гармонію. Такъ смотрѣлъ нѣкогда еще Сократъ. „Истинное благо (*τἀγαθόν*), — прекрасно формулируетъ центральную идею философа Сократа кн. С. Трубецкой, — не исключаетъ изъ себя наслажденія, а, напротивъ того, обнимаетъ его въ себѣ. Добродѣтельная, разумная жизнь есть не только самая достойная, прекрасная и похвальная, но и самая счастливая и пріятная, между тѣмъ какъ жизнь, противная разуму, въ концѣ концовъ неизбежно ведетъ человѣка къ несчастью: человѣкъ, поступающій противно разуму, неизбежно идетъ къ гибели и крушенію. Если въ ра-

зумъ чловѣка есть нѣчто безусловное, всеобщее, универсальное и божественное, то между нимъ и природой, созданной сверхчловѣческимъ вселенскимъ Разумомъ, нѣтъ разногласія. А если она устроена разумно, по общимъ и благимъ цѣлямъ, то каждая истинная нормальная дѣятельность, сообразная этимъ цѣлямъ, должна вести къ удовлетворенію, къ гармоніи чловѣка съ природой. Отсюда же рождается счастье, естественное, нормальное удовольствіе. Сократъ не основывалъ добродѣтели на удовольствіи, но и не противопоставлялъ ихъ безусловно. Онъ вѣровалъ въ конечное единство добродѣтели и счастья, ибо добродѣтель вытекаетъ изъ того всеобщаго разума, который внутри насъ, природа же образуется вселенскимъ, божественнымъ разумомъ, который во всемъ (*ἡ ἐν παντί φρόνησις*). Поэтому между природой и нравственной дѣятельностью нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія, а слѣдовательно, не можетъ быть противорѣчія между добродѣтелью и счастьемъ. Такъ же точно въ принципѣ нѣтъ и не должно быть противорѣчія между божественнымъ міроуправляющимъ закономъ и чловѣческими законами, управляющими общественною жизнью народовъ. Естественный вселенскій законъ лежитъ въ основаніи каждаго государства и его ограниченныхъ законовъ“. „Доказательство соответствія или гармоніи между добродѣтелью и счастьемъ, — прибавляетъ совершенно справедливо отъ себя кн. С. Трубецкой, — существенно для всякой морали вообще, для античной въ особенности. Ибо если добродѣтель имѣетъ въ себѣ безусловное благо, то и всѣ относительныя блага должны вытекать изъ нея или по крайней мѣрѣ соответствовать ей — въ этомъ ли мірѣ или въ загробномъ“.

Дѣйствительно синтетическая система философіи можетъ быть построена только на принципѣ гармоніи. На началѣ всемірной гармоніи нѣкогда попытался утвердить законъ мірозданія Пифагоръ. Сократъ нашелъ гармонію въ душѣ

человѣка и въ его нравственныхъ стремленіяхъ. Платонъ упорно искалъ гармонію, которая примирила бы умопостигаемый міръ идей и чувственно ощущаемый міръ явленій. Христіанство примирило въ общей гармоніи Божеское и человѣческое, духовное и плотское. Начало предустановленной гармоніи лежитъ въ основѣ метафизической системы Лейбница. Къ гармоніи трехъ основныхъ формъ познанія эмпирическаго, раціоналистическаго и мистическаго стремился Соловьевъ.

Высшая нравственная цѣль есть осуществленіе совершеннаго человѣческаго общежитія (Царства Божія на землѣ). Но эта цѣль достигается не черезъ уничтоженіе историческихъ общественныхъ образованій, а черезъ приведеніе ихъ въ должное соотвѣтствіе съ высшимъ нравственнымъ началомъ; сами по себѣ они не имѣютъ оправданія, а лишь постольку, поскольку они осуществляютъ въ жизни вѣчное нравственное содержаніе. Совершенное человѣческое общежитіе должно постепенно реализоваться въ исторіи; могущественнымъ организующимъ условіемъ этого осуществленія является право.

Таково правильное соотношеніе права, нравственности и религіи. Добро основывается на анализѣ человѣческой природы и на мистическомъ актѣ религіозной вѣры. Право же оправдывается оправданіемъ добра, такъ какъ оно есть лишь осуществленіе добра, одна изъ ступеней его реализаціи, какъ нравственность есть живое воплощеніе религіи.

Право не должно отрываться и обособляться отъ нравственности. То противопоставленіе морали праву, которое часто встрѣчается въ послѣднее время и на которомъ мы остановимся подробнѣе ниже, есть лишь внесеніе ненужнаго и вреднаго раздвоенія въ единую сферу, лишь насильственный разрывъ единой и цѣлостной системы, вносящій борьбу туда, гдѣ, по принципу, мѣсто не борьбѣ, а дружному сотрудни-

честву. Право есть лишь наиболѣе закрѣпленное и гарантированное осуществленіе нравственныхъ требованій. Жизнь и силу свою общественная нравственность получаетъ въ полномъ энергіи и властною мощью обладающемъ правѣ. Право есть та часть нравственности, которая получаетъ внѣшнюю и принудительную охрану. Но здѣсь мы подходимъ къ вопросу о природѣ права.

Ближайшей нашей задачей и должно быть обоснованіе такой синтетической теоріи права.

Глава вторая.

Природа права.

Двѣ принципиальныя идеи, къ которымъ мы пришли въ предшествующей главѣ, — синтетическая, неразрывно двусторонняя природа общества и органическое равновѣсіе личнаго и общественнаго элементовъ, какъ основа всякой правильно понятной нормативной дѣятельности, — находятъ ближайшее свое выраженіе въ правѣ.

Часто ошибочно предполагаютъ, что въ юридической литературѣ по вопросу объ опредѣленіи права царитъ полная невыясненность, и что никто въ ней не сходится другъ съ другомъ; такое мнѣніе, повидимому, подтверждается ссылками на всевозможныя опредѣленія, которыя давали и даютъ юристы праву. Однако при безпристрастномъ разсмотрѣніи юридическихъ теорій, изъ сопоставленія другъ другу не вырванныхъ изъ контекста формулъ, а теорій въ ихъ цѣлостности, обнаруживается, что большинство теорій права не такъ уже непримиримы между собою, какъ это кажется съ перваго взгляда. Конечно, было бы напраснымъ трудомъ стараться согласовать всѣ теоріи, но ихъ можно свести къ нѣсколькимъ категоріямъ, взаимное противорѣчіе которыхъ есть показатель не неопредѣленности теоретической юриспруденціи, а кореннаго расхожденія самихъ міровоззрѣній, изъ которыхъ исходятъ авторы.

Нѣтъ ни одной области человѣческаго знанія, въ которомъ возможно было бы всеобщее согласіе; ибо относительно самихъ основъ жизни и знанія люди расходятся во взглядахъ: цѣнность жизни, существованіе внѣшняго міра, законность опыта, разума, интуиціи въ познаніи могутъ быть признаны или отвергнуты и сообразно этому построены различныя міровоззрѣнія. Право тѣсно связано съ моралью, эта послѣдняя съ религіей, т. е. съ глубочайшими основами человѣческаго знанія, гдѣ неизбѣженъ элементъ вѣры и постулятивности. Понятно, что всегда возможна разница міровоззрѣній, — непримиримыхъ и несводимыхъ другъ къ другу.

Но при опредѣленіи природы права надо не обострять разницы теорій и не увеличивать противорѣчій, противопоставляя то, что сходно по основной мысли, но различно лишь по внѣшней формѣ выраженія, а сближать теоріи, различая только то, что дѣйствительно различно. Въ опредѣленіи природы права авторы сплошь и рядомъ совершаютъ логическую ошибку *ignoratio elenchi*, опровергая то, чего данный авторъ и не думалъ признавать.

Надо замѣтить, что прогрессъ всей философіи права главнымъ образомъ обусловливается постоянно возникающими попытками заново и по-новому опредѣлить природу права. И борьба мнѣній вокругъ этого центрального понятія юриспруденціи говоритъ не столько о неопредѣленности и неустойчивости науки о правѣ, — такъ какъ несмотря на разноголосицу мнѣній о природѣ права, самъ объектъ изученія, правовое явленіе, очень ясно и точно отграничивается, — сколько о развитіи пониманія природы права, о попыткахъ углубить его, понять право въ его самыхъ первыхъ основахъ.

Обыкновенно при юридическихъ конструкціяхъ выдѣляютъ какой-нибудь одинъ элементъ явленія и на немъ строятъ всю сложную теорію. Односторонне подмѣчая въ

юридическомъ явленіи одинъ моментъ, часть принимаютъ за цѣлое. Отъ этого происходитъ обычная въ такихъ случаяхъ неадекватность юридическихъ опредѣленій, ихъ отвлеченность и односторонность.

Право, какъ его ни понимать, есть, въ самомъ общемъ смыслѣ слова, совокупность правилъ поведения людей въ обществѣ. Каждый изъ упомянутыхъ общихъ элементовъ его можетъ быть рассматриваемъ съ двухъ сторонъ, такъ сказать извнутри себя, въ себѣ самомъ, и вовнѣ, въ отношеніи къ внѣшнему міру. Правила, въ которыхъ выражается право, могутъ быть поняты или какъ субъективныя нормы должнаго, какъ идеальныя требованія разума, или какъ нормы объективно установленныя, позитивно дѣйствующія, независимо отъ ихъ признающаго или ихъ отрицающаго субъективнаго разума. Поведеніе людей, регулируемое въ правѣ, можно рассматривать или съ формально-субъективной точки зрѣнія общихъ границъ дѣйствія, или съ материально-объективной точки зрѣнія содержанія этихъ дѣйствій. Люди, поведеніе которыхъ регулируется въ правѣ, могутъ быть поняты или какъ отдѣльные индивиды, простыя слогаемыя въ общей суммѣ, или какъ члены общества, органически связанные съ социальнымъ цѣлымъ. Общество, наконецъ, въ которомъ регулируется правомъ жизнь людей, можетъ быть понято или какъ внутренне-психическое явленіе, существующее реально только въ человѣческихъ переживаніяхъ, или какъ внѣшне реальное бытіе, имѣющее свое выраженіе и внѣ субъективной психики людей.

Исключительное выдѣленіе каждаго изъ этихъ элементовъ права, для построенія на немъ цѣлой системы права, приводитъ лишь къ одностороннимъ и не выдерживающимъ критики конструкціямъ. При правильномъ пониманіи природы права всѣ упомянутые элементы должны войти въ систему въ опредѣленной пропорціи, чтобы могло полу-

читься жизненное и органическое равновѣсіе¹⁾. Конечно, надо всегда выдѣлять въ юридическихъ теоріяхъ неизбѣжныя крайности и увлеченія. Не все то, что называлось или называется правомъ, можетъ быть введено въ синтетическое опредѣленіе права. Вообще говоря, каждая изъ указанныхъ выше точекъ зрѣнія правильна въ своихъ положительныхъ утвержденіяхъ и вѣрно обозначаетъ одинъ изъ элементовъ, составляющихъ право; не вѣрно лишь обособленіе и противопоставленіе этой точки зрѣнія другимъ. Разсматривая каждую изъ такихъ одностороннихъ системъ, построенныхъ на отвлеченномъ отъ другихъ элементовъ началѣ, можно убѣдиться, что онѣ, въ общемъ говоря, вѣрны въ своихъ положительныхъ утвержденіяхъ и ложны въ своемъ отрицаніи и односторонности.

1) Здѣсь, быть можетъ, уместно отмѣтить, что отстаиваемую нами синтетическую точку зрѣнія въ конструкціи юридическихъ теорій не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ плюрализмомъ, который послѣднее время защищали и нѣкоторые изъ русскихъ теоретиковъ-юристовъ и который состоитъ въ томъ, что право, какъ явленіе многостороннее, изучается съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, и какъ соціологическое, и какъ психологическое, и какъ нормативное явленіе и т. д. Этотъ плюрализмъ діаметрально противоположенъ нашему; это — аналитическое разложеніе правового явленія, и безъ синтеза никакого дѣйствительнаго познанія дать не можетъ. Изучать что-нибудь можно, только зная его существенныя черты, тотъ ближайшій родъ, къ которому принадлежатъ его специфическіе отличительные признаки. Брать же какой-нибудь случайно привлекшій наше вниманіе признакъ и изучать его еще не значитъ изучать данный объектъ съ точки зрѣнія этого признака, такъ какъ самого объекта изученія еще нѣтъ, и данный признакъ можетъ, по настоящему, быть познанъ только въ связи съ тѣмъ, признакомъ чего онъ является. При такомъ методѣ мы не только не изучимъ самихъ объектовъ, но даже сущность отдѣльныхъ привлечшихъ наше вниманіе признаковъ намъ останется неизвѣстной. Какъ, напр., изучить право только какъ норму, не зная, что такое право и о какихъ такихъ нормахъ идетъ здѣсь рѣчь? Не только природа права при подобномъ отвлеченіи останется отъ насъ скрытой, но и сама норма, какъ признакъ права, не можетъ быть познана. Что намъ можетъ дать изученіе нормы, какъ таковой, разъ мы не знаемъ, какъую норму мы должны изучать?

I. Логическій объемъ права.

I. Законы науки права и юридическія нормы. — II. Ложный дуализмъ естественнаго и положительнаго права. — III. Естественное право, какъ общая идея положительнаго права.

Прежде чѣмъ давать опредѣленіе права, со стороны ли формальнаго признака, присущаго юридическимъ нормамъ, со стороны ли матеріальнаго содержанія права, необходимо методологически очертить саму сферу права и попытаться установить точный логическій объемъ понятія права, что далеко не бесполезно въ виду упорно сохраняющагося въ теоретической юриспруденціи дуализма права и постояннаго противопоставленія права естественнаго и положительнаго; нужно точно установить, о какомъ правѣ можетъ итти рѣчь при опредѣленіи его и въ какомъ отношеніи находится это конструируемое въ опредѣленіи право и къ объективной дѣйствительности и къ теоретическому мышленію.

I.

Чтобы стать на вполне правильную точку зрѣнія въ вопросѣ о дѣйствительномъ логическомъ объемѣ опредѣленія права и о такъ называемомъ естественномъ правѣ, нужно твердо держаться той методологической предпосылки, что законы юриспруденціи не одно и то же, что юридическіе законы. Въ наукѣ права постоянно встрѣчается (и не далѣе какъ, вполне опредѣленно, у Коркунова) противопоставленіе

права законамъ въ научномъ смыслѣ слова. Между тѣмъ нѣтъ никакого основанія науку о правѣ противопоставлять наукамъ о природѣ на томъ только основаніи, что законы въ научномъ смыслѣ и юридическія нормы не одно и то же.

Если составляющія содержаніе наукъ о природѣ явленія природы и отличны по существу, какъ подчиненныя закону кавзальной причинности, отъ содержанія наукъ о духѣ, явленій духовной жизни, дѣйствующихъ по закону причинности цѣлевой, то эта разница лишь въ самихъ явленіяхъ. Теоріи же, науки, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, изучая какъ міръ явленій природы, такъ и міръ явленій духовной жизни, стремятся одинаково найти въ нихъ правильности, установить формулы подмѣченнаго однообразія явленій.

Къ сожалѣнію, постоянно смѣшиваютъ законъ, какъ конкретное юридическое явленіе, и законъ, какъ теоретическое обобщеніе объ юридическихъ явленіяхъ. Коркуновъ, напр., стремился доказать, что право и законы въ научномъ смыслѣ различны: юридическія нормы суть правила должнаго, законы въ научномъ смыслѣ — формулы подмѣченнаго однообразія явленій; нормы нарушаются, законы ненарушимы; нормы — причина явленій, обуславливающая дѣйствіе воли, законы — объясненіе совершающихся явленій; право существуетъ лишь черезъ волю и сознаніе людей, законы же независимы отъ человѣческаго сознанія. Однако само это сопоставленіе права и научныхъ законовъ возможно было лишь потому, что Коркуновымъ не достаточно ясно постигалась разница между правомъ и наукою о правѣ, иначе онъ не сталъ бы сопоставлять то, что по природѣ своей несравнимо. Юридическая норма, какъ правило должнаго, есть юридическое явленіе, законъ же въ научномъ смыслѣ есть теоретическая формула, отвлеченная отъ явленій; само собой понятно, что при сопоставленіи ихъ получится радикальное ихъ расхожденіе, ибо сама логическая природа ихъ различна. Законы въ научномъ смыслѣ методологи-

чески правильно могут быть сравниваемы не съ положительными юридическими нормами, а съ научными, теоретическими положеніями, извлеченными изъ изученія этихъ юридическихъ нормъ. Въ этомъ же послѣднемъ случаѣ такой коренной разницы между правомъ и другими науками вовсе и не окажется.

Нужно различать право, какъ научную систему, и право, какъ систему юридическихъ нормъ. Обычное смѣшеніе этихъ двухъ смысловъ слова право объясняется ихъ нѣкоторой видимой родственностью: повидимому, нормы, подобно научнымъ теоретическимъ положеніямъ, реально не существуютъ, а существуютъ реально лишь конкретныя житейскія отношенія и дѣйствія, нормы же являются только отвлеченіями отъ этихъ отношеній и дѣйствій, ихъ законами. Но здѣсь именно и сказывается разница наукъ о природѣ и наукъ о духѣ. Законы, по которымъ совершаются явленія природы, поскольку они познаются и формулируются человѣческимъ мышленіемъ, суть теоретическія, научныя отъ этихъ явленій отвлеченія, и потому они неизмѣнны, безусловны, ненарушимы, абсолютны; юридическіе же и соціальныя вообще законы, по которымъ дѣйствуютъ люди, суть тѣ правила, которымъ люди сознательно себя подчиняютъ, и потому эти законы не теоретическія, научныя отвлеченія, а соціальныя явленія и, какъ таковыя, измѣнчивы, условны, нарушимы, относительны. Научные законы о правѣ должны отвлекаться уже отъ этихъ положительныхъ юридическихъ законовъ. Юридическіе законы, въ смыслѣ юридическихъ нормъ, есть матерія теоретической юриспруденціи. Научные законы о правѣ суть, такимъ образомъ, какъ бы законы второго порядка, законы законовъ ¹⁾.

1) Характерна съ точки зрѣнія такого обычнаго смѣшенія права, какъ юридическихъ нормъ, и права, какъ теоріи объ юридическихъ нормахъ, статья Ильина Понятія права и силы (Вопросы философіи и психологіи, 1910). Опредѣливъ право, съ „формально

II.

Только ясное и отчетливое пониманіе аналогичности законовъ теоретической юриспруденціи съ законами въ научномъ смыслѣ можетъ дать намъ возможность разобраться въ сложномъ и въ послѣднее время, къ сожалѣнію, чрезвычайно запутанномъ вопросѣ о такъ называемомъ естественномъ правѣ.

Существуетъ взглядъ, что утверждать идею естественнаго права значитъ вносить непримиримый дуализмъ въ понятіе права, вводить безнадежное раздѣленіе въ единую и цѣлостную систему права. Въ такой общей формѣ взглядъ этотъ, по нашему мнѣнію, которое мы постараемся обосновать ниже, не справедливъ, и въ вопросѣ о дуализмѣ права,

методологической“ стороны, какъ совокупность нормъ устанавливающихъ извѣстный порядокъ, какъ должный, авторъ полагаетъ, что онъ далъ такое опредѣленіе права, которое не считается съ реальными, т. е. психологическими, социологическими и т. д., признаками права, будучи совсѣмъ чуждымъ понятію реальной силы, такъ какъ нормы могутъ конструировать міръ, ни въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности не находящійся. Не говоря о томъ, что здѣсь собственно никакого, даже „формально-методологическаго“ опредѣленія права не дано (такъ такъ подъ это опредѣленіе подойдетъ все, въ чемъ заключается нормативный элементъ, т. е. вся человѣческая дѣятельность, какъ совершающаяся для опредѣленныхъ цѣлей и по опредѣленнымъ правиламъ, будетъ ли это религія, нравственность, эстетика, право, политика, вся сфера техники и т. д.), здѣсь особенно ярко выражено указанное нами смѣшеніе. Если авторъ опредѣляетъ право въ смыслѣ совокупности юридическихъ нормъ, то эта совокупность есть вполнѣ реальное, — социально и индивидуально-психическое, — явленіе, такъ какъ этими правилами дѣйствительно руководятся реальные люди въ своихъ реальныхъ дѣйствіяхъ, или выполняя ихъ или принуждая другихъ къ ихъ выполнению, и ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить, что право въ этомъ смыслѣ „движется въ ряду чуждомъ бытію и реальности“. Если же авторъ опредѣляетъ право въ смыслѣ теоріи, науки, въ смыслѣ логическаго отвлеченія отъ дѣйствительности, а не самой дѣйствительности, то въ такомъ смыслѣ не только наука о правѣ, но и всякая другая сфера нашего знанія имѣетъ чисто логическое бытіе, и даже само понятіе силы, съ этой точки зрѣнія, окажется не терпящимъ сближенія съ силой, такъ какъ сужденія о силѣ „могутъ отвлекаться отъ всякой временности и дѣйствительности, т. е. двигаться въ ряду чуждомъ бытію и реальности“.

порождаемомъ будто бы идеей естественнаго права, накопилось не мало недоразумѣній, которыя могутъ быть устранены. Но нельзя не признать, что среди теченій естественнаго права дѣйствительно существуютъ теоріи, которыя противопоставляютъ право естественное праву положительному и такимъ образомъ раздвояютъ единое понятіе права.

Несомнѣнный дуализмъ вводятъ въ право тѣ юридическія теоріи, которыя дѣлятъ право на двѣ основныя сферы: на положительное право въ смыслѣ нормъ поведения, устанавливаемыхъ и охраняемыхъ внѣшнимъ (государственнымъ) авторитетомъ, и на естественное право въ смыслѣ нормъ поведения, требуемыхъ разумомъ и нравственнымъ сознаніемъ людей, причемъ подъ этимъ послѣднимъ понимается то субъективное нравственное сознаніе людей, то норма объективной нравственности, то вообще разумная идея права. Разъ идея естественнаго права находится не какъ общій смыслъ дѣйствительнаго права и дѣйствующихъ нормъ, а утверждается на апріорномъ нравственномъ или логическомъ принципѣ, то, разумѣется, она будетъ служить основаніемъ такой системы права, которая рѣзко разойдется съ правомъ дѣйствительнымъ.

Эти теоріи исходятъ изъ признанія нравственнаго критерія, какъ опредѣляющаго и обосновывающаго собою и положительное право и государственную власть. Положительное право, устанавливаемое государственнымъ авторитетомъ, подлежитъ постоянной критикѣ и отмѣнѣ; оно обязательно только внѣшне-формальнымъ образомъ, пока оно предписывается внѣшнимъ авторитетомъ, само по себѣ не имѣя никакой внутренней цѣнности: нѣтъ внѣшняго предписанія власти, нѣтъ и юридической нормы. Нравственный же принципъ не зависитъ ни отъ какого случайнаго, внѣшняго и формальнаго признака, онъ вытекаетъ изъ разума и нравственнаго сознанія людей; онъ не подлежитъ отмѣнѣ, а лишь углубленію; онъ опредѣляетъ собою и право поло-

жительное и власть, и въ случаѣ конфликтовъ между нравственнымъ сознаниемъ и формально-юридическими нормами послѣднее слово должно остаться за нравственнымъ сознаниемъ. Это нравственное сознание и есть естественное право.

Мы не будемъ, конечно, прослѣживать здѣсь исторію этого воззрѣнія на естественное право; иначе мы могли бы искать корни его уже у Гуго Гроція, смотрѣвшаго на естественное право, какъ на *humano intellectui conveniens*, и опредѣлявшаго естественное право, какъ „нормы, которыя намъ внушаетъ правый разумъ, указывающій намъ, — сообразно тому, соотвѣтствуетъ дѣйствіе или не соотвѣтствуетъ разумной природѣ, — является ли это дѣйствіе моральнымъ извращеніемъ или моральной необходимостью и, слѣдовательно, запрещается оно или предписывается Богомъ, творцомъ природы“¹⁾.

Мы должны были бы, въ случаѣ историческаго разсмотрѣнія, остановиться также и на школѣ Краузе-Аренса, такъ какъ, по взглядамъ этой школы, естественное право (или, другими словами, философія права) проистекаетъ изъ общечеловѣческой вѣры, что существуютъ принципы справедливости, независящія отъ положительныхъ законовъ и учреждений и обосновывающія какъ критику этихъ законовъ и учреждений, такъ и тѣ преобразованія, которыя могутъ быть въ нихъ произведены. Именно это вѣра въ абсолютную справедливость, тѣсно связанная съ общими воззрѣніями людей на нравственный порядокъ міра и на верховную причину всего, была постоянно могущественнымъ рычагомъ вся-

1) Не слѣдуетъ однако преувеличивать юридическій дуализмъ Гроція, такъ какъ его воззрѣніе на естественное право еще не достаточно дифференцировалось отъ прежняго воззрѣнія: это право дѣйствуетъ у Гроція въ силу естественной необходимости, оно же есть всеобщее соблюдаемое положительное право и противопоставляется имъ не положительному праву, а добровольному; въ качествѣ такого оно не противостоитъ положительному праву, а составляетъ его необходимую основу.

каго общественнаго прогресса, тѣмъ свѣточемъ, который въ прошломъ освѣщаль пути человѣчества и который даетъ провидѣть въ будущемъ общественной строй, болѣе соотвѣтствующій принципамъ истины, добра и справедливости. Естественное право, по словамъ Аренса, излагаетъ основные принципы права, какъ они вытекаютъ изъ разумной природы человѣка, и опредѣляетъ, какимъ образомъ отношенія между людьми должны быть установлены, чтобы быть сообразными идеѣ справедливости. Естественное право, по мнѣнію Аренса, создаетъ не химерическое состояніе, а состояніе идеальное, къ которому общественная жизнь должна все болѣе и болѣе приближаться (*Cours de droit naturel*, стр. 1—6).

Современный дуализмъ въ воззрѣніи на право исходитъ главнымъ образомъ изъ кантовской теоріи права. Для Канта, положительное право вытекаетъ изъ воли законодателя, а естественное право покоится на принципахъ *a priori*. Излагая законы, дѣйствующие въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, нельзя найти въ нихъ самихъ критерія для различенія праваго отъ неправаго; для этого нужно обратиться къ разуму, оставивши эмпирическія начала. Априорные принципы, лежащіе въ основѣ естественнаго права, есть свобода и нравственное сознаніе человѣка. Естественное право дѣлается у Канта нравственной критикой.

Кантовское пониманіе естественнаго права легло въ основаніе и теоріи Штаммлера. Естественное право есть для него идеально-конструируемое право, служащее масштабомъ и цѣлью для положительнаго права. Оно „не должно имѣть положительнаго значенія въ то же самое время и въ томъ же самомъ мѣстѣ, наравнѣ съ тѣмъ правомъ, какое подлежитъ критикѣ и оцѣнкѣ, съ точки зрѣнія данной идеальной системы“. „Все, такъ называемое, естественное право было лишь простымъ проявленіемъ стремленія создать, на основаніи общезначимаго объективнаго познанія, правовыя

нормы, какъ онѣ по справедливости должны быть и какъ въ критическомъ освѣщеніи онѣ должны служить руководящимъ прообразомъ для законодателя, творящаго положительное право“. Естественное право имѣетъ въ виду установить, при какихъ общезначимыхъ условіяхъ можно ближайшимъ образомъ придать исторически обусловленному социальному регулированію качество объективной истинности. „Въ данномъ случаѣ, задача сводится не къ тому, чтобы выработать на „вѣки-вѣчные“ проектъ подробнаго законодательства съ точными параграфами. Надъ отдѣльнымъ правомъ высится не идеальная правовая система съ конкретнымъ, но неизмѣннымъ содержаніемъ, — такая роль принадлежитъ общему углу зрѣнія, полагаемому въ основу изслѣдованія и оцѣнки“ (Хозяйство и право, §§ 31—33).

Это воззрѣніе на естественное право имѣло послѣднее время особенный успѣхъ среди русскихъ философовъ права.

Очень энергичнымъ и послѣдовательнымъ защитникомъ идеи естественнаго права, какъ нравственной критики права естественнаго, проявилъ себя особенно П. Новгородцевъ въ своихъ многочисленныхъ работахъ, направленныхъ на обоснованіе „нравственнаго идеализма въ правѣ“¹⁾.

Уже въ первой своей научной работѣ, Историческая школа юристовъ, Новгородцевъ, на ряду съ критикой воззрѣній старой естественно-правовой школы и въ связи съ критикой позитивизма исторической школы, защищалъ необходимость возрожденія идеи естественнаго права и указывалъ тѣ принципы, на которыхъ должно быть произведено это возрожденіе. Объ естественномъ правѣ, какъ

1) П. Новгородцевъ, Историческая школа юристовъ, М. 1896, стр. 1—22; Кантъ и Гегель, М. 1901; О задачахъ современной философіи права (Право, 1902, № 40); Нравственный идеализмъ въ философіи права (Проблемы идеализма, 1902, стр. 236—296); Государство и право (Вопросы философіи и психологій, кн. 74 и 75); Кризисъ современнаго правосознанія, М. 1908.

о „нравственномъ идеализмѣ“, говоритъ Новгородцевъ и въ своей статьѣ въ сборникѣ Проблемы идеализма. За дуализмъ въ правѣ высказывается Новгородцевъ и въ своей статьѣ Государство и право. „Естественно-правовая конструкція государства неизбежно приводитъ къ признанію дуализма государства и права. Тотъ монизмъ, та гармонія государства и права, на которыхъ настаиваетъ формальная теорія, есть не болѣе какъ абстракція, которая содержитъ въ себѣ тавтологическое утвержденіе, что создаваемое государствомъ право находится въ единствѣ со своимъ источникомъ, государствомъ. Конкретный историческій процессъ и живое нравственное сознание не знаютъ этой гармоніи: напротивъ, имъ присущъ постоянный дуализмъ, вѣчный процессъ столкновений между тѣмъ правомъ, которое должно быть, и закономъ государственнымъ“ (стр. 511).

Во всѣхъ своихъ работахъ по обоснованію теоріи естественнаго права Новгородцевъ остался вѣренъ той идеѣ, что „норма нравственная есть норма права естественнаго“ (Государство и право, стр. 439). „Главный правотворящій факторъ сознанія есть представленіе о нормальномъ, идея должнаго... Эта идея должнаго коренится въ нравственномъ сознаніи, но нерѣдко это нравственное или естественное право сопровождается убѣжденіемъ въ его дѣйствительномъ, а не только идеальномъ значеніи“ (стр. 449). Въ современномъ правосознаніи Новгородцевъ видитъ кризисъ, который знаменуетъ для него стремленіе къ расширенію правовой сферы, къ противопоставленію положительному праву нравственной критики, т. е. естественнаго права (Кризисъ современнаго правосознанія, стр. 16). Задача естественно-правовой конструкціи государства, по словамъ Новгородцева, „не въ томъ, чтобы объяснить фактический строй государственныхъ отношеній, а въ томъ, чтобы указать, насколько въ данномъ строѣ отра-

жаются нравственныя начала, которыя должны лежать въ основѣ правопорядка. Въмѣсто того, чтобы право ставить въ зависимость отъ государства, оно государство ставить въ зависимость отъ идеальнаго представленія о правѣ“ (Государство и право, стр. 511.) Казалось бы, разъ естественное право есть лишь идеальное представленіе о правѣ, то оно не имѣетъ внѣшней обязательной юридической силы, но Новгородцевъ склоненъ признавать за нимъ прямую обязательную силу. Онъ признаетъ идею естественнаго права, какъ стоящую надъ государствомъ и полагающую границы проявленіямъ государственной воли (тамъ же, стр. 440, 447). Основная естественно-правовая идея „заключается въ утвержденіи, что надъ государствомъ стоять нѣкоторыя высшія нормы, которымъ оно должно подчиняться, изъ которыхъ оно черпаетъ и свое оправданіе и свои руководящія начала. По отношенію къ этимъ нормамъ государство является лишь органомъ, а не творцомъ“ (тамъ же, стр. 510). Связанность государства своимъ правомъ „вытекаетъ не изъ самоограниченія государственной воли, которая сама по себѣ совершенно свободна, а изъ права естественнаго, которое стоитъ надъ государствомъ и направляетъ его дѣятельность. Высказать это утвержденіе, значитъ признать обязательность для государства нравственныхъ нормъ, которымъ оно подчиняется на ряду съ своими подвластными“ (тамъ же, стр. 512). Новгородцевъ до того отрицаетъ значеніе за дѣйствительно существующими и положительными юридическими нормами, что даже полагаетъ, что никакое разсмотрѣніе существующей правовой системы, никакое сравненіе или сопоставленіе различныхъ положительныхъ правъ, никакое обращеніе къ исторіи не могутъ дать научнаго опредѣленія права, а самое многое могутъ лишь дать практическое описаніе положительныхъ юридическихъ формъ (тамъ же, стр. 418—9).

Существенно тѣ же взгляды на естественное право находимъ мы и у кн. Е. Трубецкого въ его Лекціяхъ по энциклопедіи права. И для Трубецкого естественное право есть нравственная критика въ правѣ, и для него оно не только идеальное и мыслимое, а сущее и непосредственно обязательное. Трубецкой считаетъ неудовлетворительнымъ всѣ тѣ опредѣленія, которыя отождествляютъ право вообще съ правомъ только позитивнымъ; право положительное, т. е., по опредѣленію Трубецкаго, право, обязательность котораго покоится на внѣшнемъ авторитетѣ, въ конечномъ счетѣ обусловливается неписанными нормами, обитающими въ глубинѣ нашего сознанія, т. е. естественнымъ правомъ. „Предписанія естественнаго права по содержанію своему суть вмѣстѣ съ тѣмъ и предписанія нравственныя. Естественное право — то же, что правда: оно обнимаетъ въ себѣ всю совокупность тѣхъ нравственныхъ требованій, въ силу которыхъ мы подчиняемся или не подчиняемся тому или другому внѣшнему правовому авторитету“ (стр. 59). „Естественное право есть синонимъ нравственно должнаго въ правѣ... Оно есть нравственная основа всякаго конкретнаго правопорядка“ (стр. 60). Такъ какъ нравственныя воззрѣнія мѣняются, то и естественное право мѣняется¹⁾.

1) Очень своеобразный дуализмъ (и именно въ духѣ разбираемаго нами дуализма) вносить въ право Л. Петражицкій своимъ дѣленіемъ права на позитивное и интуитивное. Признакъ различія ихъ онъ видитъ въ формальномъ моментѣ: позитивное право основывается на нормативныхъ фактахъ (вообще на гетерономныхъ началахъ), интуитивное не имѣетъ въ своемъ основаніи такихъ нормативныхъ фактовъ. Это интуитивное право въ концѣ концовъ отождествляется Петражицкимъ со справедливостію. При конфликтахъ интуитивнаго и позитивнаго права первенство не принадлежитъ вообще ни тому ни другому, а все зависитъ отъ даннаго случая. Вслѣдствіе своеобразія правовыхъ воззрѣній Петражицкаго оцѣнить этотъ дуализмъ можно только по разсмотрѣніи теоріи права Петражицкаго по существу, что мы и сдѣлаемъ ниже. Укажемъ также на недавно появившуюся книгу страсбургскаго профес-

Внесение дуализма в понятие права наталкивается однако на очень существенные возражения, которые и заставляют признать такое построение теории права неправильным¹⁾.

Определяя „естественное“ право как „нравственное“ право, сторонники нравственного идеализма в правѣ безнадежно смѣшивают области права и нравственности, отчего не выигрывают в ясности ни понятие права, ни

сора Юнга, Erich Jung, *Das Problem des natürlichen Rechts*, Leipzig, 1912, посвященную вопросу естественного права. Юнг полагает, что позитивное право дедуктивно выводится из определенных общих норм, но на ряду с ним существует и естественное право, которое индуктивно, так сказать (стр. 43 и д.), создается из единичных конкретных конфликтов вследствие этической реакции. Властная воля, стоящая за нормами позитивного права, есть уже позднейшее явление (стр. 126—7). Теория естественного права Юнга, сближаясь отчасти с интуитивным правом Петражицкого (сочинение которого о мотивах действия он, между прочим, сочувственно цитирует), есть теория естественного права, как права нравственного.

1) Теории естественного права, как нравственного идеализма в правѣ, нашли себѣ рядъ решительных критиков и среди русских юристов. Изъ соображений чисто-юридического монизма, с точки зрѣнія юридического позитивизма, против нравственных теорий естественного права высказались: Коркуновъ, Лекции по общей теории права, 5 изд. стр. 84—99; Хвостовъ, Общая теория права, 4 изд. стр. 58—60; Шершеневичъ, Общая теория права, М. 1910, стр. 26—39 (Шершеневичъ, впрочемъ, соединяетъ юридическій позитивизмъ съ философскимъ позитивизмомъ, что нисколько не взаимобусловлено); Паліенко, Учение о существѣ права и правовой связанности государства, Харьковъ, 1908. Изъ соображений философскаго позитивизма и с точки зрѣнія противопоставленія социологіи идеализму, высказались противъ теории естественного права: Карѣвъ, Нужно ли возрожденіе естественного права (Рус. Богатство, 1902, № 4); Ковалевскій, Социологія и сравнительная исторія права (Вѣстникъ воспитанія, 1902, № 2). Петражицкій также выступилъ противъ теории естественного права, какъ нравственной критики нормъ положительнаго права, изъ соображений, направленныхъ вообще противъ идеализма, сначала по поводу книги Новгородцева Кантъ и Гегель въ статьѣ Къ вопросу о возрожденіи естественного права (Право, 1902, № 41—43), а потомъ и въ своей Теоріи права и государства въ связи съ теоріей нравственности, 2 изд. стр. 475—477. Впрочемъ онъ лично еще болѣе обострилъ дуализмъ въ правѣ внесеніемъ въ область права такъ называемаго имъ интуитивнаго права.

понятіе нравственности. Если различается право и нравственность, значитъ есть признаки, присущіе одному и чуждые другому, если же естественное право отождествляется съ нравственной критикой, то теряется возможность различить право и нравственность. Такъ какъ отличительный видовой признакъ права по сравненію съ родовымъ понятіемъ нравственности заключается, какъ мы это стараемся доказать ниже, въ принудительности права, то смѣшеніе нравственности и права должно привести или къ тому, что признакъ принудительности распространится и на нравственность, или принудительности лишено будетъ и право. У сторонниковъ отнесенія въ область права особаго нравственнаго права мы и видимъ, дѣйствительно, такого рода послѣдствія. Они бессильны предъ задачей различить право и нравственность, и попытки ихъ въ этомъ направленіи, очень слабыя, заранѣе осуждены на неудачу¹⁾.

И вотъ еще что важно было бы знать и на что мы напрасно стали бы искать опредѣленнаго отвѣта у сторонниковъ указаннаго дуализма въ правѣ: какая нравственность имѣется въ виду, когда говорится о нравственномъ правѣ, положительная, извлекаемая изъ исторіи, или неположительная, мыслимая внѣ исторіи? Если имѣется въ виду

1) Новгородцевъ, приведя слова Бергбома: „человѣчество должно сохранять вѣру, что есть нѣчто высшее, чѣмъ формально-обязательное право; не слѣдуетъ только думать, чтобы это высшее также было правомъ“, пишетъ совершенно справедливо: „Пусть такъ! Дѣло не въ названіи, а въ признаніи этого высшаго, стоящаго надъ положительнымъ правомъ, въ качествѣ руководящаго масштаба“ (Государство и право, стр. 512). Спрашивается только, если дѣло не въ названіи, по убѣжденію самого Новгородцева, то почему же онъ, разъ его названіе вызываетъ возраженія и споръ, такъ настаиваетъ на немъ? Именно, чтобы не возбуждать ненужныхъ и бесполезныхъ препирательствъ изъ-за словъ, и слѣдуетъ избѣгать неточныхъ наименованій. Конечно, дѣло не въ названіи, но за чѣмъ нравственное разсмотрѣніе права называть естественнымъ правомъ, когда оно и не естественное (а нравственное, что, разумѣется, не одно и то же) и не право (такъ какъ въ немъ нѣтъ необходимаго для права признака принудительности)?

положительная нравственность, т. е. тѣ нравственныя нормы поведенія, которыхъ дѣйствительно придерживаются реальные люди въ опредѣленномъ обществѣ, то она тоже есть фактъ и входитъ въ область исторіи, почему же, — возникаетъ вопросъ, — можетъ быть найдено научное опредѣленіе для права изъ исторіи положительной нравственности, а не можетъ быть найдено оно изъ исторіи положительнаго права? И почему, если для философа, по словамъ Новгородцева, странно звучать слова „философія положительнаго права“, не будутъ странны слова „философія естественнаго права“, т. е. другими словами, философія положительной нравственности? Если же имѣется въ виду не положительная нравственность, то рѣчь можетъ идти лишь о разумной или, по аналогіи съ правомъ, естественной нравственности. Но что такое эта естественная нравственность? Если на вопросъ о томъ, чтѣ такое естественное право, дается отвѣтъ, что это нравственное право, то какой отвѣтъ можетъ быть данъ на вопросъ, чтѣ же такое эта естественная нравственность? Продолжая послѣдовательно аргументацію сторонниковъ дуализма права, мы должны притти къ признанію и дуализма нравственности, и всѣ спорные вопросы такого дуализма снова возникнутъ и по отношенію къ нравственности, безъ всякой надежды на свое разрѣшеніе.

При внесеніи дуализма въ единое понятіе права наталкиваются на неразрѣшимый вопросъ о значимости того и другого права. Если происходитъ конфликтъ нормы положительнаго права съ нормою „нравственнаго“ права, то возникаетъ вопросъ, какая норма значить, какая норма обязательна къ выполненію, нравственная или юридическая. Вопросъ этотъ совсѣмъ выходитъ изъ области права и втискивать его въ область права значить дѣлать непростительное смѣшеніе понятій, которое служить не къ углубленію, а скорѣе къ разрушенію самого понятія права. При столкновеніи отдѣльныхъ нормъ положительной нравственности

и положительнаго права (по существу здѣсь конфликта быть не можетъ, потому что, какъ мы постараемся показать, право есть минимумъ нравственности), съ точки зрѣнія даннаго дѣйствующаго права, никакой другой обязательности, кромѣ юридической, нельзя признать, такъ какъ для права всякій вопросъ общественной жизни, относительно котораго произошелъ споръ, могущій нарушить общественный миръ, долженъ быть разрѣшенъ правомъ. Право перестало бы быть таковымъ, если бы противъ него можно было дѣлать отводъ ссылаями изъ чуждой ему области. Подобный конфликтъ, всегда тягостный и возможный не только между отдѣльными нормами нравственности и права, но и между отдѣльными нормами единого права, юридически можетъ быть разрѣшенъ въ цѣляхъ примиренія тѣмъ, что сама юридическая норма, вызывающая конфликтъ, будетъ измѣнена сообразно направленной противъ него критики, но пока она остается неизмѣненной, юридически обязательна только она. Разумѣется, такъ какъ общественная жизнь не исчерпывается однимъ правомъ, возможно, что фактически въ обществѣ получить обязательную силу именно нравственная норма; но надо ясно сознать, что въ данномъ случаѣ происходитъ нарушение права, а не облекать этого правонарушенія въ мнимо-юридическія (естественно-правовыя) формы, какъ будто оно и есть самое настоящее торжество права.

Вѣдь точно также можетъ произойти конфликтъ между нормою положительной нравственности и индивидуальнымъ нравственнымъ сознаніемъ или нормою религіозною, и снова возникаетъ вопросъ, какая норма обязательна. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, очевидно, можетъ быть данъ аналогичный предшествующему: съ точки зрѣнія положительной нравственности обязательны только ея нормы, но эти нормы для отдѣльнаго индивидуальнаго нравственнаго сознанія или религіознаго вѣрованія своей обязательной силы имѣть не

будутъ; но эту индивидуальную субъективную или религіозную обязательность нельзя вводить въ сферу нравственности и облекать въ формы особой „естественной“ нравственности, противостоящей положительной.

Конечно, въ реальной жизни (какъ и въ философскомъ мышленіи) въ случаѣ расхожденія различныхъ нравственныхъ и религіозныхъ нормъ восторжествуетъ норма положительнаго религіознаго сознанія, такъ какъ сама положительная нравственность покоится и обосновывается религіозными принципами (разумѣя подъ религіознымъ принципомъ отношеніе къ явленіямъ временной жизни съ точки зрѣнія вѣчности и абсолютнаго начала), а въ случаѣ расхожденія нормъ положительной нравственности и положительнаго права восторжествуетъ начало нравственное, такъ какъ само право, какъ таковое, обосновывается и оправдывается болѣе широкимъ принципомъ нравственнаго поведенія. Но признавая эту фактическую и логическую іерархію значимости различныхъ нормъ, нужно въ то же время тщательно избѣгать двухъ вещей: во-первыхъ, не слѣдуетъ смѣшивать различныхъ сферъ, чтобы не внести въ разсмотрѣніе общественной жизни полной неопредѣленности и недифференцированности, гдѣ объективныя нормы будутъ опровергаться субъективными, а субъективныя — объективными, гдѣ въ юридическое разсмотрѣніе будутъ вводиться нравственные точки зрѣнія, а въ нравственное — юридическія соображенія; во-вторыхъ, нельзя этого примата нравственныхъ нормъ надъ юридическими выставлять какъ принципъ объективной обязательности. Субъективныя нравственныя воззрѣнія слишкомъ различны, точно такъ же какъ и субъективныя толкованія юридическихъ нормъ; но для юридическихъ нормъ объективная обязательность достигается тѣмъ, что создаются особые общественные органы, объективно закрѣпляющіе эти нормы и устанавливающіе опредѣленно и непререкаемо, подъ какую норму должно быть подведено данное спорное житей-

ское отношеніе. Для сферы нравственныхъ нормъ такихъ органовъ, фиксирующихъ нравственныя нормы и подводящихъ подъ нихъ отдѣльныя отношенія, не существуетъ; поэтому, конечно, ни о какой объективной обязательности нравственныхъ нормъ для права не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ не извѣстно, кто же опредѣлитъ точное содержаніе нравственной (или, какъ выражаются сторонники дуализма въ правѣ, естественно-правовой) нормы и кто примѣнитъ ее къ данному случаю. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было органовъ естественнаго права, все здѣсь, очевидно, предоставлено произвольному субъективному толкованію и усмотрѣнію. Субъективный же произволъ не можетъ быть введенъ въ область права, даже и подъ покровомъ естественнаго права.

Если признана правовая обязательность и приматъ естественно-правовыхъ (нравственныхъ) нормъ, то, — спрашивается, — какимъ образомъ тогда вообще можно говорить о существованіи на ряду съ естественнымъ правомъ еще какого-то положительнаго права? — вѣдь это послѣднее должно вполнѣ слиться съ естественнымъ, ибо только естественное право опредѣляетъ юридическую обязанность. Гораздо послѣдовательнѣе, съ логической точки зрѣнія, чѣмъ дуалисты права, путающіеся въ собственныхъ противорѣчіяхъ, поступаютъ тѣ представители теоріи естественнаго, нравственно-разумнаго права, которые само право отождествляютъ именно съ естественнымъ разумнымъ правомъ, а подъ естественнымъ правомъ понимаютъ нормы, извлекаемыя разумомъ апріорно изъ разсмотрѣнія идеи права, какъ таковаго.

Яркій образецъ такого монистическаго апріорнаго построенія разумно-обоснованнаго права мы находимъ у Руссо. Разумно, оправдано, правомѣрно только то право, которое покоится на общественномъ договорѣ, и только то государство, въ которомъ господствуетъ общая воля, согласная въ

своихъ частяхъ, направленная на общій интересъ и охраняющая свободу каждаго. Здѣсь не извлекается изъ нравственнаго сознанія людей особаго естественнаго права, но конструируется чисто апіорно система права, отвѣчающая разумной идеѣ права. Мнѣніе, иногда высказываемое въ литературѣ, будто Руссо уничтожилъ идею естественнаго права, не совсѣмъ правильно, не идею естественнаго права онъ уничтожилъ, а дуализмъ въ правѣ, признавши за право только право разумное (естественное).

Лишь разнообразіемъ того же воззрѣнія на естественное право являются тѣ теоріи права, которыя хотя и отрицаютъ нравственный идеализмъ вообще, тѣмъ не менѣе такъ конструируютъ нормы объективнаго права, что эти нормы въ сущности должны быть поняты, какъ нормы объективной нравственности, хотя и выводимыя не изъ нравственнаго сознанія, а изъ соціологическаго разсмотрѣнія.

Наиболѣе послѣдовательно эта теорія естественнаго права, какъ нормъ вытекающихъ изъ основнаго принципа соціальной морали, развита Дюги. Правда, у него это право не носитъ названія естественнаго, но только потому, что все объективное право есть для него не что иное, какъ это разумное право, ему же противостоитъ не положительное право, а положительный законъ, который можетъ отвѣчать или не отвѣчать праву. Монизмъ въ правѣ достигается тѣмъ, что признается только естественное право.

По воззрѣнію Дюги, правило общественной солидарности, вытекающее изъ соціологическаго закона общественной взаимозависимости или солидарности, есть основа объективной общественной этики; оно же является руководящей идеей объективнаго права, тѣмъ критеріемъ, какимъ должны оцѣниваться положительные законы. Разумна и оправдана только та система положительныхъ законовъ, которая построена на уваженіи къ правилу общественной солидарности и направлена на поддержаніе и развитіе этой солидарности.

Система (абстрактныхъ) нормъ, вытекающихъ изъ принципа общественной солидарности, именуемая Дюги объективнымъ правомъ, конечно, есть не что иное, какъ естественное право въ духъ Руссо, но только базирующееся на принципъ, взятомъ изъ области социологии. Признается существованіе только объективнаго права, нормы права, возвышающей и надъ индивидомъ и надъ обществомъ, изначальной, изъ которой должно выводить всю систему права и съ которой сообразоваться должна всякая власть, въ томъ числѣ и государственная, и всякій положительный законъ. Положительный законъ, *loi positive*, по его мнѣнію, еще не есть право, еще не *droit*; правомъ онъ является только тогда, когда отвѣчаетъ (естественно-правовой) нормѣ общественной солидарности. Государственная власть и поддерживаемая ею система положительныхъ законовъ могутъ быть обоснованы и оправданы только при согласіи ихъ съ „объективнымъ“ правомъ, которое выводится разумомъ изъ принципа общественной солидарности. Это объективное право — право чисто разумное, такъ какъ оно не есть созданіе какой бы то ни было чело-вѣческой воли; ни воля Божественная или монарха, ни воля всего народа, которыми обосновываютъ системы права теоріи теократическія и демократическія, не могутъ оправдать своей обязательности. Обязательность всякой положительной юридической нормы лишь въ ея соотвѣтствіи разумному принципу общественной солидарности. Все право покоится на *règle de droit*, а *règle de droit* есть норма чисто раціоналистическая. Трудно представить себѣ болѣе крайнюю апо-теозу идеи естественнаго права.

Эти монистическія теоріи естественнаго права въ сущности отождествляютъ все право съ такъ или иначе, идеалистически или позитивистически, понятой нравственностью и подлежатъ тѣмъ же всѣмъ возраженіямъ, какія возника-ютъ противъ теорій послѣдовательно дуалистическихъ.

III.

Отрицательное отношеніе какъ къ дуализму права естественнаго и положительнаго, такъ и къ поглощенію всего права естественнымъ правомъ не есть еще отрицаніе вообще идеи естественнаго права; но должно быть найдено дѣйствительное соотношеніе между естественнымъ и положительнымъ элементами въ правѣ.

Идея естественнаго права можетъ быть признана только, какъ та общая формула, общій смыслъ и идея дѣйствительнаго права, конкретнымъ осуществленіемъ которой является всякое опредѣленное положительное право. Естественное право есть логическая, раціональная сущность права исторически реализуемаго въ зависимости отъ всей совокупности историческихъ условій и прежде всего отъ нравственнаго сознанія общества. Въ этомъ смыслѣ естественное право тоже есть положительное (а не измышленное) право. Право едино по существу своему, и то, что въ немъ является естественной стороной, не можетъ быть противопоставляемо дѣйствующему праву, такъ какъ послѣднее есть лишь конкретная реализація основной идеи. Естественное право есть лишь общая формула права, подъ которую подставляется реальное содержаніе каждаго конкретнаго права.

Право естественное и право положительное суть лишь двѣ различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же объектъ, — на дѣйствительное право. Отношеніе между естественнымъ и такъ называемымъ положительнымъ правамъ (или, лучше сказать, всякимъ конкретнымъ дѣйствующимъ) то же, что, скажемъ, между принципами механики, законами сопротивленія матеріаловъ и т. п. и даннымъ мостомъ, зданіемъ, тунелью и т. д., или между законами стихосложенія и данной поэмой, или между принципами прекраснаго, правилами музыкальной гармоніи и данной симфоніей. Никакого противоположенія естественнаго и положительнаго права

и не можетъ, по существу дѣла, быть. Если одно право называется положительнымъ, то этимъ уже опредѣляется, что никакого другого права, кромѣ даннаго, и не существуетъ. Не-положительное право значить не-реальное, значить не-существующее, а потому положительному его нельзя и противопоставлять, какъ нельзя, скажемъ, дѣйствительной Россіи противопоставлять Россію не дѣйствительную. Нѣтъ двухъ правъ, положительнаго и естественнаго, а есть одно право, какъ есть одна нравственность, одна эстетика, въ которыхъ естественная нравственность не противопоставляется положительной или естественная эстетика — положительной эстетикѣ. Есть лишь общіе принципы, абстрактныя нормы права, нравственности, эстетики и т. п. и ихъ конкретное осуществленіе въ жизни, но, разумѣется, нельзя противопоставлять общихъ принциповъ ихъ конкретному осуществленію.

Можно различать лишь положительное права въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ совокупность исторически дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, и естественное право, какъ общую идею, какъ основной смыслъ всѣхъ дѣйствующихъ нормъ положительнаго права. Эта основная идея права, это естественное право принадлежитъ тоже къ сферѣ положительнаго права, а не права измышленнаго, она, такъ сказать, естественно положительна.

Здѣсь необходимо сдѣлать двѣ оговорки, чтобы не произошло недоразумѣнія или неправильнаго толкованія нашей мысли. Во-первыхъ, не слѣдуетъ смѣшивать теорію положительнаго права съ позитивной философіей права: позитивизмъ въ смыслѣ философской системы, отрицающей какое бы то ни было метафизическое изученіе, ни въ какой необходимой связи съ философіей положительнаго права не находится¹⁾. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ положительнаго

1) Можно быть позитивистомъ въ философіи и сторонникомъ дуализма въ правѣ, чему имѣется не мало примѣровъ, укажемъ хотя бы на Конта и особенно на Спенсера. Только неправильнымъ пониманіемъ

права въ тѣсномъ смыслѣ слова отождествлять съ правомъ, исходящимъ отъ государственной власти. Очень часто склонны естественно-правовую точку зрѣнія противопоставлять позитивно-правовой, именно отождествляя послѣднюю съ теоріей права въ смыслѣ исключительно государственно-принудительныхъ нормъ, и желая въ этомъ противопоставленіи найти юридическую основу для конституціоннаго и международнаго

понятія положительнаго права можно объяснить замѣчаніе одного изъ представителей естественно-правовой школы, будто „философія положительнаго права звучитъ для философа приблизительно такъ же, какъ философія инженернаго искусства или горнаго дѣла“.

Въ своемъ послѣднемъ произведеніи Общая теорія права, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ предшествующихъ, Шершеневичъ выступилъ яркимъ противникомъ какой бы то ни было идеи естественнаго права. Это выступленіе соединено у него съ подчеркнутымъ философскимъ позитивизмомъ. Однако философскій позитивизмъ, повторяемъ, ни въ какой связи съ тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ идеѣ естественнаго права не находится. Обратившись же къ воззрѣніямъ Шершеневича на задачи философіи права, мы видимъ, что онъ вовсе не такъ далекъ отъ того пониманія естественнаго права, о которомъ говоримъ мы. „На основаніи только исторически даннаго матеріала, философія права должна выяснитъ, что такое вообще право, независимо отъ измѣнчиваго его содержанія, что такое государство внѣ разнообразія дѣйствительныхъ формъ его существованія, каковы источники права, каковы методы разработки нормъ права“ (стр. 40). „Разсматривая право того или другого народа, мы замѣчаемъ въ немъ черты двоякаго рода: свойственныя только данному праву и общія ему съ правами другихъ народовъ. Въ томъ, что встрѣчается, какъ общее въ различныхъ правахъ, слѣдуетъ опять таки различать: то необходимое, безъ чего ни одно право не можетъ обойтись, и то случайное совпаденіе, котораго можетъ и не быть. Общее и необходимое — это и есть объектъ философіи права или теоріи права“ (стр. 42). Общая теорія права „выбираетъ не только общія положенія, но и необходимыя, т. е. такія, безъ которыхъ существованіе даннаго культурнаго типа существовать не можетъ“ (стр. 46). Задача философіи права — связать юридическія понятія съ общею философіей. Опредѣлить само право безъ социологіи и этики философіи права никогда не удастся. Философія права должна даже стремиться опредѣлить мѣсто и значеніе права въ міровомъ порядкѣ, безъ чего юристъ не можетъ имѣть теоретическаго понятія о правѣ“ (стр. 47—48). Если это пониманіе философіи права явно враждебно всякому построенію естественнаго права, какъ измышленнаго, идеальнаго права съ точки зрѣнія какой-нибудь нравственной критики, то оно вполне отвѣчаетъ тому воззрѣнію на естественное право, какое мы только что развили.

права. Но это тоже совершенно произвольное утверждение: государственно-принудительное вовсе еще не есть все положительное право (объ этомъ будетъ рѣчь ниже).

Этого единственно пріемлемаго смысла естественнаго права никто не выразилъ лучше Соловьева: „Естественное право есть та общая алгебраическая формула, подъ которую исторію подставляетъ различныя дѣйствительныя величины положительнаго права. При этомъ само собою разумѣется, что эта формула (какъ и всякая другая) въ своей отдѣльности есть лишь отвлеченіе ума, въ дѣйствительности же существуетъ лишь какъ общая форма всѣхъ положительныхъ правовыхъ отношеній, въ нихъ и чрезъ нихъ. Такимъ образомъ подъ естественнымъ или раціональнымъ правомъ мы понимаемъ только общій разумъ или смыслъ (*ratio*, *lógos*) всякаго права какъ такого. Съ этимъ понятіемъ естественнаго права, какъ только логическаго *prius*'а права положительнаго, не имѣетъ ничего общаго существовавшая нѣкогда въ юридической наукѣ теорія естественнаго права какъ чего-то и с т о р и ч е с к и предшествовавшаго праву положительному, причемъ предполагалось такъ-называемое естественное состояніе или состояніе природы, въ которомъ человѣчество существовало будто бы до появленія государства и положительныхъ законовъ. На самомъ же дѣлѣ оба эти элемента, и раціональный и положительный, съ одинаковою необходимостью входятъ въ составъ всякаго дѣйствительнаго права, и потому теорія, которая ихъ раздѣляетъ или отвлекаетъ другъ отъ друга, предполагая историческое существованіе чистаго естественнаго права, очевидно принимаетъ отвлеченіе ума за дѣйствительность. Несостоятельность этой теоріи очевидно нисколько не устраняетъ той несомнѣнной истины, что всякое положительное право, поскольку оно есть все-таки право, а не что-нибудь другое, необходимо подлежить общимъ логическимъ условіямъ, опредѣляющимъ самое понятіе права, и что слѣдовательно признаніе естественнаго

права въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть необходимое требованіе разума“ (II, 148—9).

Съ нашей точки зрѣнія, всякая правильно понимаемая философія права есть теорія естественнаго права, такъ какъ она имѣетъ въ виду понять общій смыслъ, основную идею права, дать общее опредѣленіе его природы. Теорія естественнаго права есть философія дѣйствительнаго права, излагающая первые принципы права, постигаемые разумомъ и отвлекаемые имъ отъ природы конкретныхъ юридическихъ отношеній, соединяющихъ людей между собой. Этотъ общій смыслъ права разумѣется не только въ отношеніи къ формальнымъ признакамъ положительнаго права, но и въ отношеніи къ матеріальному содержанію права.

Естественное право въ смыслѣ философскаго разсмотрѣнія положительнаго права можетъ и должно послужить основаніемъ критики отдѣльныхъ положительныхъ правовыхъ нормъ. Эта критика, по самому существу своему, остается въ предѣлахъ права и должна быть отличаема отъ той критики, которая производится съ точекъ зрѣнія внѣ права находящихся. Конечно, право не есть социальное явленіе самодовлѣющее; для человѣческой личности и общества оно должно быть обосновано и оправдано. Это обоснованіе находится только въ болѣе широкихъ принципахъ социологическихъ и этическихъ. Наука объ обществѣ и этика даютъ основаніе социологической и этической критикѣ права, но такая критика выходитъ изъ предѣловъ права и не должна въ него быть введена подъ флагомъ естественнаго или разумнаго или идеальнаго права.

Но основная идея, общій философскій смыслъ положительнаго права можетъ послужить основаніемъ и чисто юридической критики нормъ положительнаго права съ точки зрѣнія, насколько данное историческое право является вѣрной реализаціей естественнаго права въ указанномъ смыслѣ, и насколько конкретныя формы права воплощаютъ общую тенденцію права.

Такъ какъ, по содержанію, основная идея права заключается, какъ мы постараемся далѣе показать, въ установленіи должнаго равновѣсія между стремленіемъ къ личной свободѣ и общимъ благомъ (это и есть справедливость), то все, что переживается въ обществѣ и извѣстно въ исторіи, какъ конфликты нормъ дѣйствующаго права съ законами, заложенными въ сердцахъ людей, съ чувствомъ справедливости, съ сознаниемъ естественныхъ законовъ, есть лишь указаніе на то, что данная норма права не осуществляетъ общей идеи положительнаго права. Для того, чтобы общая идея права (естественное право, въ нашемъ смыслѣ) могла послужить основаніемъ дѣйствительно правовой критики, необходимо, чтобы эта идея права получалась, извлекалась изъ разсмотрѣнія исторически дѣйствующаго юридическаго матеріала. Конечно, это будетъ критика толкованія, а не по существу; она не можетъ обосновать того или другого юридическаго положенія, она можетъ только показать, противорѣчитъ оно или нѣтъ общему духу положительнаго права, послѣдовательно ли оно. Соотношеніе между положительнымъ историческимъ юридическимъ матеріаломъ и отвлекаемой отъ него естественно-правовой идеей получается двоякое: на основаніи анализа и изученія конкретнаго права выясняется идея права, и съ точки зрѣнія этой идеи изслѣдуется, насколько въ отдѣльныхъ юридическихъ нормахъ осуществляется идея права. Образецъ аналогичной критики мы видимъ въ чисто эстетической критикѣ художественныхъ произведеній: правила художественной гармоніи извлекаются изъ анализа художественныхъ произведеній, и они же служатъ основаніемъ для чисто эстетической критики отдѣльныхъ художественныхъ твореній.

Понятно, насколько съ этой точки зрѣнія увеличивается значеніе и роль толкованія права. Именно въ отдѣлѣ толкованія права должны быть введены принципы естественно-правовой критики, для чего эти принципы должны

основываться на данныхъ положительнаго юридическаго матеріала. Нравственная или соціологическая критика положительныхъ нормъ права, сама по себѣ вполне допустимая, не можетъ однако быть введена въ отдѣлы толкованія положительнаго права, такъ какъ она не право. Наши чаянія, надежды, нравственные и религіозные идеалы по отношенію къ праву — не естественное право и не могутъ быть отождествляемы съ идеей положительнаго права, являющейся естественнымъ правомъ¹⁾.

Изложенныя нами воззрѣнія на естественное право отличаются отъ тѣхъ двухъ основныхъ пониманій естественнаго права, которыя обычно отмѣчаются въ исторіи естественно-правовыхъ доктринъ, — отъ естественнаго права, какъ закона естественно-необходимыхъ отношеній въ правѣ, и отъ естественнаго права, какъ закона абсолютно-должнаго. Съ одной стороны, такъ какъ въ человѣческомъ поведеніи всегда есть элементъ свободы, то абсолютно необходимаго закона, въ смыслѣ естественныхъ явленій, при всей возможной общественной законѣрности, нѣтъ для поведенія человека. Съ другой стороны, такъ какъ всякое конкретное право есть осуществленіе общей формулы права, общей его идеи, то оно всегда до извѣстной степени оцѣнивается съ точки зрѣнія должнаго. Общій смыслъ права есть, съ одной стороны, естественный законъ права, въ смыслѣ реальнаго осуществленія, съ другой стороны, онъ есть законъ долж-

1) О движеніи и теоріяхъ въ Германіи „свободнаго права“, являющагося воспроизведеніемъ до извѣстной степени той своеобразной формы возрожденнаго „естественнаго права“, которое обнаружилось во Франціи особенно послѣ изслѣдованія Жени о толкованіи ((F. Geny, *Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif*, Paris, 1899), и такъ называемаго „юридическаго социализма“, см. E. Stampe, *Die Freirechtsbewegung, Gründe und Grenze ihrer Berechtigung*, 1911. Подробная библіографія нѣмецкихъ сочиненій съ ссылками на сочиненія Штамплера, Оскара Бюлова, Канторовича и т. д. см. E. Jung, *Das Problem des natürlichen Rechts*, Leipzig, 1912, стр. 330—333.

наго, съ которыми должны сообразоваться отдѣльныя юридическія нормы. Такъ какъ положительное право, какъ такое, есть естественное выраженіе природы человѣка, то основная идея его, конечно, отвѣчаетъ природѣ, естеству человѣка, и поэтому она съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа естественнымъ правомъ.

Развитое нами пониманіе естественнаго права, наименѣе всего, пожалуй, расходится съ тѣмъ ученіемъ объ естественномъ правѣ, которое господствовало въ древности и въ средніе вѣка. Ни у античныхъ, ни у средневѣковыхъ мыслителей, вообще говоря, не было дуалистическаго пониманія дѣйствительнаго права, распадающагося на естественное и положительное. Естественное право было у нихъ лишь наиболѣе неизмѣнная, всеобщая, вытекающая изъ самыхъ основныхъ свойствъ человѣческой природы часть дѣйствующаго права; остальная часть дѣйствующаго права есть то въ правѣ, что перемѣнчиво, произвольно устанавливается и отмѣняется, что не связано съ самимъ человѣческимъ существомъ. Эта естественно-необходимая часть права или предполагалась вытекающей изъ требованій естественной природы (какъ выраженіе мірового Логоса у стоиковъ; *jus naturale*, по словамъ Ульпіана, *est, quod natura omnia animalia docuit*) или являлось врожденнымъ душѣ человѣка („Когда язычники, писалъ ап. Павелъ, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ: они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ“). Въ такомъ пониманіи естественное право есть право положительное *par excellence*, это право болѣе дѣйствительное, чѣмъ нарочито изданные законы. Въ древности, оно никогда и не противопоставлялось положительному праву, а лишь праву „установленному“ людьми. Разумѣется, человѣкъ, какъ существо свободное, можетъ и уклониться отъ выполненія какъ подобнаго естественнаго закона, такъ и закона установленнаго. И если можно сказать, что соеди-

неніе половъ для рожденія дѣтей или забота матери о своемъ ребенкѣ есть естественный законъ человѣческой правовой жизни, однако этимъ не исключается возможность въ отдѣльныхъ случаяхъ уклоненій отъ этого закона, когда, напр., мать является убійцей своихъ собственныхъ дѣтей. Но какъ отдѣльныя правонарушенія не уничтожаютъ дѣйствительности „установленной“ юридической нормы, такъ и естественно-правовая норма сохраняетъ и послѣ своего нарушения свою дѣйствительность. До извѣстной степени можно признать, что у Гоббса и у Спинозы пониманіе права также не было дуалистическимъ, и естественное право, совпадавшее у нихъ съ силою и съ стремленіемъ всего живого къ самосохраненію, было логическимъ отвлеченіемъ отъ положительнаго, съ ихъ точки зрѣнія, права. Вопросъ другой, насколько вѣрно понимали они дѣйствительную природу положительнаго права.

II. Матеріальное опредѣленіе права.

I. Право, какъ минимумъ нравственности. — II. Индивидуалистическія теоріи права. — III. Соціально-утилитарныя теоріи права. — IV. Матеріальное опредѣленіе права.

Право можетъ и должно быть опредѣлено какъ по содержанию его нормъ, такъ и по той формѣ, въ какую онѣ облакаются.

Существуетъ мнѣніе, совершенно не основательное, будто нельзя дать матеріальнаго опредѣленія права, а только одно формальное, на томъ основаніи, что въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ правовыми нормами регулировалось самое разнообразное содержаніе, и что было бы безплодной попыткой подвести это содержаніе подъ одну общую формулу. Придерживаясь этой мысли, послѣдовательно нужно было бы отказываться дать вообще чему-бы то ни было матеріальное опредѣленіе, религіи, наукѣ, искусству, философіи, государству, церкви и т. д., и всегда ограничиваться лишь формальными опредѣленіями; изъ того, что физика, механика, философія и т. д. исторически захватывали въ свои предѣлы разнообразное содержаніе и устанавливали для него разные законы, слѣдуетъ, согласно этому мнѣнію, заключать, что для всѣхъ этихъ наукъ есть опредѣленіе только формальное; изъ того, что хозяйственныя формы были различны, слѣдуетъ отказаться отъ матеріальнаго опредѣленія хозяйства и экономики; изъ того, что государствами являлись въ исто-

риі очень не сходные между собою типы политическихъ союзовъ, слѣдуетъ отказаться отъ матеріальнаго опредѣленія государства, и т. д. Однако историческая измѣнчивость содержанія различныхъ отраслей человѣческаго знанія и дѣятельности не устраняетъ возможности и необходимости найти общій разумъ, смыслъ, основную матеріальную идею каждой такой отрасли знанія; тѣмъ болѣе что историческая измѣнчивость имѣетъ мѣсто не только по отношенію къ конкретному содержанію соціальныхъ явленій, но и къ той формѣ, въ которую они облакаются.

Всякое опредѣленіе вовсе не имѣетъ въ виду предопредѣлить все то конкретное, что въ ту или другую категорію можетъ войти. Собственно, въ дѣйствительности все лишь индивидуально-конкретно, неповторяемо въ своей сложной своеобразности и единственности, и опредѣленіе стремится лишь найти общую идею въ неограниченномъ множествѣ конкретныхъ различій. Дать опредѣленіе права значитъ опредѣлить общій, естественный, такъ сказать, смыслъ права; это же достигается, если мы эту общую идею укажемъ и по отношенію къ содержанію и по отношенію къ формѣ юридическихъ нормъ.

I.

Матеріальное опредѣленіе права, говорящее о дѣйствительномъ содержаніи права, можетъ быть дано только черезъ установленіе связи между правомъ и нравственностью, такъ какъ право есть лишь одно изъ выраженій этической дѣятельности людей, и содержаніе нравственности опредѣляетъ собою до извѣстной степени и содержаніе права.

Право никогда не можетъ быть обособлено отъ нравственности. Даже тогда, когда стараются свести его къ простому разграниченію интересовъ и воли, не могутъ не считаться и съ моментомъ оцѣнки этихъ интересовъ и воли по содержанію. Никакое разграниченіе не возможно безъ

оцѣнки. Когда пытаются противопоставить право нравственности по различію внѣшняго поведенія и внутренняго настроенія воли, принуждены бываютъ сознаться, что и право обращаетъ вниманіе на содержаніе воли и на внутреннія настроенія людей, и что нравственность требуетъ не только одного настроенія, но и дѣлъ.

Что право есть именно принудительно осуществляемый минимумъ нравственности, это неоднократно утверждалось мыслителями самыхъ различныхъ направленій, укажемъ хотя-бы на Лейбница, опредѣлявшаго право, какъ любовь мудраго, и въ юридическомъ началѣ видѣвшаго лишь низшую степень нравственности, на Аренса, понимавшаго право, какъ совокупность условій нравственно-доброй жизни людей и общества, на Соловьева, опредѣлившаго право, какъ минимумъ нравственности, и др.

Право не можетъ быть понято, какъ начало самостоятельное и отдѣльное отъ нравственности. Какое бы содержаніе мы ни давали ему, всегда неизбѣжно внесеніе въ него и момента нравственной оцѣнки. Если содержаніемъ права объявляется свобода, то разумѣется свобода разграниченная, такъ какъ одни проявленія свободы должны быть ограничены въ пользу другихъ, другія же проявленія ея должны быть независимы и охранены; но въ самой свободѣ, какъ таковой, нѣтъ никакихъ критеріевъ и условій для разграниченія. Свобода и воля не равны другъ другу и потому, сами по себѣ, несоизмѣримы, какъ неравны и несоизмѣримы люди вообще. Слѣдовательно, основаніе, по которому можетъ быть производимо разграниченіе свободъ, нельзя искать въ самихъ свободахъ; оно должно быть взято извнѣ.

Не будетъ рѣшеніемъ вопроса указаніе на то, что такое ограниченіе свободы въ правѣ совершается по принципу всеобщаго равенства. Не всякое ограниченіе, даже и равное, можетъ образовать содержаніе права, такъ какъ можетъ быть всеобщее равенство въ погромѣ и въ умерщвленіи; необхо-

димо равенство въ должномъ, т. е. справедливое равенство. Равенство, какъ и свобода, не есть безусловно самостоятельный принципъ содержанія права, такъ какъ оно обусловлено справедливостью. Нельзя искать самостоятельнаго принципа права и въ силѣ, ибо не всякая сила есть право, а лишь сила извѣстнымъ образомъ ограниченная и урегулированная, слѣдовательно обусловленная тѣмъ, что ограничиваетъ ее. То же нужно сказать и о разграниченіи интересовъ, какъ о содержаніи права. Не всякій интересъ принимается во вниманіе въ правѣ и не всѣ они считаются одинаковыми, отборъ же ихъ и сравненіе не могутъ не считаться съ ихъ оцѣнкою. Непризнаніе этого положенія составляло между прочимъ основную ошибку опредѣленія права Коркуновымъ, предполагавшимъ, что можно разграничивать интересы, не оцѣнивая ихъ. .

Въ тѣсной связи права и нравственности нѣтъ ничего страннаго, если мы проникнемся тою мыслью, что нравственность имѣетъ рядъ ступеней. Изъ того, что нравственный принципъ безусловенъ и абсолютенъ, какъ идеальное требованіе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы нравственная область была лишена относительнаго элемента. Всякое совершенство, какъ идеальная цѣль, можетъ быть достигнуто только чрезъ послѣдовательную работу, черезъ постепенное „становленіе“. Абсолютное и относительное въ нравственности не противоположны, а свободно и полно сливаются въ единую нравственную жизнь. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ правовое, такъ и нравственное сознанія имѣютъ различныя состоянія. Въ нихъ есть та же борьба, какую мы наблюдаемъ и во всѣхъ другихъ областяхъ общественнаго существованія, борьба между стремленіемъ къ сохраненію и новою высшею ступенью сознанія. Право исторически прогрессивно приближается къ нравственности.

Несмотря на очевидную родственность права и нравственности, въ настоящее время въ теоретической юриспру-

денціи можно сказать господствуетъ мнѣніе, что области права и нравственности различны.

Это противопоставленіе права и нравственности свое начало ведетъ отъ либеральной теоріи права, стремившейся, во имя полной индивидуальной свободы, порвать всякую связь между юридическимъ разграниченіемъ правъ и нравственной оцѣнкою человѣческихъ поступковъ, видя въ правѣ внѣшнюю сторону человѣческой дѣятельности, устанавливающую отрицательныя нормы, въ формѣ велѣній, стремящихся создать механическій порядокъ совмѣстнаго существованія многихъ личностей, а въ нравственности — внутреннюю сторону, устанавливающую положительныя нормы въ формѣ совѣтовъ¹⁾.

Опредѣленіе отношеній права и нравственности въ томъ смыслѣ, что право есть низшій предѣлъ нравственности, встрѣтило себѣ въ русской юридической литературѣ энергичныя возраженія, главнымъ образомъ въ связи съ критикой теоріи права Соловьева. Противъ пониманія права, какъ минимума нравственности, высказались Чичеринъ, Шершеневичъ, Новгородцевъ, кн. Е. Трубецкой и др.

1) Самъ Соловевъ, такъ энергично выступившій впослѣдствіи въ защиту пониманія права, какъ минимума нравственности, вначалѣ, подъ вліяніемъ идей Канта, рѣзко различалъ нравственную и правовую области и допускалъ, что право, какъ таковое, можетъ имѣть не только внѣ нравственности лежащее содержаніе, но и прямо противорѣчащее нравственности. Законъ есть формула ограниченія общественныхъ силъ, онъ не создаетъ, а только утверждаетъ существующее общественное равновѣсіе. Законъ выражаетъ собою лишь количественную, математическую справедливость — равное за равное. „Поскольку моя сила не нарушаетъ внѣшняго общественнаго равновѣсія, закрѣпленнаго закономъ, постольку она составляетъ право. Здѣсь право есть та же сила, только въ законныхъ предѣлахъ. Но откуда эти предѣлы?“ Эти предѣлы могутъ происходить и отъ чужой силы и не выражать собою никакой справедливости. „Тогда право есть лишь обобщенное насиліе. Законность никакъ не ручается за справедливость, ибо могутъ быть и бываютъ по общему признанію несправедливые законы“ (Духовныя основы жизни, III, 308).

Чичеринъ возражалъ противъ возможности, съ одной стороны, отождествить право съ нравственнымъ минимумомъ, съ другой же стороны, дать ему принудительную санкцію; это значитъ, по мнѣнію Чичерина, приписать нравственности принудительный характеръ, что противорѣчитъ самому понятію нравственности¹⁾. Шершеневичъ не согласенъ съ опредѣленіемъ права, какъ извѣстнаго минимума нравственности, во-первыхъ, потому, что право можетъ опередить нравственность, какъ, напр., это было при отмѣнѣ крѣпостнаго права, во-вторыхъ, потому, что юридическія нормы могутъ не имѣть никакого отношенія къ нравственности, въ третьихъ, наконецъ, потому, что право можетъ нѣкоторыми своими частями вступать въ противорѣчіе съ нравственностью²⁾. Точно также и по мнѣнію Новгородцева, опредѣленіе права, какъ этического минимума, покоится на извѣстномъ недоразумѣніи. „Несомнѣнно, что къ области права могутъ относиться не только дѣйствія, безразличныя съ нравственной точки зрѣнія, но даже и запрещаемыя нравственностью. Право никогда не можетъ всецѣло проникнуться началами справедливости и любви. Но если оно вступаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ противорѣчіе съ нравственными завѣтами, то его нельзя назвать нравственнымъ, даже и въ минимальной степени“³⁾. Такъ же отрицательно и на тѣхъ

1) О началахъ этики (Вопросы философіи и психологіи, кн. 39, стр. 685—691). Отвѣтъ на эти возраженія данъ Соловьевымъ въ той же книгѣ Вопросовъ философіи и психологіи, стр. 659—665).

2) Вопросы философіи и психологіи, кн. 38, стр. 470. Соловьевъ отвѣчалъ на критику Шершеневича въ Замѣчаніяхъ на статью проф. Г. Ф. Шершеневича (тамъ же, кн. 38, стр. 483). Несмотря на отвѣтъ Соловьева, Шершеневичъ повторилъ свои возраженія и въ своемъ послѣднемъ произведеніи, въ Общей теоріи права, 1911, стр. 319.

На тѣхъ же основаніяхъ, что и Шершеневичъ, возражалъ противъ сближенія права и нравственности и Коркуновъ.

3) П. Новгородцевъ, Право и нравственность (Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ, подъ ред. Гамбарова, стр. 117).

же основаніяхъ къ мысли Соловьева о соотношеніи права и нравственности отнесся и кн. Е. Трубецкой¹⁾. Однако, хотя кн. Е. Трубецкой и отвергъ, что право есть минимумъ нравственности, при установленіи отличія права и нравственности самому ему очень мало удалось обособить право и нравственность: съ одной стороны, онъ принужденъ былъ сознаться, что право и нравственность двѣ пересѣкающіяся сферы, а съ другой стороны, онъ долженъ былъ раздѣлить право на двѣ сферы, положительное и естественное право, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ, какъ мы уже говорили выше, нравственный критерій, и отождествляя его предписанія съ нравственными предписаніями. Если естественное право есть нравственное право, а положительное право есть лишь усиленная реализація права естественнаго, то оно тѣмъ самымъ есть и усиленная

1) Слѣдуетъ однако отмѣтить ошибку, которую допускаетъ кн. Е. Трубецкой, излагая теорію Соловьева. Онъ полагаетъ, что Соловьевымъ было усвоено воззрѣніе Шопенгауэра на право, какъ на минимумъ тѣхъ требованій, которыя необходимы для сохраненія общества. „Этотъ минимумъ для Соловьева, какъ и Шопенгауэра, сводится къ тому, чтобы мы никому не причиняли вреда, не нарушали внѣшняго порядка обществѣ; максимумъ же требованій нравственнаго закона — требованіе безкорыстной любви — выходитъ за предѣлы права и составляетъ особую область нравственности въ тѣсномъ смыслѣ“ (Лекціи по энциклопедіи права, 1909, стр. 24—25). Это не вѣрно, такъ какъ самъ Соловьевъ опредѣленно выступалъ противъ такого мнѣнія. „Нельзя видѣть, писалъ Соловьевъ, принципъ разграниченій между правомъ и нравственностью въ различіи между нравственностью отрицательною по запретительной заповѣди: никому не вреди (*neminem laede*), относя сюда всю область права — и нравственности положительной по повелительной заповѣди: всѣмъ сколько можешь помогай (*omnes quantum potes juva*), приурочивая сюда всѣ собственно нравственныя, не юридическія отношенія“. Соловьевъ считалъ такой принципъ недостаточнымъ, 1) потому что правовыя нормы запрещаютъ не всѣ вредныя дѣйствія, а лишь нѣкоторыя изъ нихъ, къ остальнымъ относясь безразлично, 2) потому что правовая норма часто положительно предписываетъ лицамъ извѣстнаго рода, напр. врачамъ, полицейскимъ, оказывать прямую помощь нуждающимся въ ней, 3) потому что и нравственныя требованія въ большинствѣ случаевъ состоятъ въ запрещеніи такихъ дѣйствій, которыя вредны или обидны другимъ (VII, 504).

реализация нравственности. Такъ выходитъ по ходу разсуждений самого кн. Е. Трубецкого.

На первый взглядъ эта критика, направленная противъ опредѣленія права, какъ минимума нравственности, достаточно обоснована, и противъ соединенія права и нравственности говорятъ многочисленныя противорѣчія и конфликты между правомъ и нравственностью. „Существуетъ множество правовыхъ нормъ, которыя не только не представляютъ минимума нравственности, но, напротивъ того, въ высшей степени безнравственны“. Однако эти противорѣчія при ближайшемъ разсмотрѣннiи оказываются мнимыми и объясняются лишь разными точками зрѣнiя, примѣняемыми, съ одной стороны къ праву, а съ другой — къ нравственности. Противорѣчія эти существуютъ не между правомъ и нравственностью, а между различными состоянiями какъ правового такъ и нравственнаго сознанiя. Берется опредѣленная юридическая положительная норма, соотвѣтствующая опредѣленному народу и эпохѣ, и противопоставляется ей норма нравственности, или соотвѣтствующая другой эпохѣ и другой средѣ или только отвѣчающая нравственному міровоззрѣнiю критика.

Если подъ правомъ разумѣется осуществленiе минимальнаго добра, то и къ праву и къ добру должна примѣняться одна и таже точка зрѣнiя или позитивная или раціоналистическая, идеальная. Если подъ добромъ разумѣются тѣ нормы, которыя должны быть осуществлены въ жизни съ точки зрѣнiя даннаго міровоззрѣнiя (точки зрѣнiя идеальной), то и подъ правомъ должно понимать только то, что должно быть такимъ съ идеальной точки зрѣнiя. Если же подъ правомъ разумѣются тѣ юридическія нормы, которыя дѣйствительно осуществляются въ данномъ обществѣ, то и подъ добромъ нужно разумѣть только тѣ нормы нравственности, которыя дѣйствительно признаются въ данномъ обществѣ. Коротко говоря, должно право и нравственность понимать

исходящими изъ одного источника, или изъ даннаго общественнаго сознанія, или изъ требованій разума; а смѣшивая эти двѣ точки зрѣнія, можно найти противорѣчія, гдѣ угодно и когда угодно (что собственно и дѣлалъ, напр. Коркуновъ, когда онъ возражалъ противъ соединенія права и нравственности указаніемъ на разнообразіе нравственныхъ нормъ). Такъ можно доказать, что и вообще право не является правомъ, стоитъ только противопоставить одной положительной юридической нормѣ другую раціональную, съ ней расходящуюся, или нормѣ стараго права норму нарождающагося новаго права.

Опредѣляя право по матеріальному содержанію и находя для этого необходимый родовой признакъ въ общемъ содержаніи нравственныхъ нормъ, мы не должны забывать, что здѣсь дѣло должно идти о дѣйствительныхъ нравственныхъ нормахъ. Нравственность, какъ совокупность нормъ дѣйствительно опредѣляющихъ жизнь и сознаніе людей, часто смѣшивается съ этикой, въ значеніи философскаго ученія объ идеальной нравственности. Только въ послѣднемъ случаѣ матеріальное содержаніе нравственности теряетъ свою опредѣленность, такъ какъ разница философскихъ міровоззрѣній ведетъ къ самымъ разнообразнымъ построеніямъ нравственныхъ системъ. Разъ мы желаемъ опредѣлить не право, намъ желательное и нами измышленное, какъ наиболѣе разумное, а право дѣйствительное, то мы сопоставлять его должны съ дѣйствительною нравственностью, а не съ философски измышленнымъ, какъ желательный идеаль.

Но даже если-бы и можно было указать на отдѣльныя юридическія нормы, завѣдомо противорѣчащія не только нашему нравственному чувству, но и положительному общественному нравственному сознанію, то этимъ нисколько не была бы доказана несовмѣстимость общаго понятія права съ моралью. Указаніе на нарушеніе нормы еще не есть ея опроверженіе, и если какой-нибудь органъ перестаетъ отправлять свою нор-

мальную функцію, то отъ этого еще не измѣняется истинное опредѣленіе этой функціи. Часто многія юридическія нормы являются таковыми лишь по формѣ, а не по содержанию; въ форму законовъ могутъ облекаться и религіозныя правила, и благопожеланія, и эстетическія нормы; и еслибы компетентнымъ законодательнымъ учрежденіемъ изданъ былъ законъ, предписывающій солнцу остановиться на небѣ, онъ оставался бы закономъ по формѣ, хотя разумѣется онъ не подошелъ бы ни подъ одно изъ существующихъ понятій права. Отдѣльныя конкретныя уклоненія юридическихъ нормъ отъ общей идеи права не разрушаютъ этой идеи, а только указываютъ на уродливость самой этой нормы. Нѣтъ такого опредѣленія права, противъ котораго нельзя было бы привести дѣйствительнаго или воображаемаго закона, неподходящаго подъ такое опредѣленіе. Если право есть разграниченіе или охрана интересовъ, какой интересъ охранялся бы, если бы императоръ Калигула назначилъ, какъ онъ хотѣлъ, свою лошадь римскимъ консуломъ; если право есть разграниченіе свободъ, чья свобода разграничивалась, когда Ксерксъ издалъ законъ о наказаніи Босфора за гибель персидскаго флота, и т. д.? Не только въ правѣ, мы можемъ и въ области нравственныхъ нормъ найти такія, какія будутъ противорѣчить существу нравственности. Нужно помнить, что существуютъ и различныя степени правового и нравственнаго сознанія. Есть борьба стараго и новаго права и смѣна различныхъ нравственныхъ взглядовъ; что могло казаться нравственнымъ въ свое время, то безнравственно въ другую эпоху. Сопоставляя право и нравственность, надо брать ихъ въ однородныхъ условіяхъ, — въ данную эпоху у даннаго народа, а не противопоставлять искусственно вырванную изъ исторической обстановки юридическую норму нравственнымъ воззрѣніямъ людей совершенно другого времени, а то даже и не нравственнымъ воззрѣніямъ общества, а своимъ собственнымъ или какой-нибудь возвышенной нрав-

ственной системѣ, совсѣмъ не находившей себѣ дѣйствительнаго признанія въ сознаніи и дѣятельности людей.

Коркуновъ видѣлъ возраженіе противъ нравственнаго содержанія права въ томъ, что нравственныя воззрѣнія людей измѣнчивы въ пространствѣ и времени; но это такъ же мало затрагиваетъ критикуемое имъ опредѣленіе права, какъ и то, что юридическіе законы тоже мѣняются. Измѣнчивость нормъ нравственности и права нисколько не опровергаетъ неизмѣнности именно обусловленности права нравственностью.

Что касается до часто встрѣчающихся указаній на существованіе нравственно-безразличныхъ юридическихъ нормъ, вродѣ всѣхъ чисто формальныхъ юридическихъ нормъ, то эти возраженія основаны на очевидномъ недоразумѣніи. Юридическія нормы, касающіяся, напр., формы одежды или формы актовъ, не имѣютъ никакого значенія и цѣнности отдѣльно и сами по себѣ, такъ какъ право есть цѣльный организмъ, гдѣ отдѣльныя нормы служатъ дѣлу цѣлаго, и нужно сравнивать право и добро, какъ органическія цѣлыя, а не въ своихъ оторванныхъ и потому безжизненныхъ частяхъ. Такъ можно и въ каждой законченной нравственной системѣ найти отдѣльныя нормы, которыя сами по себѣ или нравственно безразличны или даже безнравственны, скажемъ, постная пища по средамъ и пятницамъ, или убійство врага на войнѣ; первое — само по себѣ нравственно безразлично, но въ связи съ общей системой морали является нравственно-должнымъ проявленіемъ начала аскетизма, второе — само по себѣ безнравственно, но въ связи съ высшей нравственной нормой защиты отечества высоко нравственно ¹⁾.

1) По существу, не можетъ быть конфликта между правомъ и нравственностью, а лишь между отдѣльными нормами права и общей идеей права. Новгородцевъ, возражавшій противъ сближенія права съ нравственностью указавшемъ на отдѣльныя юридическія нормы не согласныя съ нравственностью, самъ однако въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что

Даже и при смѣшеніи положительной и идеальной точекъ зрѣнія можно установить тѣсное соотношеніе, въ смыслѣ реализаціи, между правомъ и нравственностью. При всѣхъ колебаніяхъ положительнаго права мы должны даже съ точки зрѣнія нашей абсолютной христіанской морали признать, что, въ дѣйствительности, происходитъ въ правѣ неустанная реализація современныхъ ему нравственныхъ убѣжденій. Эти же нравственныя убѣжденія прогрессивно развиваются по пути къ осуществленію абсолютнаго добра въ исторіи.

Иногда противъ пониманія права, только какъ части (принудительной) болѣе обширной области нравственности, дѣлается возраженіе (напр. Чичеринымъ) съ той точки зрѣнія, что въ такомъ случаѣ извращается истинная природа самой нравственности. Нравственность по идеѣ своей свободна и не терпитъ внѣшняго принужденія; нравственны только тѣ поступки, которые совершены по доброй волѣ, между тѣмъ право внѣшне принудительно; какимъ же образомъ можетъ оно составлять часть нравственности? Но такое отрицаніе принудительнаго момента для нравственности ошибочно, если понимать нравственность въ широкомъ смыслѣ; если нравственность въ тѣсномъ смыслѣ и не терпитъ внѣшняго принужденія, то нельзя того же сказать объ ея границахъ, объ ея предѣлахъ, подлежащихъ юридической охранѣ. Если изъ общей сферы нравственности выдѣляется, подъ именемъ права, какъ наиболѣе твердый, извѣстный минимумъ, гдѣ дѣйствуетъ, чтобы обезпечить его соблюденіе, внѣшнее принужденіе, то, разумѣется, оставшаяся область нравственности въ собственномъ смыслѣ имѣть этого признака не будетъ.

Именно вслѣдствіе тѣснаго соприкосновенія областей

нравственная связанность государства относится не къ каждой отдѣльной нормѣ, а ко всему праву въ цѣломъ. См. Государство и право, стр. 513.

права и нравственности и возможны разобранные нами выше постоянныя смѣшенія нравственной критики права съ естественнымъ правомъ. Такъ какъ право по идеѣ есть лишь принудительный минимумъ добра, то критика права съ точки зрѣнія справедливости, т. е. нравственности, можетъ имѣть въ виду, во-первыхъ, недостаточность или наоборотъ чрезмерность этого принудительнаго минимума, во-вторыхъ, противорѣчіе отдѣльныхъ нормъ общей идеѣ. Такъ какъ нравственность обосновываетъ право, то и нравственная критика можетъ имѣть рѣшающее вліяніе на право, но только не слѣдуетъ объявлять это вліяніе юридическимъ, какъ нельзя религіозной критики нравственности считать частью нравственности.

Пониманіе, съ точки зрѣнія содержанія, права, какъ принудительнаго минимума нравственности, окончательно устраняетъ всякій дуализмъ не только двухъ сферъ права, но и права и нравственности, такъ какъ одно не противостоитъ другому, исходя изъ противоположнаго принципа, а входитъ въ другое, лишь какъ часть его.

Зная, что право есть принудительно осуществляемый минимумъ нравственности, можно болѣе точно опредѣлить и основную идею матеріальнаго содержанія юридическихъ нормъ. Она вытекаетъ изъ требованій нравственности. Соответственно тремъ основнымъ этическимъ системамъ, установленнымъ нами въ предшествующей главѣ, индивидуально-идеалистической, утилитарной и синтетической, и это матеріальное опредѣленіе права можетъ быть дано съ трехъ указанныхъ точекъ зрѣнія.

II.

Одно время большимъ признаніемъ въ теоретической юриспруденціи пользовалась субъективно-индивидуалистическая теорія права, опредѣлявшая право, какъ разграниченіе человѣческой свободы или индивидуальныхъ волей.

Такое опредѣленіе права имѣетъ, конечно, въ виду не формальный признакъ юридическимъ нормъ, а ихъ матеріальное содержаніе. Неоднократно философы искали характерный признакъ права въ моментъ индивидуальной свободы или личной воли. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о представителяхъ идеалистическаго субъективизма. Кантъ полагалъ, что юридическій законъ есть предписаніе дѣйствовать такъ, чтобы свобода одного совмѣщалась со свободой всѣхъ и каждаго, а субъективное право есть лишь внѣшняя свобода, охраняемая юридическимъ закономъ. Для Фихте право было лишь нормой регулирующей отношенія людей, въ которыхъ каждый ограничиваетъ свою свободу свободой другого, приписывая себѣ извѣстную сферу дѣятельности и предоставляя такую же сферу другому. Для Шопенгауера право сводилось лишь къ отрицательному предписанію не нанесенія вреда другимъ лицамъ. По опредѣленію Чичерина, „субъективное право есть законная свобода что-либо дѣлать или требовать; объективное право есть самый законъ, опредѣляющій свободу и устанавливающій права и обязанности людей. Оба значенія связаны неразрывно, ибо свобода тогда становится правомъ, когда она освящена закономъ, законъ же имѣетъ въ виду признаніе и опредѣленіе свободы“.

Типичнымъ въ этомъ отношеніи является опредѣленіе права кн. Е. Трубецкимъ, который въ своихъ Лекціяхъ по энциклопедіи права исходитъ изъ положенія, что „право есть совокупность нормъ или правилъ поведенія, съ одной стороны предоставляющихъ, съ другой стороны ограничивающихъ внѣшнюю свободу людей“. Право есть правило поведенія. Каждому праву соотвѣтствуетъ обязанность. Существованіе всякаго права, какъ таковаго, предполагаетъ наличность какъ лица, имѣющаго права, такъ и лица обязаннаго. Отсюда для существованія права необходимо общество. Гдѣ право, тамъ и общество; гдѣ нѣтъ общества, тамъ нѣтъ и права, но за то тамъ, гдѣ есть общество, тамъ

неизмѣнно должно быть и право, ибо право, въ объективномъ смыслѣ слова, есть порядокъ, регулирующий отношенія отдѣльныхъ лицъ въ человѣческомъ обществѣ. Далѣе, всякая обязанность предполагаетъ свободу обязаннаго, какъ внутреннюю свободу, состоящую въ способности сознательно избирать свое поведеніе, такъ и внѣшнюю, — способность дѣйствіями во внѣ осуществлять поставленныя цѣли. Внѣшняя свобода составляетъ необходимое содержаніе права, такъ какъ гдѣ нѣтъ ея, тамъ уничтожается и всякое право, всякая возможность притязаній и обязанностей. Приэтомъ внѣшняя свобода лица представляетъ собою личный индивидуальный моментъ въ правѣ, а норма поведенія, которой подчиняется въ правѣ свобода лица, есть моментъ общественный.

Классически это воззрѣніе на право было развито Соловьевымъ въ его первомъ очеркѣ философіи права, данномъ въ Критикѣ отвлеченныхъ началъ. Разсматриваемое съ формальной стороны, право есть свобода, обусловленная равенствомъ. Правомъ опредѣляется отношеніе лицъ, — вещи правъ не имѣютъ. Лицомъ же въ отличіе отъ вещи называется существо, не исчерпывающееся своимъ бытіемъ для другого, нѣчто, слѣдовательно, самобытное и потому свободное. Характерный признакъ личности есть свобода; но свобода можетъ быть понята, и какъ сила, и какъ право. „Свобода сама по себѣ, т. е. какъ свойство лица въ отдѣльности взятаго, еще не образуетъ права“; свобода, какъ фактическая принадлежность личности, вполне совпадаетъ съ силой. Правомъ свобода является только тогда, когда изъ свободы вытекаетъ требованіе самостоятельности передъ другими. Когда свобода одного, какъ сила, встрѣчается со свободой другого, она утверждается, какъ право, т. е. какъ нѣчто должное и обязательное для другого. Обязательность эта вытекаетъ изъ взаимности: такъ какъ свобода присуща каждому лицу, то объективное основаніе для своей собственной свободы каждый можетъ найти только въ

своемъ признаніи свободы другихъ. „Моя свобода какъ право, а не сила только, прямо зависитъ отъ признанія равнаго права всѣхъ другихъ“.

Такимъ образомъ, какъ право, свобода тѣсно соединена съ моментомъ равенства. Право „всегда предполагаетъ равенство какъ свою общую и безусловную форму: предъ закономъ всѣ равны, безъ этого онъ не есть законъ; и точно также законъ какъ такой предполагаетъ свободу тѣхъ, кому онъ предписываетъ, ибо для рабовъ нѣтъ общаго закона, для нихъ принудителенъ уже простой единичный фактъ господской воли“ (I, 149). „Свобода, какъ основа всякаго человѣческаго существованія, и равенство, какъ необходимая форма всякаго общественнаго бытія, въ своемъ соединеніи образуютъ человѣческое общество какъ правомѣрный порядокъ. Ими утверждается нѣчто всеобщее и одинаковое, поскольку права всѣхъ равно обязательны для каждаго и права каждаго для всѣхъ. Но очевидно, что это простое равенство можетъ относиться лишь къ тому, въ чемъ всѣ тождественны между собою, къ тому, что у всѣхъ есть общее. Общее же у всѣхъ субъектовъ права есть то, что всѣ они одинаково суть лица, то-есть самостоятельныя или свободныя существа. Такимъ образомъ, исходя изъ равенства, какъ необходимой формулы права, мы заключаемъ къ свободѣ какъ его необходимому содержанію“ (II, 147—9)¹⁾.

1) При такомъ пониманіи права Соловьевъ еще нисколько не выходилъ изъ сферы воззрѣній индивидуально-субъективной школы въ правѣ. Равенство, вносимое въ опредѣленіе права Соловьевымъ, не является равенствомъ субъективныхъ правъ. Равенство, о которомъ онъ говоритъ, есть не равенство свободы, а равенство въ смыслѣ общности юридическихъ нормъ. Юридическая норма не есть норма конкретная, какъ исполнительное дѣйствіе, а норма общая, равно обращающаяся къ неопредѣленному числу случаевъ и лицъ (II, 132.) См. вообще всю XX главу Критики отвлеченныхъ началъ (II, стр. 150—152). Первоначальное изложеніе Соловьевымъ теоріи права несомнѣнно страдало индивидуалистическимъ пониманіемъ права. Вся XX глава Критики отвлеченныхъ началъ была посвящена доказательству исключи-

Лишь видоизмѣненіемъ индивидуалистической теоріи слѣдуетъ считать и теоріи права, какъ разграниченія интересовъ. Коркуновъ, отстаивавшій именно эту теорію, впалъ въ полную непослѣдовательность съ самимъ собою, съ выставленной имъ раньше въ качествѣ необходимой предпосылки правильной теоріи права идеей общественнаго утилитаризма противъ индивидуалистическихъ теорій права, какъ разграниченія свободы. Свобода въ своемъ формальномъ пониманіи и разграниченные интересы являются не противоположными пониманіями права, а лишь различными формулировками одного и того же понятія. Свобода въ правѣ не пустое по-

тельно-формальнаго и отрицательнаго характера права и правового порядка и вслѣдствіе этого несостоятельности права какъ верховнаго принципа человѣческаго общества. Государство представлялось ему только отрицательнымъ существомъ, право лишеннымъ всякаго положительнаго содержанія, не дающимъ никакой положительной цѣли для дѣятельности. Все значеніе права сводится къ установленію границъ; оно выражаетъ собою лишь отрицательную сторону нравственнаго начала. Право не можетъ требовать и не требуетъ, чтобы всѣ помогали каждому и каждый всѣмъ; оно требуетъ лишь, чтобы никто никого не обижалъ. Положительная сторона нравственнаго начала, требующая содѣйствовать свободѣ другихъ, остается внѣ сферы права. Это именно воззрѣніе Соловьева вызвало справедливыя упреки П. Чичерина въ его книгѣ *Мистицизмъ въ наукахъ* (стр. 69—74), указавшаго, что такое же точно мнѣніе высказывалось уже и Шопенгауэромъ, но совершенно напрасно, такъ какъ „такой взглядъ опровергается уже самымъ опредѣленіемъ права. Право есть явленіе свободы, а свобода въ юридической области есть начало совершенно положительное, ибо изъ нея вытекаетъ и собственность и обязательство. Что право не ограничивается отрицательнымъ предписаніемъ никого не обижать, ясно изъ существованія договоровъ, которые имѣютъ въ виду соединеніе воли и цѣлей“ (стр. 70). Точно также и цѣли государства нельзя свести къ одной охранѣ права. Справедливость этого возраженія понялъ и самъ Соловьевъ и постарался исправить свою односторонность, давши и матеріальное опредѣленіе права и отказавшись отъ того мнѣнія, что право по существу можетъ имѣть опредѣленіе только формальное. Перепечатавши въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи *Право и нравственность* относящіяся къ праву главы XVIII—XIX *Критики отвлеченныхъ началъ* (VII, 491—501), Соловьевъ совершенно опустилъ главу XX, въ которой развито было Шопенгауэровское пониманіе права только какъ отрицательной стороны нравственности.

нятіе, а, конечно, наполненная извѣстнымъ интересомъ, и разграниченіе интересовъ, чтò же есть другое, какъ не разграниченная сфера, гдѣ проявляется свободная дѣятельность человѣка?

Односторонность и ограниченность либерально-индивидуалистической теоріи права уже со временемъ Іеринга вызвала противъ себя самую рѣшительную критику юристовъ. Сводить все право къ чисто отрицательной функціи разграниченія индивидуальныхъ волей и сферъ свободы значитъ заключать право въ слишкомъ узкіе для него предѣлы. Право — не только стражъ и разграничитель, но и творецъ и созидатель новыхъ цѣнностей. Право выполняетъ не разъединяющую и разграничивающую работу, какъ выходитъ это по индивидуально-субъективной теоріи, а въ дѣйствительности соединяетъ людей въ осуществленіи ими своего общаго интереса. Построеніе теоріи права на одностороннемъ субъективномъ моментѣ личной свободы или индивидуальной воли приводитъ юридическія теоріи къ крайнему и одностороннему индивидуализму, къ невозможности понять по настоящему коллективные интересы юридическихъ союзовъ и лицъ.

Тѣ результаты, къ которымъ постоянно приходитъ индивидуализмъ въ правѣ, какъ нельзя болѣе ясно показываютъ ошибочность самой индивидуалистической точки зрѣнія. Наиболѣе послѣдовательными выраженіями индивидуализма въ правѣ были ученія естественнаго права и договорныя теоріи государства и общества. Здѣсь не мѣсто указывать на слабыя стороны этихъ юридическихъ конструкцій. Окончательная критика ихъ сдѣлана какъ научной теоріей, такъ и исторической практикой. Попытка построить государство и право изъ чисто-механическаго соединенія социальныхъ атомовъ-индивидовъ приводила къ абстрактнымъ идеямъ свободы и равенства. Между тѣмъ въ своемъ чистомъ пониманіи свобода и равенство — начала противо-

борствующія и самоуничтожающія. Политико-юридическія построения получали поэтому или крайне абсолютистскій характеръ, какъ у Гоббса или у Руссо, или приводили къ чисто анархическому отрицанію всякой принудительной политической власти, какъ у Годвина.

Въ области экономической юридическій индивидуализмъ приводилъ къ утверженію начала свободной конкуренціи. Несмотря на все воодушевляющее, оживотворяющее значеніе и вліяніе, какія это начало по временамъ обнаруживало въ человѣческихъ обществахъ, какъ общій принципъ оно теоретически можетъ быть оправдано и обосновано лишь при произвольномъ допущеніи предустановленной гармоніи человѣческихъ обществъ, которая сама собой изъ хаоса борющихся силъ создаетъ порядокъ и гармонію. Однако никакихъ основаній вѣрить въ такую предустановленную гармонію человѣческихъ обществъ нѣтъ, и на практикѣ свободная конкуренція есть начало антиномическое, приводящее неизбежно къ своему отрицанію, къ утверженію привилегій и монополіи тѣхъ, кто побѣдилъ въ этой конкуренціи, а принудительныя начала привилегій и монополій создаютъ рабство, уничтожаютъ саму конкуренцію и приводятъ къ вырожденію всего социальнаго строя.

Послѣдовательно проведенный индивидуализмъ въ правѣ приводитъ неизбежно къ индивидуалистическому анархизму. Если общество есть лишь совокупность свободныхъ и равноцѣнныхъ монадъ, то общественный авторитетъ надъ такой монадой имѣетъ юридическую и нравственную силу только до тѣхъ поръ, пока онъ этой монадой признается. Если единственное начало въ правѣ свободное усмотрѣніе, свободная воля лица, а не какой-нибудь высшій принципъ, то всякое право и всякое общество существуютъ для индивида только до тѣхъ поръ, пока они принимаются индивидомъ. Индивидъ естественно всегда сохраняетъ за собой возможность взять назадъ свое согласіе и выйти изъ сферы

юридическихъ нормъ. Здѣсь мы выполнѣ въ предѣлахъ индивидуалистическаго анархизма Годвина и Штирнера.

Общеизвѣстны, со времени критики Іеринга, и тѣ возраженія, которыя вызываетъ противъ себя вообще волевая теорія права, составляющая необходимое основаніе всѣхъ либеральныхъ теорій права. Далеко не всякая индивидуальная человѣческая воля охраняется или разграничивается въ правѣ; сама по себѣ, какъ таковая, личная воля нисколько не привлекаетъ къ себѣ вниманія права; необходимо, чтобы она была соединена съ общественно важнымъ и потому подлежащимъ охранѣ интересомъ, и только въ этомъ случаѣ она входитъ въ сферу дѣйствія разграничивающей или охраняющей функціи права. Юридическій порядокъ разграничиваетъ и охраняетъ права не только лицъ, осуществляющихъ свою волю, но и тѣхъ лицъ, которыя за малолѣтствомъ и болѣзненностью этой воли не имѣютъ. Онъ это дѣлаетъ иногда даже противъ воли самихъ заинтересованныхъ лицъ.

Изъ этихъ возраженій противъ либеральной теоріи права вовсе не слѣдуетъ заключать однако, что въ содержаніе юридическихъ нормъ не входятъ внѣшняя свобода людей или обусловливающія эту свободу индивидуальныя воли, и что юридическія нормы не выполняютъ разграничивающей функціи, а только то, что все содержаніе юридической нормы еще не заключается въ одномъ этомъ элементѣ. Признавая въ правѣ лишь разграниченіе внѣшней свободы, нельзя отграничить юридическія нормы отъ такъ называемыхъ условныхъ правилъ общежитія. Такъ какъ конвенціональныя нормы тоже разграничиваютъ внѣшнюю свободу людей, то, очевидно, одного этого послѣдняго признака мало еще для опредѣленія юридическихъ нормъ. Но, если, съ одной стороны, опредѣленіе права, какъ совокупности нормъ, разграничивающихъ свободу, оказывается слишкомъ широкимъ и выводитъ право далеко изъ его предѣловъ, то, съ

другой стороны, оно оказывается и слишком узкимъ, если мы обратимъ вниманіе на всѣ тѣ случаи, когда право выступаетъ не только въ чисто отрицательной функціи охраны свободы, но и въ положительной роли активнаго фактора, дающаго условія гармоническаго развитія личности и заботящагося объ общемъ благѣ и благосостояніи.

III.

Индивидуально-субъективной теоріи права, идеалистической въ большинствѣ случаевъ по своимъ основаніямъ, въ общей юриспруденціи противостоитъ социально-объективная школа, въ большинствѣ случаевъ позитивно-утилитарная по своимъ исходнымъ принципамъ, выдвигающая въ правѣ, въ качествѣ главнаго момента, объективный моментъ социального интереса. Эта школа господствуетъ въ современной юриспруденціи.

Право несетъ, по этой социальной теоріи, общественную функцію охраны и развитія интересовъ людей, по скольку они гармонируютъ или содѣйствуютъ общему благу всего общества. Право есть лишь одна изъ функцій общественнаго организма, вполне подчиненная всей совокупности общественныхъ функцій.

Уже у Гегеля находимъ мы основы этого воззрѣнія на право. Право есть лишь элементъ нравственности, синтетически отождествляющей право съ моралью. Нравственная и, слѣдовательно, юридическая идея находитъ себѣ завершеніе въ государствѣ. Государство же не служитъ средствомъ для обезпеченія интересовъ отдѣльныхъ людей, а само является самоцѣлью, и нравственный долгъ каждаго служить государству.

Особенно опредѣленно эту точку зрѣнія на право высказалъ Контъ, совершенно не признавшій субъективныхъ правъ, а лишь общій долгъ и социальные обязанности. „Позитивизмъ, писалъ онъ въ Курсѣ положительной философіи,

ни за кѣмъ не признаеть другого права, кромѣ права всегда выполнять свой долгъ. Понятіе права должно исчезнуть изъ политической области, подобно понятію причины изъ области философской... Позитивизмъ допускаеть лишь обязанности всѣхъ по отношенію ко всѣмъ, такъ какъ его точка зрѣнія, неизмѣнно социальная, не можетъ признать никакого опредѣленія права, особенно основаннаго на индивидуальности... Всякое человѣческое право настолько же нелѣпо, какъ и безнравственно. И такъ какъ не существуетъ божественныхъ правъ, то само это понятіе должно исчезнуть окончательно, какъ только соотвѣтствовавшее предварительному періоду человѣчества и прямо несовмѣстимое съ окончательнымъ состояніемъ человѣчества, допускающимъ только обязанности, соотвѣтствующія функціямъ“ (*Cours de philosophie positive*, 2 ed., VI, 454.)

Объективный моментъ общественнаго утилитаризма въ правѣ съ особенной энергіей защищался Іерингомъ, видѣвшимъ въ правѣ лишь совокупность нормъ, охраняющихъ интересы людей, руководясь основной идеей общественной пользы.

Если сначала, въ Духѣ римскаго права Іерингъ и обнаруживалъ нѣкоторую склонность къ индивидуалистическому воззрѣнію, видя въ индивидуальной свободѣ идеаль, къ которому должно стремиться право, а въ правѣ „объективный организмъ человѣческой свободы“ (*Geist des römischen Rechts*, I, 25) то впослѣдствіи въ Цѣли въ правѣ онъ уже опредѣленно сталъ на точку зрѣнія общественнаго утилитаризма. Общественное благо, обезпеченіе условій жизни общества, вотъ цѣль и идеаль права. „Право есть система обезпеченныхъ принужденіемъ общественныхъ цѣлей“. Право стремится обезпечить принудительно условія общественной жизни. Это его единственная цѣль. „Все право существуетъ для общества“. Жизненные условія общества есть „все, что составляетъ цѣль чело-

вѣческихъ стремленій: честь, любовь, дѣятельность, образованіе, религія, искусство, наука“. Все это должно ради общественной цѣли сдѣлаться предметомъ принужденія со стороны государства. „Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества“.

Коркуновъ присоединился къ пониманію права Іерингомъ, внеся лишь то видоизмѣненіе (чѣмъ въ сущности разрушилъ стройность системы), что функція права не въ охранѣ интересовъ, а въ ихъ разграниченіи. Нормы юридическія есть лишь видъ этическихъ нормъ. Этическія нормы, въ отличіе отъ техническихъ, имѣютъ въ виду внести гармонію въ совмѣстное осуществленіе людьми многихъ или всѣхъ цѣлей; онѣ производятъ выборъ цѣлей, размежевываютъ ихъ и устанавливаютъ форму взаимнаго соотношенія цѣлей. Этическія нормы распадаются на нравственныя и юридическія. Нравственныя правила производятъ оцѣнку цѣлей и интересовъ и приводятъ къ различію добра и зла; для гармоніи разнообразныхъ цѣлей одного человѣка достаточно одной нравственности. Но при сношеніяхъ людей другъ съ другомъ не достаточно одной оцѣнки интересовъ, такъ какъ въ ней нѣтъ указаній, какъ устранить столкновеніе интересовъ, когда они одинаковы; къ тому же нравственныя воззрѣнія людей различны. Должны поэтому существовать и нормы, разграничивающія интересы. Это выполняютъ юридическія нормы, которыя оцѣнокъ интересовъ не даютъ и опредѣляютъ отношеніе человѣка къ другимъ людямъ, а не къ самому себѣ. Такое разграниченіе интересовъ, устанавливающее обусловленныя другъ другомъ права и обязанности, имѣется и въ гражданскомъ, и въ уголовномъ, и въ государственномъ, и въ международномъ правѣ.

Тѣхъ же воззрѣній придерживается въ своей юридической теоріи и Дюги. Право опредѣляется имъ какъ совокупность обязательныхъ для лицъ, живущихъ въ обществѣ, правилъ поведенія, уваженіе къ которымъ рассматривается въ

данный моментъ обществомъ, какъ гарантія общаго интереса, и нарушеніе которыхъ вызываетъ коллективную реакцію противъ виновника этого нарушенія. Для права существенны моменты общаго интереса и коллективной реакціи въ случаѣ нарушенія. Содержаніе юридическихъ нормъ сводится къ тому, чтобы уважать акты, отвѣчающіе общественной солидарности, воздерживаться отъ дѣйствій, не отвѣчающихъ солидарности и содѣйствовать укрѣпленію общественной солидарности (*Traite de droit constitutionnel*, P. 1911, стр. 1 и сл.).

Нельзя не признать, что, независимо отъ правильности или ошибочности выводовъ утилитарно-соціальной школы права, основной принципъ, изъ котораго она исходитъ, ложенъ.

Отрицая самостоятельность нравственнаго начала и стремясь понять его, какъ продуктъ коллективной жизни людей, сторонники утилитаризма не въ силахъ дать никакого обоснованія нравственности. Эгоизмъ очень плохой руководитель къ утвержденію общественныхъ добродѣтелей. Стремленіе къ удовольствію не только не всегда опредѣляетъ человѣческую дѣятельность, но очень часто человѣкъ сознательно руководится цѣлями прямо противоположными удовольствію; очень часто онъ ставитъ себѣ объективныя цѣли, независимо отъ получаемого отъ нихъ удовольствія или неудовольствія; иногда ради достойной, по его мнѣнію, цѣли онъ выбираетъ даже страданіе. Принципъ пользы не можетъ служить самостоятельнымъ началомъ, такъ какъ необходимо знать, чѣмъ опредѣляется само понятіе пользы, что должно считать полезнымъ или неполезнымъ. Наконецъ, важно знать, что дѣлать при столкновеніяхъ общей пользы и личнаго блага. Начало общественного утилитаризма отвѣта дать на этотъ существенный вопросъ нравственной системы не можетъ и потому оно не можетъ служить верховнымъ принципомъ нравственности.

Однако ложность исходнаго начала не помѣшала представителей соціально-утилитарной школы права отмѣтить въ правѣ много правильнаго и соответствующаго его дѣйствительной природѣ.

Опредѣленіе права, какъ общественной функціи, тѣсно связано съ сближеніемъ права и нравственности. Нравственность понимается утилитарной школой, какъ созданіе коллективной жизни людей для охраны общей пользы, право же именно и является реализаціей этой общей пользы. Въ такомъ пониманіи право и нравственность тѣсно соприкасаются, что мы и находимъ у большинства новѣйшихъ юристовъ утилитарной школы, и у Іеринга, и у Дюги, и у Дюркгейма. Дюркгеймъ строить нравственность на юридическихъ нормахъ, Дюги же настолько сближаетъ право и нравственность, что считаетъ самый вопросъ объ ихъ различіи празднымъ. Дѣйствительно, при соціально-утилитарныхъ воззрѣніяхъ на право нѣтъ никакого основанія рѣзко разграничивать общественную позитивную нравственность и право, понимаемое какъ регулированіе интересовъ общей пользы; такое разграниченіе еще могло съ нѣкоторымъ основаніемъ дѣлать индивидуально-идеалистическая школа; поэтому протестъ нѣкоторыхъ сторонниковъ утилитарной школы, какъ Коркунова или Шершеневича, противъ сближенія права и нравственности есть непослѣдовательность. Когда право опредѣляется, какъ защищенный или разграниченный интересъ, то, конечно, предполагается, что право защищаетъ не всякіе интересы, а лишь тѣ, которые считаются справедливыми. Понятіе же справедливости, какъ очерчивающей сферу дѣйствія права, относится къ нравственности въ тѣсномъ смыслѣ слова, и справедливость никакъ нельзя вывести изъ самого права, такъ какъ это значило бы впасть въ несомнѣнный логическій кругъ.

Оцѣнивая общественно-утилитарную школу въ правѣ, не слѣдуетъ забывать, что ошибочно въ ней не соединеніе

и не сближеніе права и нравственности, а одностороннее пониманіе нравственнаго элемента, какъ только общественнаго. Нравственность есть равновѣсіе личнаго и общественнаго блага, утилитаристы же и коллективисты не достаточно это часто понимаютъ и признають.

Утилитарныя теоріи права, признавая содержаніемъ юридическихъ нормъ какой-нибудь защищаемый интересъ, исходятъ изъ реальной дѣйствительности, и поэтому неправильно поступаютъ тѣ субъективныя теоріи права, которыя стараются это опровергнуть и доказать, что правовая норма и защищаемый интересъ не всегда встрѣчаются вмѣстѣ. Указываются, въ видѣ возраженій, случаи, когда пріобрѣтеніе какого-нибудь субъективнаго права можетъ оказаться и не въ интересахъ даннаго лица, и даже приводятся примѣры цѣлыхъ юридическихъ институтовъ, вродѣ необходимаго наследованія по закону въ римскомъ правѣ, гдѣ такое наследованіе имущества, обремененнаго долгами, должно являться не въ интересахъ, а противъ интересовъ наследника. Очевидна однако поверхностность такого возраженія: юридическія нормы, какъ общія правила, имѣютъ въ виду интересы не опредѣленнаго конкретнаго лица, а всѣхъ вообще носителей даннаго права, интересъ разумѣется при этомъ вѣроятный, возможный, какія же дѣйствительныя послѣдствія могутъ произойти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это вполне выходитъ изъ разсмотрѣнія права.

Юридическія нормы — нормы общія, и потому въ нихъ разумѣется интересъ не одного даннаго конкретнаго носителя права, а всѣхъ вообще носителей подобнаго права, и если, скажемъ, наследственное право можетъ оказаться и не въ интересѣ одного даннаго наследника (если, напр., онъ, получивши средства, предастся разврату), то оно несомнѣнно въ интересѣ вообще наследниковъ. Ставши на точку зрѣнія отдѣльныхъ послѣдствій осуществленія права, можно отвергнуть вообще, что какое бы то ни было право охраняетъ или

разграничиваетъ интересы. Охрана жизни, здоровья, имущества, чести и т. д. въ отдѣльныхъ случаяхъ въ послѣдствіяхъ своихъ можетъ привести къ ущербу интересовъ даннаго лица. Но когда говорится объ охранѣ правомъ интересовъ, то, конечно, разумѣется общій, вѣроятный интересъ, а будущее въ его случайностяхъ неизвѣстно никому, и къ чему можетъ привести охрана моего видимаго интереса черезъ годъ, десять, сто, тысячу лѣтъ, въ вѣчности, мнѣ не извѣстно. Такъ можно сказать, что никто не охраняетъ и не преслѣдуетъ своихъ интересовъ, ибо каждый человѣкъ постоянно ошибается въ расчетахъ или въ пониманіи своего истиннаго интереса.

Никто не говоритъ, что право дѣйствительно всегда осуществляетъ настоящій интересъ. Право есть норма долженствованія, слѣдовательно, оно лишь стремится къ должному; оно стремится охранить вѣроятный интересъ. Вѣроятность сопровождаетъ всѣ человѣческія дѣйствія и нормы; и тогда, когда опредѣляютъ юридическую норму, какъ разграниченіе внѣшней свободы человѣка, исходятъ изъ наибольшей вѣроятности, и возможны и многочисленны случаи, гдѣ право, предоставляя свободу человѣку, фактически ее ограничиваетъ и, наоборотъ, ограничивая, расширяетъ. Предоставленіе свободы договора голодному рабочему сплошь и рядомъ будетъ для него средствомъ закабаленія и рабства, и были и могутъ быть эпохи, когда установленіе самого крѣпостного труда было освобожденіемъ для крѣпостныхъ отъ прежняго еще болѣе фактически рабскаго положенія.

Но изъ того, что теоріи, видяція въ юридическихъ нормахъ охрану или разграниченіе интересовъ, правы въ своихъ утвержденіяхъ, нисколько не вытекаетъ, будто слѣдуетъ противопоставлять эти теоріи, какъ враждебныя, волевымъ и либеральнымъ теоріямъ права. Это, впрочемъ, сознавалъ и одинъ изъ наиболѣе послѣдовательныхъ сторон-

никовъ теоріи интереса, Коркуновъ. „То обстоятельство, писалъ онъ, что многіе юридическіе институты вполне объяснимы съ той точки зрѣнія, что право есть разграниченіе воль, нисколько не говоритъ противъ опредѣленія права, какъ охраны интересовъ, потому что обезпеченіе за индивидомъ извѣстной сферы, въ которой онъ свободно можетъ проявлять свою волю, также есть одинъ изъ интересовъ и, слѣдовательно, пониманіе права, какъ охраны интересовъ, гораздо общѣе, нежели пониманіе его, какъ разграниченія воль: первое обнимаетъ собою второе, какъ частный случай охраны интересовъ“ (Лекціи по общей теоріи права, 5 изд., стр. 80).

Однако ошибочно мнѣніе, будто опредѣленіе права, какъ охраны интересовъ, можетъ замѣнить собою либеральную теорію. Въ одномъ случаѣ отмѣчается объективный моментъ положительнаго содержанія юридической нормы, въ другомъ — субъективный моментъ внѣшней формы юридической нормы. Право имѣетъ въ виду не только свободу, но и интересъ, неразрывно связанный со свободой. Свобода входитъ въ сферу права только связанная съ интересомъ. И интересъ предполагается только вѣроятный, только наполняющій извѣстную сферу внѣшней свободы. Можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ оказаться, что почти исключительное значеніе въ нормѣ права имѣетъ тотъ или другой общій интересъ, или что опредѣляется сфера личной свободы, какъ бы независимо отъ наполняющаго ее какого-либо интереса.

Объ эти теоріи не опровергають другъ друга, а взаимно другъ друга дополняютъ. Общій интересъ и личная свобода понятія не антиномическія, а коррелятивныя.

IV.

Каждая изъ разсмотрѣнныхъ нами выше теорій права является односторонней и недостаточной, но въ то же время обыкновенно она отвѣчаетъ нѣкоторымъ сторонамъ дѣйстви-

тельности и нѣчто реальное и вѣрное отмѣчено каждой изъ нихъ, но однако не вся реальность. Слѣдуетъ отказаться отъ бесплодныхъ попытокъ односторонне опредѣлить природу права, а такъ понять его, чтобы это пониманіе охватывало собою всѣ одностороннія теоріи въ ихъ, хотя и односторонней, правильности.

Руководящая синтетическая идея права дается основной идеей нравственности, — равновѣсіемъ личной свободы и общаго блага. Право есть опредѣленно фиксированный заранее принудительный минимумъ нравственности. Возникаетъ оно, какъ послѣдствіе двухъ противоположныхъ теченій общественной жизни, — исключительнаго утвержденія личной свободы, индивидуальнаго эгоизма и интереса, влекущаго въ своемъ преувеличеніи къ раздору и борьбѣ, и стремленія къ общественному миру, соглашающему въ общемъ благѣ отдѣльные личные эгоизмы, какъ вслѣдствіе сознанія вреда для самой личности отъ состоянія общественнаго раздора, такъ и въ соображеніяхъ восполненія личности черезъ блага общественной среды. Соотвѣтственно этимъ двумъ источникамъ права, въ правѣ имѣется всегда два элемента, общественный авторитетъ и личная автономія, первый особенно сказывающійся въ объективномъ правѣ, второй — въ субъективныхъ правахъ.

Право есть мирный договоръ между личной свободой и общимъ благомъ, устанавливающій общественный порядокъ. Правовая система всегда стремится дать и утвердить жизненное равновѣсіе общественныхъ силъ. То, что часто называлось древними авторами идеей справедливости, есть въ сущности указанное принудительное лично-общественное равновѣсіе, составляющее душу, логось, смыслъ права. Это равновѣсіе всегда конкретно и исторически измѣнчиво; оно никогда не бываетъ совершеннымъ и постоянно нарушается. Движущее начало исторіи права есть своеобразное неустойчивое равновѣсіе. Дать математически точ-

ную формулу юридического равновѣсія, пригодную для всякихъ случаевъ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена невозможно, такъ какъ жизненное равновѣсіе устанавливается, какъ въ правѣ, такъ и во всемъ живущемъ мірѣ, конкретно, въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ положенія, всякій разъ особо, и не можетъ быть заранѣе вполне опредѣлено общей формулой. Въ этомъ основная ирраціональная черта и тайна жизни, послѣдствіе единственности и неповторяемости ея конкретныхъ проявленій. Гдѣ жизненное равновѣсіе права нарушается, тамъ наступаетъ разрушеніе правового порядка и даже вообще общественной формы.

Противъ опредѣленія права, какъ равновѣсія между свободой и общимъ интересомъ, ничего не говоритъ, конечно, то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ можно доказать, что юридическая норма въ дѣйствительности, въ своемъ реальномъ примѣненіи, создаетъ не равновѣсіе личной свободы и общаго интереса, а служитъ для подавляющаго торжества или личной свободы или общаго интереса. Такая юридическая норма не будетъ только отвѣчать идеѣ права, она будетъ носить ложное имя права, она будетъ нормою ошибочнаго права. Юридическая норма всегда имѣетъ въ виду или, по крайней мѣрѣ, предполагается, что имѣетъ въ виду, равновѣсіе свободы и общественнаго интереса. Доказать, что она этого не достигаетъ, значитъ произвести критику права и показать необходимость исключенія этой нормы изъ сферы права.

Необходимость объединяющаго, синтетическаго опредѣленія права неоднократно сознавалась. Изъ новѣйшихъ наиболѣе удачныхъ попытокъ дать такое опредѣленіе укажемъ хотя бы на теоріи Соловьева и Мориса Гориу.

Необходимыми элементами для понятія права Соловьевъ считалъ съ одной стороны — личную свободу, общность (равенство передъ закономъ), и разграниченіе (какъ необходимое слѣдствіе соединенія двухъ предшествующихъ эле-

ментовъ), съ другой стороны — общее благо и принудительную внѣшнюю реализацію. Однако многочисленные элементы, изъ которыхъ слагается природа права, должны быть приведены между собою въ опредѣленную связь, чтобы изъ ихъ соединенія могло получиться живое и органическое цѣлое. Должно быть найдено синтезирующее начало, которое каждому элементу укажетъ свое опредѣленное мѣсто. Такой объединяющій, синтезирующій принципъ Соловьевъ нашелъ въ идеѣ равновѣсія, что и соотвѣтствуетъ всему духу его философіи, построенной на идеѣ равновѣсія и гармоніи. „Именно равновѣсіе есть отличительный специфическій характеръ права“ (VII, 514—5). Равновѣсіе это полагалось Соловьевымъ въ разумномъ гармоническомъ соединеніи двухъ противоборствующихъ началъ, — индивидуальной свободы, въ которой заинтересована личность, и общаго благосостоянія и безопасности, въ которыхъ заинтересовано общество; право же и обеспечивающее его государство заинтересованы лишь въ разумномъ равновѣсіи этихъ противоположныхъ интересовъ (VII, 514). „Законъ утверждаетъ существующее общественное равновѣсіе“ (III, 308). Изъ того, что сущность права состоитъ въ равновѣсіи двухъ нравственныхъ интересовъ, личной свободы и общаго блага, Соловьевъ выводилъ то заключеніе, что нельзя упразднить одного интереса въ пользу другого, такъ какъ при этомъ нарушено было бы равновѣсіе и исчезло само право, — или въ анархіи или въ деспотизмѣ (VII, 390—1, 387—8). Отсюда, въ окончательномъ результатѣ Соловьевъ пришелъ къ слѣдующему опредѣленію права: „право есть историческо-подвижное опредѣленіе необходимаго принудительнаго равновѣсія двухъ нравственныхъ интересовъ — личной свободы общаго блага“ (VII, 386). Или въ другомъ мѣстѣ болѣе точно: „право есть исторически-подвижное опредѣленіе принудительнаго равновѣсія между двумя нравственными интересами: формально-нравственнымъ интересомъ лич-

ной свободы и матеріально-нравственнымъ интересомъ общаго блага“ (VII, 514). Вполнѣ въ соотвѣтствіи съ такимъ пониманіемъ права, Соловьевъ и законъ, какъ одну изъ формъ права, опредѣлялъ, какъ общепризнанное и независящее отъ личныхъ мнѣній и желаній понятіе о должномъ въ данныхъ условіяхъ и въ данномъ отношеніи равновѣсія между частною свободою и благомъ цѣлаго (VII, 393). Равновѣсіе между свободными личными силами и собирательной силой общественной организаціи, устанавливаемое правомъ, не является для Соловьева чѣмъ-то заранѣе даннымъ, опредѣленнымъ и неподвижнымъ; оно зависитъ отъ всего разнообразія исторической дѣйствительности и является подвижнымъ и колеблющимся, слагающимся изъ множества частныхъ нарушеній и возстановленій (VII, 388). Идея равновѣсія, можно сказать, есть кардинальная идея всей синтетической философіи Соловьева. Его идеаль — свободная общинность; свободная же общинность, по его собственному опредѣленію, есть положительное равновѣсіе и внутреннее единство между всѣми и каждымъ, между общественнымъ и личнымъ элементами.

Мысль, что основная идея права есть равновѣсіе личной свободы и общественнаго блага, проникаетъ въ сознание многихъ современныхъ юристовъ. Всякое право — нѣсколько иначе формулируетъ ту же мысль тулузскій профессоръ Горіу, — есть синтезъ трехъ элементовъ, въ различныхъ пропорціяхъ: интереса, власти и функціи. Нѣтъ права безъ интереса; интересы же суть практическія воли людей, имѣющія цѣлью удовлетвореніе потребностей. Нѣтъ права и безъ власти рѣшенія; интересы, которыхъ нельзя реализовать по собственному рѣшенію, не право; этой власти, рѣшенія въ правѣ соотвѣтствуетъ отвѣтственность. Нѣтъ, наконецъ, права, если въ удовлетворенномъ интересѣ или въ осуществленной власти нѣтъ выполненной общественной функціи или если эта функція противообщественна (*Principes de droit public*, 1910, ch. III, 1).

Если право по содержанию своему входитъ, какъ нѣ-
 который фиксированный минимумъ, въ болѣе широкую об-
 ласть нравственности, то, разумѣется, съ этой точки зрѣнія
 нельзя разграничить право отъ нравственности, это отличіе
 можетъ быть установлено только по формальному признаку.
 Конечно, и по содержанию есть различіе между правомъ и
 нравственностью: нравственность не ограничена въ своихъ
 требованіяхъ, а право, будучи лишь минимумомъ нравствен-
 ности, ограничено; право требуетъ дѣйствительной реали-
 заціи этого минимальнаго добра, а нравственность можетъ
 оставаться и только идеальнымъ требованіемъ. Часто при-
 водимое различіе этихъ двухъ сферъ по тому признаку, что
 право регулируетъ внѣшнюю совмѣстную жизнь людей, а
 нравственность (какъ и религія) — внутреннюю, не правильно,
 такъ какъ и нравственность имѣетъ въ виду внѣшніе поступки
 людей, и право обращаетъ вниманіе на внутреннія побужденія
 людей. Что касается отличія нравовъ по содержанию отъ нрав-
 ственныхъ нормъ, то оно заключается въ томъ, что нравы,
 внося въ общежитіе правильность и регулярность отношеній,
 преслѣдуютъ задачи лишь простаго удобства и эстетики и ни-
 сколько не связаны съ основной цѣлью человѣческой жизни,
 между тѣмъ какъ всякая нравственная норма такъ или
 иначе связана съ высшею цѣлью человѣческой дѣятельности,
 ею опредѣляется и ею оцѣнивается.

Точное различіе между правомъ и нравственностью
 можетъ быть дано только по формальному признаку, по ис-
 точнику принудительности нормъ и по характеру ихъ санкціи.

III. Формальное опредѣленіе права.

- I. Государственная теорія права. — II. Психологическая теорія права. —
III. Синтетическое опредѣленіе права.

Разнообразіе содержанія положительныхъ юридическихъ нормъ въ исторіи и несогласіе юристовъ въ опредѣленіи основной матеріальной идеи права приводятъ многихъ теоретиковъ-юристовъ къ поспѣшному заключенію, будто право можетъ быть опредѣлено только по формальному признаку. Мнѣніе это исходитъ изъ предположенія, что въ разнообразіи матеріальнаго содержанія положительныхъ юридическихъ нормъ нельзя открыть никакого общаго принципа, но что можно найти такой общій принципъ лишь въ той формѣ, какую получаютъ юридическія нормы. Подъ формой въ данномъ случаѣ разумѣется не что иное какъ, съ одной стороны, источники нормъ (въ смыслѣ органовъ дающихъ жизнь праву), съ другой стороны, характеръ принудительности этихъ нормъ.

Но стремленіе найти постоянное однообразіе и устойчивость въ формальныхъ признакахъ права (т. е. въ его источникахъ и въ характерѣ его принудительности) ошибочно и иллюзорно. Въ исторіи мы находимъ чрезвычайное разнообразіе компетентныхъ правотворящихъ органовъ и характера принудительности самихъ нормъ. Если первобытныя общества живутъ по обычному праву, и правотворящимъ источникомъ въ нихъ является все общество, все племя или народъ, то въ современныхъ государствахъ внутреннее національное

право вырабатывается главнымъ образомъ особо установленными компетентными законодательными органами. Въ современномъ правѣ нормы гражданского, уголовного и административнаго права почти исключительно исходятъ отъ законодательныхъ органовъ, нормы государственнаго права покоятся на измѣнчивыхъ и часто молчаливо лишь признанныхъ соглашеніяхъ отдѣльныхъ государственныхъ органовъ и народа, нормы международнаго права вырабатываются узкокользящими отъ всякой опредѣленной фиксаціи международными органами и обычной практикой, лишенной всякаго опредѣленнаго органа, нормы церковнаго права исходятъ изъ совершенно особаго источника, — отъ церковной іерархіи.

Характеръ принудительности юридическихъ нормъ тоже различенъ въ разныхъ отдѣлахъ права: принудительность гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ юридическихъ нормъ сопровождается обычно опредѣленной санкціей, примѣняемой опредѣленными органами, принудительность государственныхъ юридическихъ нормъ покоится на сопротивленіяхъ другихъ государственныхъ органахъ, на государственныхъ переворотахъ, отказахъ въ повиновеніи и возстаніи, принудительность международноправовыхъ нормъ покоится на войнѣ и на причудливомъ совмѣстномъ и неопредѣленномъ воздѣйствіи нѣкотораго числа согласившихся между собою державъ, принудительность каноническихъ нормъ покоится на духовныхъ санкціяхъ, примѣняемыхъ церковною властью, и на угрозѣ отлученія отъ церкви.

Непонятно, на чемъ можетъ основываться предположеніе, что формальный признакъ юридическихъ нормъ всегда одинъ, всегда точно опредѣленъ и не подлежитъ закону того историческаго разнообразія, которое мы находимъ въ содержаніи юридическихъ нормъ. Форма, въ какую облакаются правовыя нормы, столь же разнообразна, какъ и ихъ содержаніе; однако это разнообразіе не можетъ помѣшать намъ какъ въ

одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ найти общую идею, которая обнимала бы все это разнообразіе. Мы полагаемъ только, что нѣтъ никакого основанія противопоставлять формальное опредѣленіе права матеріальному, и что право должно быть опредѣлено какъ съ матеріальной, такъ и съ формальной стороны.

Среди источниковъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ собою особый характеръ принудительности этихъ нормъ, слѣдуетъ различать какъ основные: психическое сознаніе людей, дающее нормамъ психическую санкцію; опредѣленные внѣшніе политическіе органы, дающіе нормамъ государственную санкцію, и общество въ цѣломъ, обосновывающее коллективную общественную санкцію нормъ.

Два первые источника, въ своемъ отвлеченіи дающіе начало двумъ противоположнымъ формальнымъ теоріямъ права, психологической и государственной, синтетически объединяются въ третьемъ, такъ какъ общество, съ одной стороны, есть особая форма психического коллективного синтеза, съ другой стороны, оно дѣйствуетъ чрезъ опредѣленные внѣшніе органы, которыми по преимуществу являются органы государственные.

I.

Наиболѣе обычно опредѣленіе права по формальному признаку организованнаго государственнаго принужденія. Право имѣетъ своимъ источникомъ силу общественнаго принужденія, поскольку оно находитъ свое выраженіе въ волѣ органовъ государственной власти. Правовыя нормы суть тѣ нормы, которыя изданы или признаны государственной властью. Гдѣ нѣтъ организованной государственной власти, тамъ нѣтъ и права. „Право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ“, таково, по мнѣнію Іеринга, ходячее опредѣленіе права, съ которымъ онъ вполне согласенъ (*Zweck im Recht*, I, 320) и которое принимается очень многими юристами.

Рѣдко однако кто изъ нихъ обнаружилъ въ этомъ отношеніи такую послѣдовательность, какъ Шершеневичъ, упорно отстаивающій эту теорію во всѣхъ своихъ работахъ и въ послѣдней, *Общей теоріи права* (1911). Нормы права — это повелительные приказы, сопровождаемые угрозой на случай ихъ невыполненія. Но „признавая, что нормы поведенія, сопровождаемая угрозой, могутъ исходить изъ различныхъ общественныхъ группъ, мы присваиваемъ названіе правовыхъ только тѣмъ нормамъ, соблюденіе которыхъ предписывается подъ угрозой, исходящей отъ государства“. Для права важно, кто требуетъ соблюденія нормъ. „Если это требованіе исходить отъ высшей власти въ данномъ общественномъ союзѣ, велѣнія которой неспособна отмѣнить никакая иная, стоящая надъ нею, власть, то такія нормы мы называемъ нормами права“. „Нормы права называются дѣйствующими, насколько соблюденіе ихъ требуется государствомъ. По другому взгляду, дѣйствующими нормами слѣдовало бы считать тѣ, которыя признаются въ данный моментъ. Но тогда невозможно было бы провести различіе между правомъ и правовымъ идеаломъ, которое въ данное время отвѣчаетъ воззрѣніямъ общества. Такъ какъ нормы права отличаются отъ другихъ соціальныхъ нормъ тѣмъ, что соблюденіе ихъ поддерживается требованіемъ, исходящимъ отъ государства, то отсюда слѣдуетъ: 1) что внѣ государства нѣтъ права, и 2) что дѣйствіе нормъ права ограничивается предѣлами власти государства“ (стр. 283—4). „Принужденіе, сопровождающее норму права, имѣетъ психическій характеръ и заключается въ возбужденіи мотива, который долженъ склонить къ поведенію, согласному съ нормами, и преодолѣть мотивы, отклоняющіе отъ нормальнаго поведенія. Силою, воздѣйствующею въ этомъ направленіи на волю, является угроза со стороны государственной власти невыгодными послѣдствіями въ случаѣ уклоненія отъ нормы. Для проведенія этой угрозы въ

исполненіе государство создаетъ особые органы“ (стр. 297). Все, что не подходитъ подъ такое опредѣленіе, не есть право, хотя бы оно и носило названіе права: международное, каноническое, конституціонное право называются такъ неправильно (стр. 299—300)¹⁾.

Нельзя отказать этой теоріи какъ въ опредѣленности и точности, такъ и въ послѣдовательности, идущей до конца логическихъ выводовъ изъ разъ принятой точки зрѣнія. Въ данномъ отношеніи Шершеневичъ походитъ на представителя другой формальной теоріи права, Л. Петражицкаго, съ которымъ онъ впрочемъ радикально расходится и рѣзко полемизируетъ. Оба они прямолинейно развиваютъ свои теоріи, нисколько не считаясь съ обычнымъ словоупотребленіемъ и дѣйствительнымъ объемомъ права, одинъ безгранично расширяя сферу права, другой чрезвычайно ее суживая.

Выбрасывая за бортъ права конституціонное, каноническое и международное право, Шершеневичъ не считается

1) Повидимому, Соловьеву тоже право представлялось въ необходимомъ соединеніи съ государствомъ. Будучи принудительнымъ, оно требуетъ для своей реализаціи властнаго политическаго союза. „Общество человѣческое должно представлять извѣстный порядокъ, порядокъ этотъ долженъ быть справедливымъ, справедливость есть осуществленіе всѣхъ правъ, права же опредѣляются закономъ, который для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, долженъ обладать силой, т. е. всѣми средствами для своего осуществленія; такой обладающій силой законъ называется властью. Общество, представляющее такой законодательный и властный порядокъ, есть государство или политическій союзъ“ (II, 132). Отличительнымъ признакомъ положительнаго права (закона) Соловьевъ считалъ, кромѣ публичности и конкретности, реальную примѣнимость, обеспечиваемую „санкціей“, т. е. угрозой принудительными и карательными мѣрами. „Чтобы эта санкція не оставалась пустою угрозой, законъ долженъ опираться на дѣйствительную силу, достаточную для проведенія его въ исполненіе во всякомъ случаѣ. Другими словами, право должно имѣть въ обществѣ дѣйствительныхъ носителей или представителей, достаточно могущественныхъ для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимыя сужденія могли имѣть силу принудительную. Такое реальное представительство права или такая дѣеспособная законность называется властью“ (VII, 393—4). Государство есть какъ бы воплощенное право, такъ какъ только въ государствѣ право находитъ всѣ условія для своего дѣйствительнаго осуществленія (VII, 395).

съ обычной точкой зрѣнія и чрезвычайно ограничиваетъ понятіе права. И притомъ совершенно произвольно. Правовыя нормы суть нормы, обладающія извѣстными свойствами; если окажутся нормы, съ такими же свойствами, но не являющіяся велѣніями государственной власти, то почему же онѣ должны быть изъяты изъ области права? Прикрѣпленіе ихъ къ государственной власти вполнѣ произвольно. Съ такимъ же успѣхомъ можно было бы утверждать, что нормы права суть тѣ нормы, которыя требуютъ русской государственной властью, и объявить не правовыми нормы французскаго, англійскаго и т. п. права. Для понятія права важны опредѣленные свойства правовыхъ нормъ, и гдѣ эти опредѣленные свойства находятся, тамъ и право; если въ правовыхъ нормахъ Шершеневичъ находитъ повелительный характеръ, сопровождаемый психическимъ принужденіемъ подъ угрозой организованнаго внѣшняго воздѣйствія, и этотъ характеръ считаетъ для права существеннымъ (въ чемъ мы съ нимъ вполнѣ согласны), то онъ и долженъ признавать правовыми всѣ тѣ нормы, гдѣ находится указанный признакъ. Произвольное же прикрѣпленіе правовыхъ нормъ къ велѣніямъ государственной власти приводитъ его къ выводамъ, которые едва ли будутъ приняты юристами. Мы не говоримъ уже о томъ, что даже въ области внутренне-государственнаго права (административнаго и гражданскаго, — единственныхъ, которыя признаются Шершеневичемъ), его опредѣленіе преувеличиваетъ значеніе закона и совершенно не въ состояніи объяснить дѣйствіе обычнаго права, которое, пожалуй, тоже можетъ оказаться за предѣлами права.

Государственная теорія права имѣетъ одинъ основной недостатокъ, — она расходится съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что въ каждомъ общественномъ союзѣ, а не только въ государствѣ, имѣется право: *ubi societas, ibi jus*.

Но государственная теорія права безусловно вѣрна въ одномъ отношеніи: нормы права принудительны. Въ по-

слѣднее время въ теоретической юриспруденціи, въ противоположность обычному и испоконъ вѣковъ традиціонному воззрѣнію, начало пробиваться и получать широкое распространѣніе мнѣніе, отвергающее принудительность, какъ необходимый признакъ права. Принужденіе въ правѣ отвергаютъ и Бирлингъ, и Коркуновъ, и Петражицкій, и Трубецкой, и Дюги (*L'Etat*, I, 106—127), хотя они и исходятъ въ этомъ отрицаніи изъ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія¹⁾.

Мы полагаемъ, что отвергнуть принудительный характеръ юридическихъ нормъ значитъ растворить право въ общественныхъ привычкахъ, нравахъ, правилахъ приличія и т. п. Та минимальная реализація добра, которая дается правомъ, не факультативна, не зависитъ отъ свободного усмотрѣнія и признанія лица, а обязательна и гарантируется принужденіемъ. „Право по самому существу своему, — совершенно правильно писалъ Штаммлеръ, — стремится обладать силою принудительнаго велѣнія, не взирая на волю и согласіе тѣхъ, отъ кого оно требуетъ себѣ повиновенія. Что именно такое требованіе предъявляется отъ лица права, это фактъ, засвидѣтельствованный исторіей. Слѣдовательно, выступающее съ такими претензіями историческое право не можетъ опираться на фактическое согласіе или признаніе. Понятіе права не можетъ быть выяснено въ своихъ характерныхъ особенностяхъ и не можетъ быть отграничено отъ понятія произвольно осуществляемой власти путемъ указанія на то, что оно признается подчиненными ему лицами. Можно думать, что общественныя отношенія измѣняются къ лучшему, когда социальный строй будетъ пользоваться признаніемъ со стороны всѣхъ или возможно большаго числа членовъ даннаго общества; но бу-

1) Такое же отрицательное отношеніе къ принудительному характеру юридическихъ нормъ находимъ мы и въ недавно появившемся изслѣдованіи А. Л. Байкова, *Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права*, Ярославль, 1912, стр. 220—221.

дучи організаціей правового регулюванія, онъ утверждаетъ свое значеніе совершенно независимо отъ этого признанія: въ своихъ притязаніяхъ на значимость онъ исходитъ не изъ фактическаго согласія управляемыхъ. „Кто предполагаетъ право лишь тамъ, гдѣ право опирается на фактическое признаніе его тѣми, на кого простирается власть права, тотъ отрицаетъ исторически данное понятіе права и его дѣйствительное притязаніе на принудительную значимость, а вовсе не дѣлаетъ его логически понятнымъ и нисколько не опредѣляетъ его“¹⁾. То же писалъ и Соловьевъ: „Понятіе права по самой своей природѣ заключаетъ въ себѣ элементъ объективный или требованіе реализаціи: необходимо, чтобы право всегда имѣло силу осуществиться, т. е. чтобы свобода другихъ, независимо отъ моего субъективнаго ея признанія, или отъ моей личной справедливости, всегда могла на дѣлѣ ограничивать мою свободу въ равныхъ предѣлахъ со всѣми“ (VII, 386 и 514).

Право есть дѣйствительная, реальная сила и требуетъ ненарушимости устанавливаемого имъ порядка. Конечно, не всякая сила есть право и не всякая власть носитъ правовой характеръ, но всякое дѣйствительное право есть сила и должно обладать властью. Никакой правомѣрный порядокъ не возможенъ безъ организованной и принудительной власти. Отвергнуть это значитъ вполнѣ войти въ атмосферу утопическихъ анархическихъ ученій, представляющихъ возможность правового порядка безъ власти и принужденія. Однако и они признаютъ, что общество должно состоять изъ множества мелкихъ самоуправляющихся общинъ. Но такія

1) Этому мнѣнію Штаммлеръ остался вѣренъ и въ своей послѣдней работѣ *Theorie der Rechtswissenschaft*, Halle, 1911, въ которой онъ опредѣляетъ право, какъ „неотмѣнно и самовластно связывающее хотѣніе“ (*das unverletzbar selbstherrlich verbindende Wollen*); см. стр. 98—74, 90—95, 101—105, 109—113.

общины тоже должны быть организованы внутри, что невозможно без принудительной власти.

Вопросъ о принужденіи слишкомъ важенъ для понятія права, чтобы его можно было обойти или рѣшить безъ серьезнаго разсмотрѣнія тѣхъ возраженій, которыя приводятся обыкновенно противъ принудительнаго характера юридическихъ нормъ.

Прежде всего надо устранить, какъ не требующія особаго разсмотрѣнія, возраженія чисто софистическаго характера, которыми, къ сожалѣнію, часто злоупотребляютъ. Таковымъ надо считать часто примѣняемые Петражицкимъ въ его критикѣ теоріи принужденія указанія на допускаемую будто бы этой теоріей логическую ошибку *definitio per idem* и на мнимую необходимость въ этомъ случаѣ безконечнаго числа нормъ, санкционирующихъ одна другую (Теорія права, стр. 265—7, 273, 534). Это совершенно не вѣрно. Во внесеніи въ юридическія нормы момента принудительности никакой *definitio per idem* нѣтъ, такъ какъ понятіе политической власти есть понятіе самостоятельное по отношенію къ праву и болѣе широкое, чѣмъ право. Такъ можно было бы отвергнуть, ссылкой на *definitio per idem*, любое опредѣленіе. И если мы, напр., скажемъ, что сынъ — это чловѣкъ, находящійся къ другому чловѣку, отцу, въ отношеніи физическаго происхожденія, то окажется, что мы совершаемъ логическую ошибку *definitio per idem*, такъ какъ мы внесли понятіе другого чловѣка, отца, въ опредѣленіе котораго входитъ тотъ признакъ, что отъ него родился сынъ! Точно также никакой безконечности другъ друга санкционирующихъ нормъ опредѣленіе права, какъ принудительнаго регулированія, не требуетъ. Всякая юридическая норма предполагаетъ принужденіе со стороны политической власти. Петражицкій ставитъ вопросъ о правомѣрности самой власти. Но эта правомѣрность опредѣляется данной государственной, общественной, международной, церковной и т. д. консти-

туціей, — понимая эту послѣднюю въ широкомъ смыслѣ организованнаго порядка, устройства, — независимо отъ того, каково происхожденіе самой конституціи, и безъ возможности юридически поднимать вопросъ объ ея правомѣрности. Ставить вопросъ о правомѣрности самой конституціи или выражающей ее политической власти значитъ выходить изъ области права въ сферу нравственныхъ оцѣнокъ или соціологической критики. Правовой строй предполагаетъ, что существуетъ въ обществѣ высшая организованная власть, которая окончательно и безъ возможности дальнѣйшихъ юридическихъ апелляцій рѣшаетъ вопросъ, что право и что не-право; иначе нужно признать, что каждый имѣетъ право самостоятельно рѣшать вопросъ о правѣ.

Противъ принудительнаго характера юридическихъ нормъ можетъ быть выставлено и обыкновенно выставляется три основныхъ и дѣйствительныхъ возраженія: 1) сплошь и рядомъ юридическія нормы примѣняются безъ физическаго принужденія (такъ можно вообразить себѣ общество праведниковъ, въ которомъ право дѣйствовало бы безъ принужденія), принужденіе поэтому не необходимый признакъ юридическихъ нормъ; 2) есть юридическія нормы, къ которымъ и не можетъ быть примѣнено физическое принужденіе, именно нормы конституціоннаго и международнаго права; слѣдовательно, принужденіе и не всеобщій признакъ юридическихъ нормъ; 3) существуетъ, наконецъ, цѣлая область нормъ, какъ частнаго, такъ и публичнаго права, требующихъ отъ людей совершенія опредѣленныхъ положительныхъ дѣйствій, гдѣ не можетъ быть примѣнено непосредственно физическое принужденіе и гдѣ это послѣднее замѣняется психическимъ принужденіемъ въ видѣ угрозы наказаніемъ; психическое же принужденіе свойственно и другимъ нормамъ, — религіознымъ, нравственнымъ и бытовымъ.

Всѣ эти возраженія покоятся на произвольномъ предположеніи, что разъ принужденіе объявляется существен-

нымъ признакомъ права, то оно разумѣтся всегда въ дѣйствительности осуществляющимся. Юридическія нормы суть лишь общія правила, регулируюція общественный порядокъ; какъ всякія нормы, онѣ лишь потенциально принудительны, и отличаются отъ всѣхъ другихъ нормъ тѣмъ, что эта потенциальность имѣетъ въ виду внѣшнее, т. е. физическое, принужденіе.

Принужденіе разумѣтся внѣшнее, т. е. требующее опредѣленнаго внѣшняго поведенія и примѣняющее для достиженія этого результата средства физическаго воздѣйствія. Но, разумѣтся, вовсе нѣтъ необходимости, чтобы принужденіе это всегда осуществлялось путемъ примѣненія средствъ внѣшняго воздѣйствія на людей. Это есть послѣдняя мѣра для того, чтобы дать реальную жизнь данной нормѣ, и до примѣненія внѣшняго воздѣйствія ожидается благопріятный результатъ отъ чисто внутренняго, психическаго воздѣйствія. Такъ, прежде чѣмъ произвести какое-нибудь дѣйствіе тапу *militari*, власть предлагаетъ добровольно подчиниться своему требованію. Принужденіе разумѣтся не какъ всегда дѣйствующее, актуальное, а какъ осуществляющееся лишь въ случаѣ не выполненія добровольно юридической нормы, какъ всегда подразумевающееся, возможное, потенциальное.

Юридическія нормы потенциально внѣшне-принудительны и въ тѣхъ случаяхъ, когда на первый планъ выступаетъ въ нихъ психическое принужденіе. И тогда, когда эти нормы предписываютъ совершеніе какихъ-нибудь дѣйствій, онѣ охраняются внѣшнимъ принужденіемъ, хотя это послѣднее въ этихъ случаяхъ и отступаетъ, такъ сказать, на второй планъ. Въ первой степени выступаетъ психическое принужденіе угрозою внѣшняго воздѣйствія путемъ наказанія; если же этого психическаго принужденія окажется недостаточно, тогда приводится въ дѣйствіе санкція, влекущая за собою внѣшнее принужденіе. Въ этомъ коренное отличіе психическаго принужденія въ правѣ отъ психи-

ческаго принужденія при другихъ нормахъ; эти послѣдствія не имѣютъ слѣдующаго за психическимъ принужденіемъ, въ случаѣ его недостаточности, организованнаго внѣшняго принужденія.

Совершенно неправильна поэтому критика теорій принужденія указаніемъ на двусмысленность понятія принужденія, то какъ физическаго, которое не всегда примѣняется и не всегда можетъ примѣняться въ правѣ, то какъ психическаго, которое простирается и не только на право. Въ правѣ вовсе не разумѣется то одно принужденіе, то другое, а всегда имѣется въ виду такое психическое принужденіе, которое въ случаѣ своей недостаточности и недействительности дополняется физическимъ принужденіемъ или прямымъ, при насильственномъ осуществленіи права, или косвеннымъ, при примѣненіи карательной санкціи.

Нормы юридическія — принудительны въ томъ смыслѣ, что выполненіе ихъ гарантировано однимъ изъ видовъ санкцій (запретительныхъ, возстановительныхъ, исправительныхъ и репрессивныхъ); онѣ принудительны не только въ томъ смыслѣ, что ихъ невыполненіе влечетъ за собою непріятныя послѣдствія для нарушающаго ихъ, но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что эти послѣдствія имѣютъ тенденцію возрастать до того момента, когда нарушающій станетъ подчиняться нормѣ. Не-юридическія, бытовія нормы могутъ каждымъ быть окончательно отвергнуты, такъ сказать отмѣнены, съ принятіемъ на себѣ тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, которыя отъ этого возникнутъ. Я перестану привѣтствовать своихъ знакомыхъ, они прервутъ свое со мной знакомство, — и только; я буду ходить по улицамъ безъ шляпы, прохожіе будутъ останавливаться и смотрѣть, — и только. Если я принимаю эти послѣдствія, эти нормы для меня отмѣнены. Но если я нарушаю какую-нибудь норму приличія, которая въ интересахъ поддержанія добрыхъ нравовъ объявлена юридической и имѣетъ юридическую санкцію, на примѣръ,

начну ходить по улицѣ не безъ шляпы, а безъ другихъ принадлежностей костюма, считаемыхъ и правомъ необходимыми, то полиція составитъ протоколъ и мировой судья наложитъ наказаніе, но нельзя сказать, что этимъ дѣло исчерпывается, и я могу продолжать ходить въ прежнемъ видѣ, и что норма для меня не существуетъ; если я повторю мое дѣйствіе, то наказаніе мнѣ будетъ сугубое, и санкція юридическая не перестанетъ дѣйствовать неотмѣнно, пока я не подчинюсь нормѣ. Въ этомъ именно смыслѣ и принудительна юридическая норма: отъ меня не зависитъ выбрать непріятныя послѣдствія нарушенія и отмѣнить для себя норму; непріятныя послѣдствія будутъ, а норма сохранить свою обязательность. Разница, какъ видимъ, глубокая.

Во внѣшнемъ принужденіи заключается и специфическій признакъ, отличающій право отъ нравственности, хотя право и тѣсно связано съ нравственностью. Чистая нравственность, находящаяся за предѣлами того своего минимума, который получаетъ принудительное осуществленіе въ правѣ, предполагаетъ свободное и добровольное исполненіе, такъ какъ она имѣетъ въ виду нравственное совершенство, какъ внутреннее состояніе; право же, представляющее внѣшнее осуществленіе опредѣленного порядка, предполагаетъ внѣшнее, прямое или косвенное, принужденіе.

II.

Такъ какъ источникомъ права, какъ и всякаго вообще соціального образованія, является прежде всего психическое сознаніе людей, составляющихъ общество, то, повидимому, естественно искать специфическій формальный признакъ права въ своеобразныхъ психическихъ переживаніяхъ, соединенныхъ съ правовыми явленіями. Эта мысль лежитъ въ основаніи психологическихъ теорій права.

Правда, въ настоящее время едва ли найдется хоть одна заслуживающая разсмотрѣнія теорія права, которая не

принимала бы во вниманіе психическаго момента въ правѣ, но психологическія теоріи права въ тѣсномъ смыслѣ склонны этотъ психическій моментъ выдѣлять, какъ единственно-опредѣляющій природу права съ его формальной стороны. Одно время значительное вниманіе привлекла къ себѣ въ теоретической юриспруденціи психологическая теорія Бирлинга (*Juristische Prinzipienlehre*, т. I въ 1894 г. и ранѣе того въ *Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe*, 1877). Бирлингъ, видоизмѣнивши нормативную теорію Биндинга и Тона, конститутивный моментъ права нашелъ въ признаніи членами общества за извѣстными нормами характера правилъ ихъ совмѣстной жизни. „Право, въ юридическомъ смыслѣ, есть все то, что люди, принадлежащіе къ опредѣленной общественной группѣ, признаютъ въ качествѣ правилъ совмѣстной жизни для всѣхъ принадлежащихъ къ этой группѣ“. Всякій государственный законъ постольку имѣетъ силы, поскольку онъ признанъ членами государства въ качествѣ общей связывающей нормы. У Бирлинга можно уже найти нѣкоторыя идеи чисто-психологической теоріи права, отрицающей реальное внѣ насъ существованіе объективнаго права и сводящей право лишь къ субъективнымъ психологическимъ переживаніямъ.

Но впервые въ законченную и послѣдовательную систему психологическое воззрѣніе на право возведено было Л. Петражицкимъ, изложившимъ свою теорію въ двухтомной Теоріи права и Государства и во введеніи въ эту теорію, въ Основахъ эмоціональной психологін¹⁾.

1) Теорія Петражицкаго, благодаря новизнѣ и оригинальности основного замысла и послѣдовательности проведенія исходной идеи, вызвала обширную критическую литературу, съ самымъ разнообразнымъ къ себѣ отношеніемъ, начиная отъ рѣзкаго осужденія до полного признанія. Уже опубликованіе Петражицкимъ Очерковъ философіи права (1900), въ которыхъ была высказана основная идея теоріи, вызвало тотчасъ же три основательныя критическія статьи: вполнѣ отрицательную Чичерина, Психологическая теорія права (Вопр.

Петражицкій исходить изъ того воззрѣнія, что современное состояніе основныхъ понятій науки о правѣ не-

фил. и псих., кн. 55, 1900 г.), болѣе сочувственную, хотя и представляющую серьезныя возраженія, кн. Е. Трубецкаго, Философія права профессора Л. І. Петражицкаго (Вопр. фил. и псих., кн. 57, 1901 г.), и отрицательную Н. Палиенко, Новая психологическая теорія права и понятие права (Временникъ Демидовскаго Юрид. лицея, кн. 82, 1901 г.). Палиенко снова отрицательно разобралъ теорію въ своемъ изслѣдованіи Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства, Харьковъ, 1908, стр. 139—145, 202—226, 270—280. [Критика Палиенко вызвала полемику, — мало впрочемъ заслуживающую вниманія, — со сторонникомъ теоріи Петражицкаго П. Михайловымъ: П. Михайловъ, Споръ психологической теоріи права съ теоріей внѣшнихъ императивовъ (Contra критика проф. Н. И. Палиенко) (Право, 1910 № 12); Палиенко, Объ одной защитѣ эмоціональной теоріи права (Право, 1910, № 12); Михайловъ, Споръ „психологической теоріи права“ съ теоріей внѣшнихъ императивовъ (Отвѣтъ проф. Палиенко) (Право, 1910, № 30), и его же, Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи, Спб. 1910. Сюда же должна быть отнесена брошюра Г. А. Иванова, Новая теорія права и нравственности, ея критика и монистическое пониманіе этики, Спб. 1912, берущая на себя защиту теоріи Петражицкаго. Дембскій, Философіи права и нравственности проф. Л. І. Петражицкаго, СПб., 1909.] Очень отрицательно къ теоріи Петражицкаго отнеслись: В. Хвостовъ, Ученіе проф. Петражицкаго о правѣ и нравственности (Этюды по современной этикѣ, М. 1908, стр. 178—207) и Г. Шершеневичъ, Общая теорія права, 1911, стр. 333—344. Мало значенія для выясненія достоинствъ или недостатковъ психологической теоріи права имѣетъ полемика, не лишенная рѣзкаго тона, Сергѣевича съ Петражицкимъ, въ которой Сергѣевичъ обращалъ вниманіе лишь на детали и мелочи теоріи и не обсуждалъ ее по существу: В. Сергѣевичъ, Новое ученіе о правѣ и нравственности (Жур. Мин. Юст., 1909, № 2); Петражицкій, Критика моего „Введенія въ изученіе права и нравственности“ (Жур. Мин. Юст., 1909, № 9); В. Сергѣевичъ, Мой отвѣтъ г. Петражицкому (Жур. Мин. Юст. 1910, № 2); Петражицкій, Объясненіе проф. Сергѣевича по поводу его критики „Введенія въ изученіе права и нравственности“ (Право, 1910, № 32—33). Сочувственно отнеслись къ теоріи Петражицкаго: М. Ковалевскій, Мораль и право. По поводу новаго сочиненія проф. Петражицкаго (Русскія Вѣдомости, 1907 г. № 235) и М. Рейснеръ, Теорія Петражицкаго, марксизмъ и

удовлетворительно и что прежде построения правильной теории права и нравственности необходима критическая по-
вѣрка нынѣшнихъ пріемовъ познанія и выработка новой пра-
вовой методологии. Онъ считаетъ, что уже въ вопросѣ о
сферѣ нахожденія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ со-
временная наука права находится въ коренномъ заблужде-
ніи. За реально существующее ошибочно принимается то,
что только представляется, какъ существующее во внѣшнемъ
мірѣ, переживающимъ психическій процессъ, между тѣмъ
какъ истинная реальность находится лишь въ психикѣ самого
переживающаго. Правоотношенія не находятся гдѣ-нибудь
въ пространствѣ. Правовыя явленія состоятъ въ своеобразныхъ
психическихъ процессахъ, выражающихся въ приписываніи
разнымъ представляемымъ существамъ ихъ обязанностей и
правъ, такъ что кажется, будто эти существа находятся въ
особыхъ отношеніяхъ связанности. Такъ какъ правовыя явле-
нія происходятъ лишь въ сознаніи того, кто въ данный моментъ

соціальная идеологія, СПб. 1908. Критикъ (отрицательной) гно-
сеологическихъ и психологическихъ предпосылокъ теории Петражицкаго
посвящены цѣнныя статьи: В. Гинцберга, Ученіе Л. І. Петражицкаго
о правѣ и его предпосылки (Вопр. фил. и псих., кн. 97,
1909 г.) и Р. Орженецкаго, Теорія права и государства проф.
Петражицкаго (Вопр. фил. и псих., кн. 91, 1908 г.). Этому же во-
просу посвящена и брошюра В. Поппе, Критика методологиче-
скихъ основъ теорій права и нравственности проф. Л.
І. Петражицкаго, СПб. 1912 (вполнѣ отрицательна). Быть можетъ,
наиболѣе безпристрастное къ себѣ отношеніе и болѣе справедливую
оцѣнку теорія Петражицкаго нашла у Б. Кистяковского, Реальность
объективнаго права (Логосъ, 1911, вып. II). Новаго сторон-
ника приобрѣлъ себѣ Петражицкій въ лицѣ А. Байкова въ его послѣд-
немъ изслѣдованіи, Междувластныя и властныя отношенія
въ теоріи права, Ярославль, 1912 (Критическія замѣчанія относи-
тельно различія Петражицкимъ права и нравственности, см. стр.
204—230). Теорія Петражицкаго оказала вліяніе и на послѣднюю книгу
strasбургскаго профессора Юнга, *Das Problem des natürlichen
Rechts*, Leipzig, 1912. Юнгъ различаетъ право и нравственность, при-
ближаясь къ Петражицкому и даже ссылаясь на его различіе, данное
въ нѣмецкомъ переводѣ книги О мотивахъ человѣческихъ
поступковъ.

переживаетъ сужденія, приписывающія права и обязанности, то единственно возможный методъ интроспективный, — простое или экспериментальное самонаблюденіе, соединенное съ внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіемъ.

Господствующее въ современной психологіи трехчленное дѣленіе психическихъ элементовъ на познаніе, чувства и волю представляется Петражицкому неудовлетворительнымъ. Это все одностороннія переживанія: познаніе и чувства односторонне пассивны, воля односторонне активна. Но въ психикѣ людей имѣются и двустороннія, активно-пассивныя переживанія, каковы, напр., голодъ, жажда, половое возбужденіе и т. д. Эти переживанія, называемыя Петражицкимъ импульсіями или эмоціями, дѣйствуютъ то отталкивающимъ, то подталкивающимъ образомъ и играютъ роль руководящихъ психическихъ факторовъ въ приспособленіи къ условіямъ жизни. Существуетъ два класса эмоцій: спеціальныя эмоціи, какъ голодъ, жажда, имѣющія спеціальныя акціи, т. е. вызываемыя эмоціями системы тѣлодвиженій и иныхъ фізіологическихъ и психическихъ процессовъ, и бланкетныя эмоціи, не предопредѣляющія не только частностей, но и общаго характера и направленія акцій.

„Существованіе и дѣйствіе въ нашей психикѣ, репульсивныхъ или аппульсивныхъ, эмоцій проявляется между прочимъ, въ формѣ сужденій отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, не какъ средство для извѣстной цѣли, а само по себѣ, напр., „ложь постыдна“, „не слѣдуетъ лгать“, „слѣдуетъ говорить правду“ и т. п. Сужденія, въ основѣ которыхъ лежатъ такія сочетанія акціонныхъ представленій и репульсій или аппульсій, мы называемъ . . . нормативными сужденіями, а ихъ содержанія . . . нормами (I, 20—21). „Не что иное, какъ продукты эмоціональной проекціи, эмоціональныя фантазмы представляютъ и тѣ категорическія велѣнія съ высшимъ авторитетомъ, которыя въ случаѣ этическихъ переживаній представляются объективно суще-

ствующими и обращенными къ тѣмъ или инымъ субъектамъ“. „Реально существуютъ только переживанія этическихъ моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія . . . въ силу же эмоціональной проекціи переживающему такіе процессы кажется, что гдѣ то, какъ бы въ высшемъ пространствѣ надъ людьми, имѣется и царствуетъ соотвѣтственное категорическое и строгое велѣніе или запрещеніе, напр. запретъ лжи, а тѣ, къ коимъ такіа велѣнія и запрещенія представляются обращенными, находятся въ особомъ состояніи связанности, обязанности“ (I, 41—42). „Реальными феноменами являются здѣсь именно эти переживанія, сочетанія императивно-атрибутивныхъ эмоцій съ указанными выше интеллектуальными элементами, а не кажущіеся субъекту находящимися: гдѣ-то въ высшихъ сферахъ — нормы, у однихъ представляемыхъ субъектовъ — обязанности, у другихъ представляемыхъ субъектовъ — права. Сколько бы мы ни старались отыскать что-либо реальное, физическое или психическое, соотвѣтствующее этимъ проекціямъ, въ частности, напр., какъ бы ни старались найти у тѣхъ, которымъ мы приписываемъ права, что-либо соотвѣтственное реальное, наши поиски неизбѣжно оказались бы безуспѣшными“ (I, 84).

Для обоснованія своей теоріи права Петражицкій считаетъ нужнымъ выработать новое психологическое ученіе. Мы полагаемъ, что его основныя правовыя воззрѣнія, правильны они или нѣтъ, ни въ какомъ необходимомъ соотношеніи съ его эмоціональной психологіей не находятся и ихъ правильность или ошибочность нисколько не зависитъ отъ правильности или ошибочности самой психологической теоріи. Это тѣмъ болѣе важно подчеркнуть съ самого начала, что наиболѣе уязвимымъ пунктомъ во всей системѣ Петражицкаго, послѣ его логической теоріи образованія понятій, является, по нашему мнѣнію и мнѣнію большинства критиковъ этой теоріи, его ученіе объ эмоціяхъ, какъ само-

стоятельныхъ элементахъ психической жизни. Многими указывалось, и совершенно правильно, что познаніе, чувство и воля, которымъ Петражицкій готовъ противопоставить, какъ нѣчто самостоятельное, эмоціи, суть лишь теоретическіе элементы, абстракціи отъ сложной, самой по себѣ, психической дѣятельности; то же, что Петражицкій называетъ двусторонними переживаніями эмоцій, есть лишь новое, и не совсѣмъ удачное, названіе для всего психологическаго процесса, какъ переживанія единаго и нераздѣльнаго; то, что Петражицкій называетъ эмоціями, легко разлагается на пассивный элементъ — чувства и активный — волевые акты. Но мы полагаемъ, что нѣтъ надобности углубляться въ разсмотрѣніе этого вопроса объ эмоціяхъ, такъ какъ судьба психологической теоріи нисколько не связана съ судьбою эмоціональной психологіи, и обсужденіе ея, быть можетъ, очень интересно съ обще-психологической точки зрѣнія, но не имѣетъ прямого отношенія къ выясненію природы права.

Что дѣйствительно важно и имѣетъ жизненное значеніе для всей теоріи права Петражицкаго, это его логическія и методологическія предпосылки. Мы даже склонны считать основнымъ, роковымъ органическимъ порокомъ всей системы Петражицкаго его неудачную новую логическую доктрину созданія адекватныхъ теорій.

Петражицкій находитъ, что неправильны обычные приемы образованія общихъ понятій права и вообще всякихъ общихъ понятій. Онъ не считаетъ правильными ни идеалистической теоріи образованія апріорныхъ понятій, ни индуктивной логики; по его мнѣнію всякое общее понятіе должно правильно образовываться по слѣдующему простому принципу: „все, что имѣетъ признакъ А, относится къ классу А“; поэтому достаточно одного наблюденія и любого признака, чтобы построить на этомъ признакѣ цѣлый классъ явленій или предметовъ, обладающихъ этимъ признакомъ. Такое опредѣленіе будетъ относиться ко всѣмъ объектамъ съ уста-

новленнымъ признакомъ, и въ то же время оно будетъ адекватнымъ, т. е. будетъ не только касаться всѣхъ относящихся къ нему явленій, но и обратно, не выходить за предѣлы изслѣдуемыхъ явленій. Но въ такомъ случаѣ, — возникаетъ возраженіе, — возможны общія опредѣленія и построенныя на нихъ теоріи о чемъ угодно, хотя бы о сигарахъ въ 10 лотовъ вѣсомъ. Петражицкій считается съ такой возможностью, но полагаетъ, что научныя теоріи отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что онѣ относятся къ обширнымъ классамъ явленій. Но, — спрашивается, — какъ же найти и образовать такіе обширные классы явленій? Это возможно или случайно, наудачу, — каковой способъ никакъ оправданъ быть не можетъ, — или какъ выводъ изъ сгруппированныхъ по особымъ принципамъ наблюдений; но этихъ то принциповъ Петражицкій, отвергнувши и идеалистическую и индуктивную логику, и не даетъ. Здѣсь именно и сказывается исходный слабый пунктъ всей теоріи Петражицкаго. Ему чуждо пониманіе познанія, какъ синтеза изъ опытныхъ воспріятій и формъ нашего мышленія; любое представленіе, любой признакъ даетъ ему основаніе для образованія научнаго понятія, и все въ сущности разсыпается въ хаосъ.

Эта логическая теорія имѣетъ въ дальнѣйшемъ очень важные и пагубные результаты. Мнѣніе, напр., Петражицкаго о негодности права въ юридическомъ смыслѣ въ качествѣ базиса для построенія научной теоріи права, такъ какъ будто бы это понятіе есть эклектическая группа (I, 243) не дающая адекватной теоріи, объясняется именно его неправильной теоріей построенія общихъ понятій.

Эти немногія наши замѣчанія относятся къ предпосылкамъ теоріи права Петражицкаго.

Что касается самой психологической теоріи права, то возраженіе вызываетъ противъ себя прежде всего основная исходная идея, сводящая психологическое изученіе общественныхъ явленій къ изученію самой психологіи, между

тѣмъ какъ оно должно было бы только изучать объективныя, во внѣшнемъ мірѣ существующія реальныя явленія, какъ продукты психической дѣятельности. Теорія права Петражицкаго является „психологической“ не потому, что она считаетъ право явленіемъ человѣческой психики. Съ этой точки зрѣнія едвали была когда-нибудь теорія права, которая не была бы психологической. Почти всѣ явленія общественной жизни суть явленія психологическія; и наука, и государство, и экономика, и нравственность, и право не имѣютъ реального, предметнаго существованія внѣ человѣческихъ переживаній. Психологичность Петражицкаго заключается въ томъ, что онъ своеобразную специфическую природу права хочетъ понять не черезъ изученіе права, какъ обьективированнаго явленія, а черезъ чисто психологическое изученіе тѣхъ психическихъ переживаній, которыя соединяются у человѣка въ связи съ правовыми явленіями. Методъ не объективный, а субъективный. Право изучается не какъ объективное явленіе общественной жизни, а какъ чисто психическое явленіе.

Это произвольный и не научный методъ. Такъ можно и всякую науку изучать не въ ея законахъ, а въ своеобразныхъ психическихъ переживаніяхъ, связанныхъ съ научными явленіями. Ставъ въ изученіи природы права исключительно на точку зрѣнія эмпирической психологіи, можно отъ изученія этическихъ эмоцій и нравственныхъ моторныхъ импульсовъ притти къ фізіологическому изученію тѣхъ частей мозга, гдѣ могутъ, по предположенію, сосредоточиваться эти эмоціи и импульсы, и создать „фізіологическую теорію права“ (право — психологическое явленіе; психологическое явленіе — фізіологическое явленіе).

Психологическая теорія источникъ явленія смѣшиваетъ съ самимъ явленіемъ. Дѣйствія людей есть нѣчто осуществляемое во внѣшнемъ мірѣ, хотя источники ихъ и находятся въ субъективномъ, психическомъ мірѣ людей. Не

вѣрно, будто во внѣшнемъ мірѣ реально не существуетъ юридическихъ явленій, нѣтъ собственности, власти, договора, государства и т. д., нѣтъ мѣста, гдѣ эти явленія помещаются, ихъ нельзя касаться, видѣть, слышать и т. д., будто есть только психическія переживанія. Конечно, нормъ юридическихъ, правовыхъ абстракцій реально не существуетъ и существовать не можетъ, но существуютъ конкретныя, отдѣльныя юридическія отношенія; существуютъ распоряженіе чловѣка находящеюся у него вещью и уваженіе, непрепятствованіе ему со стороны другихъ; существуютъ соглашенія людей, письменныя или устныя обѣщанія и дѣйствія согласно этимъ обѣщаніямъ; существуютъ лица, приказывающія другимъ, и лица, дѣйствующія согласно этимъ приказаніямъ; имѣются лица, совершающія рядъ дѣйствій для поддержанія порядка, приказывающія, судящія и т. д., и лица имъ повинующіяся. Все это существуетъ вполнѣ реально, во внѣ, въ пространствѣ, можетъ быть увидѣно, услышано и т. д.

Но наука занимается изученіемъ не отдѣльныхъ явленій, а законовъ этихъ явленій, соотношеній сопутствія или послѣдовательности; законы же эти, какъ объекты внѣшняго міра, не существуютъ; они создаются нашимъ разумомъ, они какъ бы имѣютъ свою реальную жизнь въ нашемъ психическомъ мірѣ. И это имѣетъ отношеніе ко всѣмъ наукамъ: и математика, и физика, и біологія, и прикладныя науки изучаютъ общія отношенія явленій, ихъ законы. Изъ этого неправильно дѣлать выводъ, будто надо всѣ эти науки пересоздать и заняться изученіемъ не внѣ насъ лежащихъ, объективныхъ реальностей, а лишь нашего внутренняго міра, нашихъ психическихъ переживаній. Вѣдь и въ физикѣ изучаются законы тяготѣнія, свѣта, электричества и т. д. Въ дѣйствительности имѣются отдѣльные предметы, падающіе на землю, но никто еще не видѣлъ и не касался закона тяготѣнія; какъ бы мы ни искали, мы нигдѣ не найдемъ

реальности, состоящей въ томъ, что скорость тяготѣнія пропорціональна массѣ и обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Неужели же мы должны, чтобы открыть этотъ законъ, оставить изученіе объективныхъ явленій и обратиться къ нашимъ внутреннимъ переживаніямъ, связаннымъ съ явленіями паденія тѣлъ.

Если отказаться отъ всякаго объективнаго изученія и обратиться только къ субъективнымъ переживаніямъ, то, пожалуй, не вѣрно будетъ и утвержденіе, что объектъ теоріи права императивно-атттрибутивныя переживанія людей; вѣдь лица, изучающія эти переживанія, субъективно имѣютъ дѣло лишь съ тѣми психологическими процессами, которые у нихъ возникаютъ при знакомствѣ съ юридическими переживаніями, и тогда нужно построить еще болѣе субъективную и психологическую теорію права, которая изучала бы переживанія атттрибутивно-императивныхъ переживаній. Можно было бы потомъ говорить о переживаніяхъ третьяго порядка и т. д., забратъся въ самые дебри психологическаго анализа.

Но это совершенно безплодно. Психологическія тонкости и абстракціи существуютъ сами по себѣ, а конкретныя и реальныя явленія и предметы, вызывающія эти абстракціи, продолжаютъ свою независимую и объективную жизнь. Нельзя построить міра, даже и юридическаго, спекулятивнымъ („психологическимъ“) методомъ. Мы имѣемъ примѣры спекулятивныхъ философскихъ системъ, запутавшихся въ своихъ панлогическихъ построеніяхъ и рухнувшихъ; юридическая спекулятивность завела Петражицкаго въ дебри фантазмовъ и фикцій, что и неизбежно, если оторваться отъ объективной реальности и слишкомъ увѣрить только въ реальность субъективную.

Соединеніе неправильной исходной точки зрѣнія на задачи психологическаго изученія права съ неправильной логической теоріей образованія понятій и классовъ явленій

приводить Петражицкаго къ чрезмѣрному расширенію правовыхъ явленій и къ крайнему субъективистическому ихъ пониманію. „Наши классы, — говоритъ самъ Петражицкій объ объемѣ даваемого имъ опредѣленія права, — много болѣе обширны, наши классовыя понятія обнимаютъ гораздо больше, чѣмъ то, что юристы признаютъ (называютъ) правомъ. Установленные нынѣ понятія права въ реально-психологическомъ и въ проекціонномъ смыслѣ обнимаютъ всѣ императивно-атрибутивныя переживанія и всѣ соотвѣтственныя проекціи безъ всякихъ изъятій и ограниченій. Въ частности, съ точки зрѣнія этихъ понятій безразлично... основываются ли соотвѣтственныя нормы... на чьихъ либо велѣніяхъ, народныхъ обычаяхъ или иныхъ нормативныхъ фактахъ, или дѣло идетъ о независимыхъ отъ такихъ фактовъ... императивно-атрибутивныхъ переживаніяхъ, а равно безразлично, пользуются ли соотвѣтственныя нормы, признаніемъ со стороны органовъ государственной власти или вообще со стороны органовъ или иныхъ членовъ какого бы то ни было общенія, или они таковымъ признаніемъ не пользуются“ (I, 87).

Петражицкій правильно видитъ въ правѣ императивно-атрибутивныя переживанія. Его конкретный психологическій анализъ отдѣльных видовъ и элементовъ права, государства и власти очень тонокъ. Неправильно однако его расширеніе объема права. Если въ правѣ слѣдуетъ видѣть императивно-атрибутивныя психологическія переживанія, то и изъ этого не слѣдуетъ заключать, что всякія такія переживанія суть право. Изъ того правильнаго положенія, что живопись есть искусство, нельзя, вѣдь, дѣлать заключенія, что всякое искусство есть живопись. Это благодаря неправильной теоріи Петражицкаго объ образованіи понятій. Императивно-атрибутивный характеръ переживаній лишь одна изъ сторонъ права, и ея недостаточно для полной его обрисовки. Нужно найти и другіе признаки права, которые выдѣлили бы его изъ слишкомъ неопредѣленной области, гдѣ

есть и дѣтское и преступное право, и право домовыхъ, покойниковъ, идоловъ и т. д., гдѣ правила приличія, хорошаго тона сливаются въ одну обширную область права. Получается впечатлѣніе, что теорія Петражицкаго не есть непременно теорія права; слово право взято лишь случайно и можетъ быть замѣнено всякимъ другимъ. „Вмѣсто образованія новыхъ именъ, — чистосердечно сознается самъ Петражицкій, — для образованныхъ нами двухъ классовъ этическихъ явленій мы предпочли заимствовать существующія и въ общенародномъ языкѣ (хотя и не въ профессионально-юридическомъ словоупотребленіи), вообще, такъ примѣняемые слова („право“ и „нравственность“), что имѣется приблизительное совпаденіе. Если кто не согласенъ съ избраніемъ въ качествѣ терминовъ этихъ словъ, а считаетъ болѣе подходящими иные какіе либо термины, то возможно обсужденіе этого вопроса; но только слѣдуетъ понимать, что дѣло идетъ о словахъ, а не о существѣ дѣла, не о научной умѣстности и оправданіи образованія соотвѣтственныхъ классовъ и понятій (могущихъ быть безъ измѣненія существа дѣла названными какъ угодно, хотя бы и буквами а и в или цифрами 1 и 2, или остаться безъ всякаго особаго названія)“ (I, 139).

Это и есть самое главное! Теорія права Петражицкаго, по его собственному признанію, есть не теорія права, а теорія императивно-атрибутивныхъ переживаній. Мы тоже полагаемъ, что не слѣдуетъ рабски слѣдовать обычному словоупотребленію, такъ какъ это увлеченіе названіями лишаетъ точности и ясности создаваемая теорія, но мы думаемъ, что именно Петражицкій постарался найти такое опредѣленіе права, подъ которое подошло бы всякое обиходное, будь это самое произвольное, употребленіе слова право — и дѣтское, и любовное, и преступное и т. п. право.

Подвергнувши юридическія явленія психологическому изученію, Петражицкій открылъ, какъ постоянно сопутствующій имъ признакъ, ихъ императивно-атрибутивную двусто-

ронность. Самое важное, самое существенное въ теоріи Петражицкаго есть это утвержденіе двусторонней (повелительно-предоставительной) природы юридическихъ нормъ. Другія двусторонности права, въ родъ соединенія индивидуально-общественныхъ элементовъ, были отмѣчены и разработаны и при прежнихъ точкахъ зрѣнія на право; но только психологическій анализъ юридическихъ нормъ позволилъ вскрыть ихъ постоянную императивно-атттрибутивную природу. Это дало Петражицкому возможность по новому взглянуть на вопросъ о функціяхъ юридическихъ нормъ, на ученіе объ элементахъ правоотношенія, о субъективныхъ правахъ.

Къ сожалѣнію эта психическая двусторонность юридическихъ переживаній понимается Петражицкимъ, соответственно его общему психологическому субъективизму, какъ протекающая въ предѣлахъ индивидуальной психологіи (и именно въ психикѣ обязаннаго). „Правовыя переживанія, въ которыхъ отсутствуютъ атттрибутивныя интеллектуальныя дополненія: представленія субъектовъ права и того, что имъ причитается, — по своему интеллектуальному составу ничѣмъ не отличаются отъ нравственныхъ. Единственное различіе состоитъ въ характерѣ эмоцій, въ атттрибутивной природѣ переживаемаго моторнаго возбужденія“ (I, 81). „Всякое право, всѣ правовыя явленія, представляютъ съ нашей точки зрѣнія чисто и исключительно индивидуальныя явленія, а эвентуальное согласіе и ободреніе со стороны другихъ представляетъ нѣчто постороннее съ точки зрѣнія опредѣленія и изученія природы правовыхъ явленій, никакого отношенія къ дѣлу не имѣющее. Это неизбежно вытекаетъ изъ психологической точки зрѣнія на право. Всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ одного индивида и только тамъ, и его природа не измѣняется отъ того, происходитъ ли что-либо иное гдѣ-либо, между индивидами, надъ нами, въ психикѣ другихъ индивидовъ, или нѣтъ, существуютъ ли другіе индивиды или нѣтъ, и проч. И такія

императивно-аттрибутивные переживанія и ихъ проекціи, нормы и т. д., которыя имѣлись бы у индивида, находящагося внѣ всякаго общенія съ другими людьми, напр., живущаго на безлюдномъ и отрѣзанномъ отъ всего прочаго человѣческаго міра островѣ, или оставшагося единственнымъ человѣческимъ существомъ на землѣ, или попавшаго на Марсъ, вполне подходили бы подъ установленное понятіе права; точно также какъ радости, печали, мысли такого человѣка не переставали бы быть радостями, печальми, мыслями вслѣдствіе его одиночества, отсутствія человѣческаго общества. Для установленнаго понятія права и подведенія подъ него соотвѣтственныхъ психическихъ явленій не имѣетъ дажѣ никакого значенія, идетъ ли дѣло о разумныхъ, по своему содержанію нормальныхъ, или о неразумныхъ, нелѣпыхъ, суевѣрныхъ, патологическихъ, представляющихъ бредъ душевно-больного и т. п. императивно-аттрибутивныхъ сужденійхъ, нормахъ и т. д. Напр., если суевѣрный человѣкъ, на почвѣ видѣннаго сна или случившейся съ нимъ иллюзіи или галлюцинаціи, убѣжденъ, что онъ заключилъ договоръ съ дьяволомъ и въ силу этого договора имѣетъ право на извѣстныя услуги со стороны дьявола, а зато обязанъ предоставить послѣднему свою душу, то соотвѣтственныя императивно-аттрибутивные переживанія и ихъ проекціи, право дьявола и т. д., вполне подходятъ подъ установленное понятіе права. Съ точки зрѣнія психологическаго ученія о правѣ разные, у разныхъ народовъ распространенныя правовыя суевѣрія, „суевѣрное право“, представляютъ, такъ же какъ и дѣтское, преступное право и т. д., заслуживающую вниманія и интереса область для описательнаго, историческаго и теоретическаго изслѣдованія и изученія. Равнымъ образомъ, если, напр., душевно-больной человѣкъ считаетъ себя императоромъ, притязаетъ на повиновеніе со стороны его мнимыхъ подданныхъ, возмущается и негодуетъ по поводу ихъ неповиновенія и иныхъ посягательствъ на его верховныя права,

то это явление и безчисленные тому подобныя другія „*idées fixes*“ душевно-больныхъ и вообще всѣ императивно-аттритивныя переживанія патологическаго свойства вполне подходятъ подъ установленное понятіе права и могутъ составить тоже особый предметъ изученія со стороны психологическаго правовѣдѣнія подъ именемъ патологическаго права, правовой патологіи или т. п.“ (I, 104—106).

Если общество начинаютъ понимать, какъ явление главнымъ образомъ коллективно-психическое, то вполне естественно, что психологическое направленіе начинаетъ проникать и въ область изученія права, такъ какъ право есть лишь одно изъ проявленій цѣлостной и нераздѣльной общественной жизни. Изучая право психологически, мы, разумѣется, не можемъ обращаться къ психикѣ отдѣльнаго изолированнаго человѣка. Тотъ, кто живетъ изолировано, не находится въ правоотношеніяхъ съ другими людьми и не имѣетъ поэтому и юридическихъ переживаній. Право есть явленіе коллективно-психическое; чтобы уразумѣть его природу, надо обратиться къ „между-мозговой“ психологіи, по выраженію Тарда. Какія же „между-мозговья“ психическія отношенія должны быть приняты во вниманіе, для уразумѣнія психологической природы права?

Прежде всего, всякое право связано съ понятіемъ правоотношенія. Слѣдовательно, психическія переживанія участниковъ правоотношенія являются необходимымъ психологическимъ содержаніемъ права. Не переживаніе отдѣльнаго изолированнаго члена правоотношенія должно быть взято въ разсмотрѣніе, а психическія переживанія между членами правоотношенія. Только такое психологическое изученіе откроетъ намъ двустороннюю, императивно-аттритивную сторону юридическихъ нормъ. Эта императивно-аттритивность является психической въ двухъ видахъ: 1) въ индивидуальномъ сознаніи отдѣльнаго члена правоотношенія, когда норма сознается и какъ повелительная и

какъ предоставляющая, 2) въ совпаденіи переживаній членовъ правоотношенія, при чемъ одними переживается сознание обязанности, а другими — правомочія.

Но кромѣ совпаденія императивныхъ и атрибутивныхъ переживаній самихъ лицъ, связанныхъ извѣстнымъ правоотношеніемъ, для психологическаго состава права необходимо совпаденіе коррелятивныхъ психическихъ процессовъ, съ одной стороны, переживаній участниковъ правоотношенія, съ другой стороны, переживаній лицъ, принуждающихъ къ выполненію нормъ права. Право не есть случайное, субъективное и факультативное переживаніе; это принудительный и дѣйствительный порядокъ общества; поэтому для существованія его необходима наличность въ обществѣ двухъ основныхъ категорій психическаго состоянія: одними людьми, сознающими, въ чемъ состоитъ правовая норма для даннаго отношенія, переживается стремленіе выполнить эту норму, въ силу различныхъ мотивовъ, въ томъ числѣ и вслѣдствіе боязни принудительнаго воздѣйствія со стороны органовъ власти; другими людьми, тоже сознающими, въ чемъ состоитъ правовая норма, переживается стремленіе оказать опредѣленное принудительное воздѣйствіе по адресу лицъ, нарушающихъ правовую норму. Тамъ права еще нѣтъ, гдѣ дѣло ограничивается императивно-атрибутивными переживаніями отдѣльныхъ лицъ, гдѣ нѣтъ третьихъ лицъ, вмѣшивающихся въ юридическій споръ и стремящихся содѣйствовать торжеству опредѣленнаго юридическаго правила. Право возникаетъ въ обществѣ тогда, когда появляется судъ, и тамъ, гдѣ, на ряду съ переживаніемъ отдѣльными участниками житейскихъ отношеній своихъ обязанностей и требованій, появляются третьи лица, переживающія необходимость содѣйствовать торжеству опредѣленныхъ нормъ, съ цѣлями охраны и содѣйствія общественному порядку или для удовлетворенія чувства справедливости, и сознающія себя власть имѣющими

принудительно дѣйствовать въ данномъ направленіи. Поэтому право существуетъ только тамъ, гдѣ есть общество и гдѣ существуетъ общественная власть (хотя и не организованная еще); гдѣ же, на ряду съ переживаніемъ обязанностей и требованій, нѣтъ переживанія третьими лицами стремленія принудительно содѣйствовать выполненію нормъ, тамъ нѣтъ и права, а есть лишь нравы или мораль¹⁾.

Несомнѣнный недостатокъ психологической теоріи права Петражицкаго, разсматриваемой именно съ точки зрѣнія коллективной юридической психологіи, заключается какъ разъ въ непризнаніи того факта, что существованіе права обуславливается сосуществованіемъ двухъ соотвѣтствующихъ, но различныхъ психическихъ ассоціацій: участниковъ правоотношенія и представителей общественной власти. Петражицкій своею психологическою теоріей не даетъ никакого отвѣта на вопросъ о социальномъ характерѣ права и объ его общественно-принудительной нормативности. Именно какъ явленіе коллективное и общественное, право не получаетъ въ теоріи Петражицкаго психологическаго объясненія.

Петражицкій совершенно правильно отмѣтилъ въ психологическомъ составѣ права императивно-аттрибутивную двусторонность; но онъ совершилъ двойную ошибку, съ одной стороны, отнеся эту двусторонность къ области индивидуальной психики, а съ другой, признавъ ее за свойство лишь юридическихъ переживаній и вполне отвергнувъ ее для переживаній нравственныхъ, найдя въ этомъ даже существенное различіе права и нравственности. Несомнѣнно однако, и нравственные переживанія, особенно поскольку они не направлены на отношенія человѣка къ самому себѣ,

1) Очень правильныя мысли, вполне въ духѣ только что развитыхъ нами положеній, высказаны были брюссельскимъ проф. Роленомъ въ его небольшой, но очень цѣнной работѣ, H. Rolin, *Esquisse d'une sociologie juridique*, Bruxelles, 1911. Содержаніе этой книги было изложено нами въ Правѣ, 1911, № 43.

также соединены съ сознаниемъ ихъ психологической атрибутивности. Если мы не будемъ выходить за предѣлы нравственнаго отношенія и обратимъ вниманіе на психическія переживанія ихъ участниковъ, то, несомнѣнно, мы откроемъ, что нравственныя нормы переживаются не только какъ императивныя, но и какъ атрибутивныя. Въ указаніи этой ошибки правъ былъ вполнѣ кн. Трубецкой. Разумѣется, тотъ, кто переживаетъ нравственныя нормы, — не лги, будь милостивъ, не развращай другихъ, почитай родителей, будь благодаренъ благодѣтелямъ, — чувствуетъ эти нормы не только какъ повелительныя для него, но и сознаетъ, что другіе члены такихъ нравственныхъ отношеній могутъ требовать, съ нравственной точки зрѣнія, выполнения ихъ. Тотъ, кто переживаетъ нравственное требованіе искренности и правдивости, чувствуетъ, что эта искренность и правдивость предоставлена другимъ людямъ. Точно также и религіозно - нравственныя нормы въ отношеніи къ Богу переживаются почти всегда, какъ предоставленныя Богу, какъ нѣчто, что можетъ требоваться Богомъ. И даже нравственныя нормы въ отношеніи къ самому себѣ, напр., смѣлость, трудолюбіе, стыдъ, до извѣстной степени переживаются, какъ атрибутивныя, предоставленныя другому нашему „я“, и что нашъ духъ, какъ разумъ, наша совѣсть могутъ требовать отъ нашей воли выполнения этихъ нормъ.

Вообще если мы не выйдемъ изъ предѣловъ нравственнаго отношенія, то психологическая природа нравственныхъ нормъ окажется такой же двусторонней, какъ и психологическая природа юридическихъ нормъ, разсматриваемыхъ тоже только въ предѣлахъ правоотношенія¹⁾.

1) Противъ указаннаго различенія Петражицкимъ права и нравственность высказывается изъ аналогичныхъ соображеній и А. Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія властнаго права, Ярославль, 1912, стр. 226—230. Самъ Петражицкій иногда сби-

Чтобы постигнуть психологическую разницу права и нравственности, надо выйти изъ предѣловъ нравственныхъ и юридическихъ отношеній, и посмотрѣть на психическія связи, соединяющія членовъ нравственныхъ и правовыхъ отношеній съ третьими лицами. Тогда мы увидимъ, что при юридическихъ отношеніяхъ дѣло не ограничивается этими связями, и что существуютъ третьи лица, которыя считаютъ себя обязанными слѣдить за выполненіемъ юридическихъ нормъ и принуждать другихъ лицъ къ этому выполненію. Устанавливается психическая связь между членами правоотношенія и органами власти, причемъ члены правоотношенія сознаютъ себя связанными не только другъ передъ другомъ, но и передъ внѣшней властью. Въ нравственныхъ же отношеніяхъ у ихъ участниковъ нѣтъ такого сознанія внѣшней власти, принуждающей къ выполненію нравственныхъ нормъ.

Благодаря этому новому элементу, — внѣшней власти, — и атрибутивно-императивность получаетъ различный характеръ въ юридическихъ нормахъ и въ нормахъ нравственныхъ. Въ правовыхъ нормахъ императивность сознается соединенной съ санкціей и атрибутивность переживается не только въ отношеніи къ правомочному, но и по отношенію къ внѣшней принудительной власти. Въ нравственной нормѣ императивность сознается только какъ внутренняя, — автономнаго или божественнаго происхожденія, — и атрибутивность чувствуется только по отношенію къ участнику нравственнаго отношенія.

Ошибка теоріи Петражицкаго въ непризнаніи этого различія между правомъ и нравственностью. Петражицкій

валяется съ воззрѣніа на этическія переживанія, какъ на чисто императивныя; такъ, говоря о дѣйствіи позитивнаго права, онъ называетъ его „драгоценною школою интуитивной и императивно-атрибутивной этики“ (II, 502). Квалификація этики, какъ императивно-атрибутивной, противорѣчитъ однако общему пониманію Петражицкимъ нравственности.

строить свою теорію права, совершенно отвергая элементъ принужденія и необходимаго участія органовъ власти. Отъ этого онъ совершенно несоразмѣрно расширяетъ сферу права и создаетъ понятіе интуитивнаго права, благодаря которому границы права такъ отодвигаются, что теряется всякое точное представленіе о правѣ. Такое интуитивное право не требуетъ для своего бытія общественной среды, можетъ переживаться одиноко, оно одинаково дѣйствуетъ по отношенію къ людямъ, какъ и къ фантомамъ; въ него входятъ столь разнообразныя психическія явленія, что непонятнымъ дѣлается, какой практическій и научный интересъ можетъ имѣть подобное объединеніе подъ общимъ понятіемъ столь чуждыхъ другъ другу явленій.

Петражицкій вполне правъ, признавая существованіе особаго коллективно-психическаго состоянія, которому онъ даетъ не точное названіе интуитивнаго права (II, 479 и сл.). Только признаки этого состоянія опредѣляются имъ не совсѣмъ вѣрно. Невѣрно, что для существованія нормъ интуитивнаго права достаточно одного индивидуальнаго правового переживанія; необходимо совпаденіе правовыхъ переживаній сторонъ. Отъ права въ истинномъ смыслѣ слова оно отличается, съ психологической точки зрѣнія, только тѣмъ, что въ данномъ психическомъ состояніи отсутствуютъ, какъ образующій элементъ, переживанія представителей власти. Интуитивное право есть то обычное право, которое часто расходится съ закономъ. Оно приближается къ нравственности. Нравственный характеръ интуитивнаго права ярко выступаетъ въ пониманіи Петражицкимъ его, какъ *distributio bonorum atque malorum*. Интуитивное право есть социальная положительная мораль.

Та двусторонность (императивно-атттрибутивность) переживаній, которую Петражицкій считаетъ безусловнымъ признакомъ именно права, есть явленіе ярко выраженное въ частномъ правѣ, гдѣ дѣйствительно всякой обязанности со-

отвѣтствуетъ право требованія. Но въ публичномъ правѣ она уже гораздо слабѣе выражена и въ нѣкоторыхъ нормахъ конституціоннаго права, регулирующихъ обязанности и права высшихъ органовъ, часто затруднительно указать соответствующее обязанности опредѣленное конкретное право требованія.

III.

Изъ разсмотрѣнія двухъ основныхъ теорій права, стремящихся опредѣлить право по формѣ, въ какую облакаются юридическія нормы, мы пришли къ тому заключенію, что каждая изъ этихъ теорій правильно отмѣчаетъ одинъ изъ формальныхъ признаковъ права. На право можно смотрѣть и какъ на внутреннее коллективно-психическое явленіе и какъ на внѣшне-реализованный фактъ объективнаго міра. Какъ ни правильна мысль, что право есть прежде всего фактъ общественной человѣческой психики, для объясненія природы права, во всемъ его объемѣ, недостаточно одного психологическаго анализа. Нужно понять право, и какъ соціальное явленіе, выражающееся въ объективныхъ фактахъ, вошедшее въ юридическіе памятники, существующее и независимо отъ индивидуальныхъ переживаній. Конечно, психологическая точка зрѣнія на право вѣрна, и правовая норма свое существованіе прежде всего имѣетъ въ психическомъ переживаніи отдѣльнаго человѣка; но право не только живетъ въ психическомъ мірѣ отдѣльныхъ людей, но и отлагается въ объективныхъ институтахъ, запечатлѣвается въ юридическихъ памятникахъ, съ неизмѣнною правильностью примѣняется въ судебныхъ рѣшеніяхъ, въ обычаяхъ, въ законахъ, слагается въ сложныя и многообразныя установленія. Для того, чтобы вполне понять право въ этомъ внѣшнемъ и объективномъ его существованіи, необходимо, очевидно, посмотреть на него, какъ смотримъ мы на науку и искусство, когда изучаемъ ихъ при-

роду и исторію. Конечно, всякое произведеніе искусства прежде всего есть индивидуальное переживаніе сначала своего творца, потомъ всѣхъ тѣхъ, кто его воспринимаетъ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и нѣкоторый объектъ внѣшняго міра (статуя, картина, симфонія, дворецъ и т. д.), и изучая преемственность художественныхъ школъ или современное состояніе искусства, мы должны обращать особое вниманія и на отложившіяся во внѣшнемъ мірѣ результаты психическихъ художественныхъ переживаній, а не только на эти переживанія, сами по себѣ. То же нужно сказать и о наукѣ. Научныя теоріи мы изучаемъ, обычно забывая о психическихъ процессахъ ихъ авторовъ, и пользуемся, какъ объективнымъ матеріаломъ, тѣми сочиненіями, въ которыхъ эти теоріи изложены. Никакъ не инымъ должно быть отношеніе и къ праву. Понимать психологическую теорію права, въ томъ смыслѣ, что юридическія нормы — лишь психологическія переживанія и что изученіе природы права есть и исключительно изученіе человѣческой психологіи, значитъ суживать и односторонне преувеличивать психологическое возрѣніе на право. Оно одно никогда не сможетъ замѣнить собою, какъ намъ кажется, объективнаго изученія юридическихъ памятниковъ, какъ историческихъ и соціологическихъ фактовъ.

Формальный признакъ права одинъ: принудительность. Но эта принудительность есть прежде всего внутренне-психическая, переживаемая съ одной стороны, какъ притязаніе-повелѣніе, съ другой стороны, какъ приказъ и властное принужденіе; но психическою субъективною принудительностью дѣло не ограничивается, и право принудительно осуществляется во внѣшнемъ мірѣ особыми органами политической власти. Съ государственной теоріей мы не согласны только въ томъ, что внѣшняя принудительность правовыхъ нормъ вовсе не связана обязательно съ органами государственной власти. Въ каждомъ общественномъ союзѣ есть право, и

внѣшняя принудительность его покоится на высшемъ авторитетѣ въ данномъ союзѣ, хотя бы этимъ союзомъ было и не государство, а первобытное племя, независимая община, церковь, международный союзъ. Государство и право вообще не покрываютъ другъ друга, а лишь взаимно пересѣкаются. Государство не только правовой институтъ, но преслѣдуетъ и внѣ-правовыя политическія и хозяйственныя задачи; право регулируетъ не только государственную, но и всякую коллективную, общественную жизнь. Конечно, для полноты своей жизни они нуждаются во взаимномъ проникновеніи. Политическая жизнь и право возникаютъ одновременно, и ошибочно связывать право съ одной лишь изъ формъ политической жизни, съ государствомъ. Мы полагаемъ, что съ этой точки зрѣнія вполнѣ правильна формула Штаммлера: „право есть такое принудительное регулированіе совмѣстной жизни людей, которое по самому смыслу своему имѣетъ не допускающее нарушенія значеніе“ (Х о з я й с т в о и право, § 86).

Подробное разсмотрѣніе логическаго объема, матеріальнаго содержанія и формальныхъ признаковъ юридическихъ нормъ позволяетъ намъ, наконецъ, дать полное и синтетическое опредѣленіе права. Право есть совокупность дѣйствующихъ въ обществѣ, вслѣдствіе коллективно-психическаго переживанія членами общества и принудительнаго осуществленія органами власти, нормъ поведенія, устанавливающихъ равновѣсіе между интересами личной свободы и общественнаго блага. Право основу свою имѣетъ какъ въ природѣ человѣка и общества, неразрывно соединенныхъ въ одну общую жизнь, такъ и въ высшемъ нравственномъ принципѣ, по которому высшая нравственная задача, созданіе совершеннаго общежитія, Царства Божія, должна достигаться черезъ послѣдовательную историческую работу. Право и сливается съ религіей и нравственностью, на нихъ обосновываясь, и отличается отъ нихъ, реализуя при-

нудительно лишь этическій минимумъ и тѣмъ обезпечивая условія для дальнѣйшаго существованія и развитія религіозно-нравственныхъ цѣлей. Отличіе права отъ смежныхъ ему областей разнаго вида нормъ состоитъ въ томъ, что въ немъ необходимымъ элементомъ выступаетъ политическая власть, принудительно охраняющая нормы права.

Глава третья.

Власть и государство.

Общество есть своеобразный психическій синтезъ индивидуальныхъ переживаній и вліянія коллективной среды. Этотъ психическій синтезъ образуется и общественная связь возникаетъ потому, что люди въ своей дѣятельности руководятся опредѣленными правилами поведенія, подчиняютъ себя нормамъ и стремятся достигнуть рядъ цѣлей и между ними высшую нравственную цѣль, которая, какъ мы показали выше, не можетъ быть иной, какъ полная гармонія индивидуальной и общей (міровой) жизни.

Выполненіе этическихъ нормъ или предоставляется дѣйствию свободнаго нравственнаго сознанія или гарантируется внѣшнимъ и организованнымъ принужденіемъ; эта принудительная сфера этическихъ нормъ и составляетъ область права. Право, примѣняя принужденіе, стремится разграничить личныя свободы и воли людей, для правильной охраны какъ индивидуальныхъ интересовъ, такъ и общественнаго блага. Первоначальную силу нормы права получаютъ, подобно вѣсѣмъ соціальнымъ явленіямъ, въ общественной психикѣ людей, т. е. въ своеобразномъ общемъ синтезѣ съ одной стороны переживаній необходимости подчиниться правовымъ нормамъ, съ другой, стремленій вынудить, въ случаѣ нарушенія, такое подчиненіе правовымъ нормамъ.

Но постоянная дѣйственная сила этому общественно-психическому синтезу дается только общественно-организованнымъ принужденіемъ.

Это общественно-организованное принужденіе, утверждающее право, проявляется въ дѣйствіяхъ власти. Изслѣдованіе природы власти и должно составить нашу ближайшую задачу. Съ сущностью власти тѣсно связана та политическая организація, въ которой она получаетъ жизнь, т. е. прежде всего государство. Государство въ настоящее время есть начало и конецъ всякой организаціи политической власти, и потому природа его должна быть рассмотрѣна особо.

I. Ученіе о суверенной власти.

- I. Сущность власти съ психологической и юридической точекъ зрѣнія. —
- II. Суверенитетъ, какъ неограниченная, верховная и независимая политическая власть.

Правовыя нормы принудительно поддерживаются внѣшнимъ авторитетомъ. Этотъ внѣшній авторитетъ можетъ быть самымъ различнымъ, но въ конечномъ счетѣ (когда ставится вопросъ объ его правомѣрности) онъ всегда долженъ опираться на верховную, суверенную власть, о правомѣрности которой уже не можетъ быть поднято вопроса, такъ какъ она сама есть послѣдняя инстанція для рѣшенія всякихъ вопросовъ о правомѣрности. Эта власть можетъ быть единой, какъ въ государствѣ, и множественной, какъ въ международномъ общеніи.

Изъ разсмотрѣнія природы власти слѣдуетъ, что эта психическая сила, связующая общество въ политическое цѣлое, образуется изъ соединенія, съ одной стороны, воли къ господству, съ другой стороны, сознанія зависимости и воли къ подчиненію. Вопросы публичнаго права и политики касаются главнымъ образомъ компетенціи органовъ власти и той или иной организаціи власти, поэтому существенной и основной проблемой публичнаго права и политики является сущность суверенитета, какъ особаго признака и какъ необходимой основы государственной власти.

I.

Въ сферѣ социальныхъ явленій необходимо допустить существованіе нѣкоторой первоначальной силы, постоянно дѣйствующей на образованіе различныхъ общественныхъ формъ и устанавливающей связи и соединенія между отдѣльными индивидами и ихъ совокупностями. Эта первоначальная сила соединенія есть необходимое условіе общественной жизни и нѣчто постоянно проявляющееся въ человѣческомъ мірѣ, подобно силѣ физическаго тяготѣнія, неизмѣнно дѣйствующей во всѣхъ матеріальныхъ частицахъ и способствующей образованію разнообразныхъ видимыхъ матеріальныхъ формъ. Эту силу влеченія, притяженія, существующаго между психическими элементами, индивидами, и создающаго разнообразіе социальныхъ формъ, можно назвать силой социально-психическаго тяготѣнія („общезительной природой“). Такое социальное притяженіе существуетъ прежде всего между индивидами, образующими, въ силу этого, социальныя коллективности; каждый индивидъ тяготѣетъ, кромѣ того, къ ближайшей совокупности индивидовъ; совокупности тяготѣютъ другъ къ другу и къ новому высшему единству, ими образуемому.

Насколько сила социально-психическаго тяготѣнія проявляется въ томъ, что жизнь индивидуальныхъ частицъ опредѣляется жизнью социального цѣлаго, она является общественной властью. Общественная же власть, дѣйствующая черезъ опредѣленные органы и обладающая принудительнымъ характеромъ, есть власть политическая. Политическая власть, т. е. такъ или иначе организованная и принудительная власть однихъ людей надъ другими, есть необходимое условіе существованія всякаго человѣческаго общества. „Il n'existe pas d'avantage de société sans gouvernement que de gouvernement sans société, — писалъ правильно Контъ въ своей Системѣ позитивной политики, — по отно-

шенію къ самымъ малымъ обществамъ, какъ и по отношенію къ самымъ обширнымъ, позитивная политика никогда не должна разлучать эти два соотносительныя понятія, подъ угрозой теоретическихъ иллюзій и практической анархіи“.

Естественное основаніе власти, разсматриваемой съ обще-соціологической точки зрѣнія, конечно, есть прежде всего та матеріальная зависимость, которая связываетъ и подчиняетъ однихъ людей другимъ. Но съ общественно-психологической точки зрѣнія, во власти сказываются два основныя момента, съ одной стороны, воля однихъ людей, дающихъ повелѣнія другимъ, съ другой — сознаніе этихъ послѣднихъ своей зависимости и добровольное ихъ подчиненіе.

Не представляется возможность исключить изъ понятія власти ни одного изъ этихъ элементовъ. Въ основѣ всякой власти прежде всего есть моментъ матеріальной, физической зависимости одного лица отъ другого; лишь въ дальнѣйшемъ эта матеріальная зависимость служитъ основаніемъ и психологическихъ моментовъ власти. Иногда все дѣйствіе власти ограничивается матеріальной зависимостью; въ этомъ смыслѣ говорятъ о власти сильнаго надъ слабымъ, матери надъ ребенкомъ и т. д., подобно тому, какъ въ еще болѣе широкомъ смыслѣ говорятъ о власти стихій, о власти человека надъ природой, о „власти земли“ и т. п.

Но въ политической сферѣ во власти выступаютъ главнымъ образомъ психическіе моменты. Обычно эту психическую сторону власти сводятъ къ властной волѣ, къ активному стремленію господствовать со стороны тѣхъ лицъ, которыя являются обладателями политической власти. Однако это пониманіе власти односторонне, и не малая заслуга Коркунова, въ его талантливомъ изслѣдованіи *Указъ и законъ* (1894), что онъ, въ объясненіи природы политической

власти, правильно подмѣтилъ въ ней элементъ сознанія и признанія подвластными своей зависимости¹⁾.

Не всякая воля, даже выраженная лицами, обладающими политической властью, властвуетъ; необходимо, чтобы она вызвала подчиненіе, иначе это будетъ безвластная воля. Приказъ, отдаваемый представителемъ власти революціонной толпѣ съ требованіемъ разойтись, остается очень часто лишеннымъ всякаго результата. И если бы, скажемъ, верховною властью въ Россіи издано было повелѣніе объ установленіи идолопоклонства, то такая воля была бы безвластна. Съ другой стороны, часто сила властвованія далеко превосходитъ силу воли направленной на властвованіе, иногда лицо можетъ оказывать власть надъ другими своими мнѣніями, безо всякаго желанія и безъ воли властвовать. Люди въ большинствѣ случаевъ повинуются законамъ по свободной инициативѣ и подчиняются приказамъ далеко не соразмѣрно стоящей за ними воли. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ функціяхъ власти моментъ господствующей воли или принципиально отрицается или существенно нарушается. Рѣшеніе третейскаго судьи есть сужденіе о правѣ, и власть этого рѣшенія покоится исключительно на желаніи спорящихъ сторонъ ему подчиниться. Воля, выраженная въ законѣ, подвергается значительному видоизмѣненію и переработкѣ въ толкованіи закона и особенно въ его исполненіи. Въ особенности въ правовыхъ проявленіяхъ политической власти значителенъ элементъ общественнаго признанія и подтвержденія. Право обосновывается не только силой и господствующей волей, но и сознаніемъ общаго блага и справедливости. Если теорія силы не можетъ вполне объяснить природы политической власти, то тѣмъ болѣе она недостаточна для объясненія природы права.

1) Прекрасный анализъ власти, съ точки зрѣнія коллективной психологии, далъ С. Фравкъ, Проблема власти. Соціально-психологическій этюдъ (Вопросы жизни, 1905, № 3, стр. 205—250).

Но какъ ни значителенъ во власти элементъ сознанія подвластными своей зависимости, нельзя сводить къ нему все содержаніе власти, совершенно устраниая другой необходимый элементъ власти, волю властвующихъ. Это будетъ другая крайность, и именно этой крайности, къ сожалѣнію, не избѣжалъ Коркуновъ и тѣмъ въ значительной степени ослабилъ значеніе своей во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательной доктрины¹⁾. „Власть есть сила, — пишетъ онъ, — обусловленная не волею властвующаго, а сознаніемъ зависимости подвластнаго. При такомъ пониманіи власти нѣтъ надобности для объясненія явленій государственнаго властвованія олицетворять государства, надѣлять его во что бы то ни стало волей. Если власть есть сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго, государство можетъ властвовать, не обладая ни волею, ни сознаніемъ, только бы составляющіе его люди сознавали себя зависимыми отъ государства. Это сознаніе уже само собой обусловливаетъ существованіе государственной власти... Властвуетъ надъ подданными государство, хотя оно и не имѣетъ вовсе никакой воли: властвуетъ потому что подданные сознаютъ себя отъ него зависимыми, и властвуетъ именно настолько, насколько они сознаютъ эту зависимость. Въ степени ихъ сознанія зависимости мѣра и граница власти государства“ (стр. 181).

Изъ того, что волевая гипотеза власти не объясняетъ всѣхъ разнообразныхъ проявленій государственнаго властвованія, не слѣдуетъ заключать, что она должна быть вполнѣ отвергнута, и что она никакихъ явленій не объясняетъ. Бываютъ случаи, и очень часто, что властвуетъ и воля, и не всѣ про-

1) Эта односторонность дала основаніе упрекамъ, не вполнѣ впрочемъ справедливымъ, по адресу Коркунова со стороны проф. В. Ивановскаго, Государство какъ юридическое отношеніе, Казань, 1893 и проф. А. Алексѣева, Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти, М. 1894.

явленія власти могутъ быть объяснены сознаниемъ зависимости подвластными. Самъ Коркуновъ, говоря специально о государственной власти, полагаетъ, что опредѣленіе государства только какъ союза, надѣленнаго властью, вообще не достаточно, такъ какъ существуетъ и власть семьи, церкви и т. д. „Отличительная особенность государства заключается въ принудительномъ характерѣ его власти“ (стр. 182). Но непонятно, какимъ образомъ можетъ проявиться принудительный моментъ во власти безъ момента волевого. „Обязанность подчиненія велѣніямъ государственныхъ органовъ поддерживается прежде всего именно сознаниемъ права, а затѣмъ угрозою наказанія или другихъ невыгодныхъ послѣдствій, связываемыхъ съ неисполненіемъ законныхъ распоряженій“ (стр. 190). Гдѣ есть угроза наказаніемъ и само наказаніе, тамъ неизбежно должна быть и властвующая воля. Если иногда политическую власть могутъ проявлять лица, лишенные воли или ея не обнаруживающія, то часто существуютъ проявленія господства однихъ лицъ надъ другими, лишенными сознания, малолѣтними, идіотами, умалишенными и т. д. Напрасно также свою теорію Коркуновъ противопоставляетъ вообще волевой теоріи. Подчиненіе себя властвующей силѣ есть тоже волевое переживаніе и выражается въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ, а не протекаетъ въ одномъ лишь сознаниіи человѣка.

Государствованіе властвованія есть не одностороннее, а двустороннее отношеніе, съ одной стороны, повелѣнія, съ другой — подчиненія. Политическая власть образуется, какъ коллективное приспособленіе двухъ общественныхъ психическихъ переживаній, властвующихъ и подвластныхъ. Власть есть синтетическое образованіе; синтезъ этотъ получается изъ совпаденія коррелятивныхъ переживаній; когда этого совпаденія нѣтъ, нѣтъ и политическаго цѣлаго, а есть лишь аморфія, какъ послѣдствіе анархіи. Власть есть основная объединяющая общественная сила,

дающая единство обществу, дѣлающая изъ него замкнутое цѣлое; она есть жизненный синтезъ разнообразныхъ индивидуальныхъ переживаній. То, что постоянно утверждается въ исторіи какъ противоборство свободы и власти, на самомъ дѣлѣ есть постоянное стремленіе къ приспособленію двухъ элементовъ власти, — воли органовъ власти и сознанія зависимости у подчиняющихся вѣлѣніямъ этихъ органовъ. Власть, какъ психическій синтезъ общественнаго приспособленія, есть сила возрастающая въ исторіи и захватывающая все болѣе широкія сферы общественной жизни. Отъ мелкихъ общественныхъ приспособленій люди переходятъ ко все болѣе широкимъ объединеніямъ, и власть является синтезомъ неизмѣнно возрастающихъ элементовъ.

Власть осуществляется обыкновенно по опредѣленнымъ нормамъ, регулирующимъ поведеніе людей. Нормы эти распадаются на бытовые, юридическія и нравственные. Быть, нравственность и право являются различными проявленіями одной и той же силы общественной власти. Право есть лишь одно изъ выраженій власти и имѣетъ тѣ же три источника: матеріальную зависимость, сознаніе зависимости и волю на установленіе опредѣленнаго господства. Изъ всѣхъ различныхъ проявленій власти право есть именно то, въ которомъ больше всего представленъ элементъ воли. Однако воля не всегда непремѣнно создаетъ и поддерживаетъ нормы права. Нормы права не требуютъ непременно постояннаго внѣшне-принудительнаго осуществленія; онѣ гарантируются и матеріальнымъ дѣйствіемъ социальныхъ силъ и внутреннимъ сознаніемъ людьми ихъ обязательности. Однако въ природѣ права быть гарантируемымъ въ своей обязательности внѣшнимъ принужденіемъ.

Въ юридической власти слѣдуетъ различать волю къ господству и волю къ подчиненію или признанію. Теорія признанія была права, выдвинувши во власти элементъ сознанія подвластными своей зависимости. Не всякая, конечно, юри-

дическая норма покоится на общественномъ признаніи, — это утверждение противорѣчить дѣйствительности, — но признаніе лежитъ въ основѣ высшаго юридическаго авторитета и вообще всего положительнаго права. Политическое общество есть сложный порядокъ, въ которомъ произошло приспособленіе, болѣе или менѣе гармоничное, воли властвующихъ и подчиняющихся. Общество признаетъ органы власти, органы власти творятъ законы и право; слѣдовательно, косвенно до извѣстной степени законы и право покоятся на признаніи общества.

Власть, дѣйствующая въ правѣ, получаетъ организацію. Какое бы сложное строеніе ни имѣла эта организація, власть во всякомъ политическомъ союзѣ остается единой. Она есть та единая жизненная сила, которая даетъ бытіе политическому союзу; но эта единая сила проявляется черезъ многіе органы, и многія лица распоряжаются ею. Проблема политической организаціи, т. е. конституціонная проблема, и заключается въ томъ, какъ устроить совмѣстное многихъ органовъ распоряженіе единой властью политическаго союза.

Существуетъ въ политической литературѣ контроверза о конституціонномъ принципѣ раздѣленія властей. Классическая конституціонная теорія полагала, что въ государствѣ должны быть созданы обособленные органы, безъ всякаго взаимодѣйствія другъ съ другомъ, отправляющіе каждый опредѣленную политическую функцію безъ содѣйствія другихъ органовъ. Противъ этой теоріи выставляется принципъ единства и нераздѣльности государственной власти, обычно соединяемый съ представленіемъ о власти, какъ о волѣ юридическаго лица государства. Эта контроверза вполне можетъ быть разрѣшена признаніемъ единства государственнаго суверенитета, какъ практическаго синтеза уравновѣшенныхъ между собою органовъ власти, сообща осуществляющихъ всю полноту правительственныхъ функцій. Единство

власти есть единство синтеза различныхъ функцій власти. Государственная суверенная власть не можетъ быть въ точномъ смыслѣ слова раздѣлена на самостоятельныя и обособленныя сферы. Содѣйствіе другъ другу всѣхъ органовъ власти необходимо для созданія полной суверенной власти. Только цѣлостность всѣхъ органовъ власти, взятыхъ въ ихъ конституціонномъ взаимодействіи, образуетъ суверенную власть, т. е. власть учредительную, могущую видоизмѣнять государственное устройство, власть окончательно рѣшающую вопросы о правѣ и власть устанавливающую новыя нормы права.

Конституціонныя гарантіи правомѣрности власти, собственно говоря, не въ раздѣленіи властей, а въ томъ, что единая государственная власть осуществляется общею дѣятельностью нѣсколькихъ взаимно уравновѣшенныхъ органовъ, причемъ или одна и та же правительственная функція осуществляется нѣсколькими органами, или отдѣльныя функціи власти отправляются особыми органами, или, наконецъ, различныя функціи власти отправляются органами власти въ различномъ порядкѣ. Важно для гарантіи наибольшей цѣлесообразности правительственныхъ дѣйствій и обезпеченія наибольшей свободы, чтобы не одна индивидуальная воля властвовала, а комбинація, сложный синтезъ волей, въ своемъ совмѣстномъ дѣйствіи образующихъ единую общую волю государства.

II.

Существуютъ самые разнообразныя общественные союзы, въ которыхъ осуществляется принудительная юридическая власть по отношенію къ членамъ соединенія, — семья, община, штатъ, государство, международный союзъ государствъ и т. п. Въ каждомъ изъ такихъ союзовъ проявляется своя особая власть, семейная ли, общинная ли, государственная ли и т. д. Во всякой такой власти мы можемъ обращать вниманіе на отношенія отъ нея такъ сказать внизъ, къ ей

повинующимся, и на отношенія внѣ, къ ей неповинующимся, и на отношенія вверхъ, къ ей повелѣвающимъ. О власти мы спрашиваемъ, является ли она самостоятельной или зависимой; будучи властвованіемъ для зависящихъ отъ нея, не подчинена ли она, въ свою очередь, какой-нибудь другой власти, выше нея стоящей и дающей ей приказы. Такимъ образомъ мы проходимъ длинную іерархическую лѣстницу подчиненныхъ другъ другу властей, пока, наконецъ, не приходимъ къ такой власти, которая осуществляетъ свое властвованіе самостоятельно и юридически неограниченно. Такая власть объявляется обладающей свойствомъ юридического верховенства, независимости и неограниченности, т. е. суверенитетомъ. Она именно и составляетъ характерный признакъ государственнаго политическаго соединенія.

Логически необходимо признать существованіе въ ряду другихъ властей власти высшей, которая сама опредѣляетъ свою юридическую компетенцію, т. е. имѣетъ право надъ предѣлами своей компетенціи. Эта юридически-самоопредѣляющаяся власть и есть власть суверенная.

Понятіе суверенной власти, какъ власти юридически неограниченной, необходимо для того, чтобы возможенъ былъ какой бы то ни было правовой строй. Необходимо, чтобы существовала власть, которая въ послѣдней, безапелляціонной инстанціи рѣшаетъ, что право и что не-право. Когда возникаетъ споръ о правѣ между ли отдѣльными лицами, между ли частями политическаго союза, между ли индивидомъ и политическимъ союзомъ, должна быть опредѣленная инстанція, опредѣленная власть, рѣшающая окончательно спорный вопросъ о правѣ. Наличность такой верховной власти, съ точки зрѣнія формально-юридической, положительно-правовой, есть необходимая политическая идея, неизбѣжный юридическій принципъ.

Допустить хотя въ чемъ-нибудь юридическую ограни-

ченность верховной власти, значило бы открыть дорогу полному анархизму, ибо если предѣлы юридическаго ограниченія предоставлено рѣшать самой суверенной власти, то она формально остается неограниченной, если же это право дано подчиненнымъ властямъ или отдѣльнымъ лицамъ, то тогда всякая функція суверенной власти можетъ быть отвергнута и отнесена въ сферу, выходящую изъ компетенціи суверенной власти. Съ позитивно-юридической точки зрѣнія неизбежна дилемма: или юридическая неограниченность суверенной власти или анархизмъ, отсутствіе всякой власти. Безусловное подчиненіе суверенной власти, по справедливому замѣчанію Канта, впервые обосновываетъ юридическій порядокъ, какъ таковой, и потому есть категорическій императивъ.

Невозможность, съ позитивно-юридической точки зрѣнія, ограниченія суверенной власти индивидуальными правами прекрасно была выражена Руссо: „Эти условія (общественнаго) договора, писалъ онъ, правильно понятыя, сводятся въ сущности къ одному условію, а именно, къ полному отчужденію cadaго члена со всѣми своими правами въ пользу всей общины... Такъ какъ отчужденіе производится безъ оговорокъ, то союзъ становится совершеннымъ, насколько вообще онъ можетъ быть такимъ, и ни у одного изъ участниковъ нѣтъ болѣе особыхъ требованій; ибо если бы у отдѣльныхъ личностей остались нѣкоторыя права, то, за отсутствіемъ высшей власти, которая могла бы рѣшать споры между ними и обществомъ, каждый, будучи въ нѣкоторыхъ вопросахъ своимъ собственнымъ судьей, скоро началъ бы претендовать стать судьей во всѣхъ другихъ вопросахъ, естественное состояніе продолжало бы существовать, и ассоціація по необходимости стала бы или тираннической, или тщетной“. „Если государство или община есть только моральная личность, жизнь которой заключается въ объединеніи членовъ ея, и если наиболѣе важной его заботой

является собственное сохраненіе, то ему нужна общая и побудительная сила, чтобы двигать и располагать каждой частью наиболѣе удобнымъ для цѣлаго образомъ. Какъ природа даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, такъ общественный договоръ даетъ политическому тѣлу абсолютную власть надъ всѣми членами послѣдняго; эта то власть, управляемая общей волей, называется, какъ я уже сказалъ, суверенитетомъ... Надо согласиться, что изъ всего того, что каждый отчуждаетъ, путемъ общественного соглашенія изъ своихъ силъ, имущества и свободы, обществу важно имѣть возможность располагать только частью этого; но нужно согласиться и съ тѣмъ, что только суверенъ можетъ быть судьей степени этой важности“ (Общественный договоръ, I, 6; II, 4).

Руссо былъ вполне правъ. Фактически, конечно, нѣтъ абсолютнаго верховенства, независимости и неограниченности ни одной власти, такъ какъ психологически и соціологически всякая власть есть сложный синтезъ очень многихъ противоположныхъ и уравновѣсившихся силъ. Но юридически важенъ одинъ вопросъ, кто будетъ рѣшать о томъ, дѣйствуетъ ли власть въ предѣлахъ своей компетенціи или нѣтъ. Нельзя отвѣтить, что въ одной области будетъ рѣшать высшая власть союза, въ другихъ — подчиненные союзы или индивиды. Всегда можно поставить дальнѣйшій вопросъ, а кто будетъ юридически рѣшать, подходит ли данный случай къ сферѣ высшей власти или индивида. Именно это свойство рѣшать окончательно, въ послѣдней инстанціи, свою компетенцію и есть суверенитетъ.

Кантъ, какъ мы только что сказали, считалъ безусловное подчиненіе суверенной власти категорическимъ императивомъ. „Что должно повиноваться, и при томъ юридически безусловнымъ образомъ, тому, кто владѣетъ верховной повелительной и законодательной властью надъ народомъ, объ этомъ такъ мало дозволено сомнѣваться, что является уже

подлежащимъ наказанію публичное изслѣдованіе титуловъ ея приобрѣтенія, т. е. подверганіе его сомнѣнію... Это положеніе: повинуйтесь власти (во всемъ, что не противорѣчитъ внутренней моральности), господствующей надъ вами, является категорическимъ императивомъ, который не выноситъ никакого противорѣчія... Безусловное подчиненіе народной воли (которая сама по себѣ является разъединенной и, слѣдовательно, незаконной) волѣ суверенной, объединяющей всѣхъ посредствомъ единого закона, есть актъ, который можетъ быть совершенъ только черезъ овладѣніе высшей властью. Этотъ актъ впервые обосновываетъ юридическій порядокъ. Допускать возможность сопротивленія этому полномочию значитъ противорѣчить самому себѣ, ибо въ такомъ случаѣ оказывалось бы, что та первая власть не есть высшая и опредѣляющая собою право“ (*Rechtslehre*, I, Anh.). Необходимость суверенитета, какъ формально-юридическаго принципа, сознается даже тѣми, кто по духу своего ученія вовсе не склоненъ былъ понимать право съ узко-государственной точки зрѣнія. Такъ Пухта, видѣвшій въ правѣ исключительно созданіе народнаго духа, народнаго убѣжденія, писалъ въ своихъ Институціяхъ относительно законодателя: „Ожидается, что законодатель дѣйствительно выражаетъ общее убѣжденіе націи, подъ вліяніемъ котораго онъ долженъ находиться... Иногда стремятся, если не обезпечить согласіе, то, по крайней мѣрѣ, затруднить возможность противорѣчій закона съ національными воззрѣніями, при помощи установленія совѣщаній и соглашеній съ членами народа. Но разъ законъ данъ, значеніе его не можетъ зависѣть отъ изслѣдованія дѣйствительнаго согласія его съ народной волей. Подобное изслѣдованіе предполагало бы высшую власть, имѣющую законодательное значеніе; но и для этой власти вновь возникалъ бы тотъ же вопросъ (о его согласіи съ народомъ). Поэтому, все, что устанавливается закономъ, издаваемымъ сообразно съ принятымъ порядкомъ, имѣетъ силу права и дѣйствуетъ въ ка-

чествѣ общей воли, не вслѣдствіе своего содержанія, а вслѣдствіе формы своего выражанія“ (Institutionen, § 14¹).

1) Неограниченной считаютъ суверенную власть и рядъ современныхъ писателей-юристовъ. Укажемъ лишь на нѣкоторыхъ: Seydel, *Der Bundesstaatsbegriff* въ журналѣ *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, 1872, стр. 190—192 (государственная власть — суверенна, т. е. высочайшая и абсолютная); Borel, *La souveraineté et l'Etat fédératif*, стр. 27—28, 43, 48, 51, 102 и др. (существо суверенитета въ томъ, что онъ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ; логика требуетъ признанія абсолютно независимой власти); Laband, *Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*, I (1892) стр. 552 (государственная власть in abstracto никогда не связана закономъ, такъ какъ государство въ каждый моментъ можетъ свои законы измѣнять, отмѣнять и приостанавливать); Rosin, *Souveränität, Staat, Gemeinde und Selbstverwaltung*, Leipzig, 1883, стр. 5 (суверенитетъ есть такое состояніе лица, которое юридически не можетъ быть ограничено волей какой-нибудь другой личности и которое опредѣляется исключительно своей собственной волей). Изъ русскихъ авторовъ признаютъ суверенитетъ юридически неограниченнымъ: Чичеринъ, *Курсъ государственной науки*, I, 29—30, 62—64 („Юридически, верховная власть ничѣмъ не ограничена; она можетъ дѣлать все, что считаетъ нужнымъ для общаго блага. Въ этомъ отношеніи, она не подчиняется ни чѣму суду, ибо, если бы былъ высшій судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источникъ всякаго положительнаго закона, который она можетъ устанавливать, измѣнять и отмѣнять по усмотрѣнію... Однимъ словомъ, эта власть въ юридической области полная и безусловная“... „Всякія ея ограниченія могутъ быть только нравственныя, а не юридическія“), *Философія права*, 316 („Формы власти могутъ быть разныя, но существо ея всегда одно и тоже: она облечена полновластіемъ въ гражданской области. Въ этомъ состоитъ истина положенія Руссо, который, въ противоположность индивидуалистической школѣ, утверждалъ, что, вступая въ общество, чело-вѣкъ отрывается отъ всѣхъ своихъ естественныхъ правъ и сдаетъ ихъ цѣлому“); Сергѣевичъ, *Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права* („Источникъ сомнѣній въ неограниченности верховной власти лежитъ въ недостаточномъ разграниченіи между юридическимъ и нравственнымъ характеромъ этой власти, или между верховной властью, какъ внѣшнимъ учрежденіемъ, и тѣми естественными и нравственными условіями, среди которыхъ она призвана дѣйствовать. Верховная власть, какъ юридическая сила, есть высшая, не подлежащая никакому контролю сила и не могущая подлежать такому контролю, потому что, если бы существовала такая сила, контролирующая верховную власть, то она была бы вышею, а, слѣдовательно, и сама была бы верховною властью. Какъ нѣтъ силы выше верховной власти, такъ нѣтъ и закона, который былъ бы выше ея. Верховная

Однако необходимо избѣжать одной ошибки и не смѣшивать формально юридическую (съ точки зрѣнія положительнаго права) неограниченность всякой суверенной власти съ государственнымъ абсолютизмомъ, тиранніей, деспотизмомъ и т. п., чтó, кстати сказать, постоянно дѣлается тѣми авторами, которые отрицають юридическую неограниченность суверенной власти¹⁾. Изъ того, что суверенная власть не можетъ быть позитивно-юридически ограничена, не вытекаетъ нисколько, что она вообще неограничена. Жизнь человѣческихъ обществъ опредѣляется не однѣми нормами положительнаго права: законы естественной необходимости, религіозныя и нравственныя нормы дѣйствуютъ на ряду съ нормами положительнаго права и его ограничивають; ограничивается ими и дѣйствіе суверенной власти. Но это ограниченіе не юридическое ограниченіе. Между тѣмъ мы постоянно встрѣчаемся съ попытками доказать юридическую ограниченность суверенитета ссылкой на его фактическую

власть дѣйствуетъ по законамъ, но она сама творить законъ; въ этомъ смыслѣ она ничѣмъ не ограничена, она можетъ объявить закономъ все, что хочетъ, и никакое другое учрежденіе или отдѣльный человѣкъ не имѣетъ право сказать, что это не законъ“). Ср. А. Алексѣевъ, Русское государственное право, М. 1895, стр. 123; Къ ученію о юридической природѣ государства, М. 1894, стр. 34; Шершеневичъ, Общая теорія права, стр. 217. („Изъ того, что государственная власть есть верховная власть, съ необходимостью слѣдуетъ третье свойство ея — неограниченность. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что верховная власть ограничена, — это значило бы, что надъ нею стоитъ иная власть, ее ограничивающая, но тогда первая перестала бы быть высшей. Верховность и неограниченность — свойства, тѣсно другъ съ другомъ связанныя, но не тождественныя, хотя исторически онѣ нерѣдко смѣшивались. Неограниченность государственной власти означаетъ возможность съ ее стороны воздѣйствія на волю подчиненныхъ, насколько то физически допустимо. Старое англійское положеніе приписываетъ парламенту способность „сдѣлать все, только не превратить женщину въ мужчину“, такъ какъ здѣсь физическій предѣлъ всемогущества. Мы должны признать, что государственной власти не могутъ быть установлены никакія границы ея дѣятельности“).

1) См., напр., смѣшеніе политическаго абсолютизма съ юридической неограниченностью суверенной власти у Рейснера, Государство, М. 1912, II, стр. 84—138.

ограниченность. Но доказывать это послѣднее значитъ ломиться въ открытую дверь. Никому въ голову не можетъ притти мысль утверждать, что суверенная власть все можетъ. Есть предѣлы физически возможнаго, соціологически допустимаго и т. д.¹⁾

Когда мы говоримъ объ юридической неограниченности суверенной власти, то разумѣемъ лишь неограниченность данной власти отъ всякой другой юридической власти; ни въ какомъ случаѣ мы не говоримъ объ абсолютности этой власти, объ ея неограниченности и независимости отъ общихъ матеріальныхъ условій жизни, ни даже объ ея независимости отъ высшаго принципа нравственности.

Юридическая неограниченность не значитъ фактическая неограниченность. Такъ и нравственный идеалъ людей формально абсолютенъ, но люди, какъ бы нравственны они ни были, не абсолютно святы. Неограниченность власти есть отрицательное понятіе, и потому она не имѣетъ еще абсолютнаго положительнаго содержанія. Если свободно двигающемуся въ міровомъ пространствѣ тѣлу не поставлено границъ достиженія, то это еще не значитъ, что оно пройдетъ или въ состояніи пройти черезъ всю вселенную. Все конкретное, даже не имѣя внѣшнихъ ограниченій, уже находитъ себѣ ограниченіе въ своемъ бытіи, какъ конкретного, такъ какъ, будучи однимъ, оно не можетъ быть въ то же время другимъ и всѣмъ. Власть, съ волевой своей стороны, по отношенію къ соціальному цѣлому есть то же, что индивидуальная воля по отношенію къ индивидуальному цѣлому: формально она все можетъ, но многого она не сдѣлаетъ.

Какъ, повидимому, ни очевидна юридическая неограниченность суверенной власти, однако она далеко не поль-

1) Такую ошибку совершаетъ, напр., Новгородцевъ, Государство и право, стр. 410—411. Возражая противъ юридической неограниченности суверенитета, Новгородцевъ приводитъ доказательства того, что суверенитетъ фактически ограниченъ.

зуется всеобщимъ признаніемъ въ юридической литературѣ. Ограниченность суверенитета утверждается главнымъ образомъ съ трехъ точекъ зрѣнія: какъ юридическаго самоограниченія, какъ общаго подчиненія праву, явленію независимому отъ власти, и какъ подчиненія возвышающимся надъ государствомъ и надъ его властью нормамъ международнаго права.

Теорія ограниченія суверенной власти, какъ ея самоограниченія, связана главнымъ образомъ съ именемъ Еллинека. Эта теорія не признаетъ ограниченія суверенитета въ прямой формѣ подчиненія другой власти, а лишь въ видѣ самоограниченія. „Никакая чужая воля не въ состояніи юридически обязать государство, оно не подчинено ничьей другой волѣ, кромѣ своей собственной. Иначе говоря, исключительная обязываемость по собственной волѣ есть характерный признакъ сувереннаго государства, съ юридической точки зрѣнія. Слѣдовательно, суверенитетъ есть свойство государства, въ силу котораго оно можетъ юридически обязываться только черезъ свою собственную волю“¹⁾. Теорія самоограниченія, какъ дѣйствительнаго ограниченія, исходитъ изъ слѣдующаго положенія. Свойство права, какъ таковаго, заключается въ томъ, что оно связываетъ не только подданныхъ, но и саму суверенную власть. Законъ обладаетъ двусторонней связывающей силой, такъ какъ, издавая законъ, суверенная власть юридически связываетъ свою дѣятельность этимъ закономъ. Издавая законъ, государство приказываетъ своимъ органамъ подчинять свою волю этому закону. Воля же органовъ есть воля государства; слѣдо-

1) Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, стр. 34. Ср. Gesetz und Verordnung, стр. 197; Allgemeine Staatslehre, 2 изд. стр. 357 и сл. Изъ русскихъ авторовъ теорія самоограниченія принята была А. Алексѣевымъ, Русское государственное право, 1895, стр. 125—6, 194—195. Впрочемъ въ изложеніи проф. Алексѣева это самоограниченіе тождественно неограниченности, что дѣйствительно и вытекаетъ изъ правильно понятой теоріи самоограниченія.

вательно, связывая органъ, государство связываетъ самого себя. Противъ того возраженія, что государственная власть вольна издавать или не издавать закона, а издавши, его отмѣнить, Еллинекъ утверждаетъ, что такая самосвязываемость существуетъ и для законодательной дѣятельности суверенной власти; въ качествѣ подтверждающихъ примѣровъ служатъ нѣкоторые факты, взятые изъ государственно-правовой практики конституціонныхъ государствъ: существованіе особыхъ органовъ для конституціоннаго законодательства, запрещеніе въ нѣкоторыхъ конституціяхъ производить измѣненія въ конституціи, ст. 5 французскаго закона 14 августа 1884 года, запрещающая вообще предлагать для пересмотра республиканскую форму правленія, и т. д.

Софистичность этой теоріи очевидна и многими уже неопровержимо доказана. Самоограниченіе можетъ быть нравственнымъ или политическимъ ограниченіемъ, но никакъ не позитивно-юридическимъ. Юридическая ограниченность подразумѣваетъ ограниченность отъ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, независящихъ отъ воли подчиненнаго имъ; если же содержаніе юридическихъ нормъ всегда зависитъ отъ суверенной власти, то нельзя говорить о томъ, что онѣ ее ограничиваютъ. Вполнѣ правильно сказалъ еще Генель: „Положеніе, что суверенитетъ состоитъ въ исключительной обязываемости черезъ собственную волю, несправедливо. Справедливо это развѣ только въ томъ чрезвычайно общемъ смыслѣ, что всякая человѣческая воля въ послѣднемъ итогѣ опредѣляется сама собой. Даже подчиняющійся только потому подчиняется, что онъ этого желаетъ. Въ такомъ общемъ смыслѣ все право покоится на самообязываемости. Однако дѣло идетъ не объ этой общей психологической истинѣ, а о томъ, можетъ ли государство по своему усмотрѣнію создавать или не создавать право или оно должно признать право, какъ норму по своей природѣ связывающую также и его“ (Deutsches Staatsrecht, I, 117).

Всѣ конституціонныя примѣры, приводимыя въ доказательство того, что возможны ограниченія законодательной функціи суверенной власти, доказываютъ только то, что существуютъ законы и опредѣленныя нормы и для законодательной дѣятельности государства. Но эти законы такъ же могутъ быть отмѣнены, какъ и всѣ остальные. Пока законъ не отмѣненъ, нарушеніе его властью юридически недозволено, но власть, его установившая, можетъ его и отмѣнить, и потому она нисколько имъ не ограничена. Если, наир., статья пятая французскаго закона 14 августа 1884 года и запрещаетъ предлагать для пересмотра республиканскую форму правленія, то во всякомъ случаѣ французская суверенная власть (національный конвентъ) юридически можетъ, если пожелаетъ, отмѣнить сначала саму эту статью и потомъ, не связанная никакой нормой, приступить къ пересмотру республиканской формы государства.

Опредѣляя суверенитетъ, „какъ способность государственной власти, юридически никакой внѣшней силой не связанной, къ исключительному самоопредѣленію, потому и къ самоограниченію чрезъ установленіе юридическаго порядка, который одинъ только даетъ государственной дѣятельности характера, подлежащій правовой квалификаціи“ (Право современнаго государства, стр. 317), Еллинекъ попадаетъ въ безвыходныя логическія противорѣчія. Признавая, что суверенитетъ есть невозможность для суверенной власти юридически быть ограниченной какой-нибудь другой властью противъ собственной воли, что „суверенная власть безгранична въ томъ смыслѣ, что никакая другая сила не можетъ юридически помѣшать ей измѣнить существующій юридическій порядокъ“, Еллинекъ, казалось бы, долженъ былъ сдѣлать тотъ естественный выводъ, что суверенная власть нисколько юридически не ограничена установленнымъ ею юридическимъ порядкомъ, а лишь фактической необходимостью отмѣнить его. Суверен-

ная власть и по теоріи самоограниченія обладаетъ юридически всѣми верховными правами и имѣетъ неограниченную правовую силу подѣ предѣлами своей компетенціи.

Насколько слаба для доказательства самоограниченія власти ссылка на нравственную автономію, прекрасно показалъ Новгородцевъ: „Какъ очень характерно замѣчаетъ Еллинекъ, въ каждомъ конкретномъ хотѣніи уже заключается ограниченіе воли, какъ способности хотѣнія. Опреѣленное содержаніе воли исключаетъ всякое другое содержаніе на все время даннаго хотѣнія. Даже и самый ярый индетерминистъ долженъ признать, что въ одинъ и тотъ же моментъ нельзя хотѣть чего-либо вмѣстѣ съ его противоположностью. Все это совершенно справедливо, но гдѣ же здѣсь основаніе для обязанности? Если каждое конкретное содержаніе воли, становящееся въ ней господствующимъ мотивомъ, есть ея самоограниченіе, а каждое самоограниченіе есть самообязываніе, гдѣ различіе между обязательнымъ и необязательнымъ? Въ дѣйствительности, обязательными для воли становятся лишь тѣ мотивы, которые приняты ею, хотя бы и свободно, но во имя какого-либо высшаго начала. Если же въ основѣ самоограниченія лежитъ простое хотѣніе воли, вытекающее изъ господствующаго въ ней въ данную минуту мотива, то сила и судьба этого самоограниченія всецѣло зависятъ отъ того, какъ долго будетъ господствовать надъ волей данный мотивъ. Въ такомъ случаѣ объ обязанности или самообязываніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи, и сущность утвержденій Еллинека сводится къ малозначущей и самоочевидной психологической истинѣ, съ которой дѣйствительно согласится и „самый яркій индетерминистъ“, что нельзя хотѣть одновременно двухъ противоположныхъ вещей“ (Государство и право, стр. 432—3).

Въ окончательномъ выводѣ, вся эта конструкція исключительности и неограниченности власти, являющейся однако ограниченной благодаря самоограниченію, хотя это самогра-

ничество юридически свободно и во всякое время неограниченно может быть уничтожено, является собою яркій примѣръ пустой и безплодной научной схоластики.

Больше смысла и больше распространѣнія имѣетъ теорія, считающая суверенную власть юридически ограниченной высшими принципами права. По этой теоріи, суверенная власть ограничена необходимостью имѣть юридическій порядокъ, такъ какъ право есть необходимый принципъ организаціи человѣческихъ обществъ. Суверенная власть обязывается и ограничивается не своею собственною волей, а существующею и безъ нея необходимостью высшаго принципа права¹⁾.

Полное подчиненіе суверенной власти высшимъ нормамъ права находимъ мы въ теоріи Дюги. Впрочемъ у этого своеобразнаго возродителя естественно-правовой доктрины на соціологическихъ основахъ ограниченіе суверенитета нормами права доходить до полнаго отрицанія всякаго юридическаго характера за суверенной властью. Власть только фактъ. Если она осуществляетъ нормы независимо отъ нея существующаго права, она дѣйствуетъ юридически, въ противномъ случаѣ она къ праву не имѣетъ отношенія²⁾.

Менѣе нигилистически защищаетъ связанность суверенной государственной власти нормами права Лефюрь.

1) Таково было мнѣніе Генеля, *Deutsches Staatsrecht*, I, 117—118. Цѣлый рядъ другихъ нѣмецкихъ авторовъ отрицаетъ понятие суверенной власти, какъ абсолютной силы, ибо это понятіе противорѣчитъ существу права, являющагося ограниченіемъ произвольной власти, и между понятіями неограниченной суверенной власти и публичнаго права существуетъ противорѣчіе. Укажемъ, въ качествѣ примѣра, на Гарейса, Прейса, Климке, Аффольтера и др. Особенное вниманіе привлекъ голландецъ Krabbe, *Die Lehre der Rechtsouveränität*, 1906, стр. 224 и сл. (Ср. правильныя критическія замѣчанія о Краббе у Шершеневича, *Общая теорія права*, 300—302).

2) Duguit, *L'Etat, de droit objectif et la loi positive*, I, стр. 12, 319 и сл.; Конституціонное право (нашъ переводъ), 1909, стр. 3—4; Соціальное право, индивидуальное право и преобразование государства (нашъ переводъ), 1909, стр. 33 и сл.; *Traite de droit constitutionnel*, 1911, стр. 50—55.

Государство, по его мнѣнію, находитъ какъ въ принципѣ права, главенствующимъ надъ нимъ, такъ и въ самомъ существованіи составляющихъ его индивидовъ непреходимыя границы и ограниченія. Опредѣленіе этихъ ограниченій заключается въ понятіи цѣли. Всякое организованное существо имѣетъ цѣль, и изслѣдованіе этихъ цѣлей должно показать объемъ правъ и средствъ, которыя должны ему принадлежать. Послѣднія должны явиться именно тѣми, которыя ему необходимы для реализаціи его цѣли. Государство имѣетъ цѣлью, во первыхъ, быть высшей гарантіей права, этого существеннаго условія всякой организаціи, и, во вторыхъ, быть элементомъ развитія своей націи. Государство въ силу своего суверенитета можетъ проводить линію разграниченія между собственной компетенціей и компетенціей индивидовъ и несuverенныхъ сообществъ, но оно должно это дѣлать сообразно съ правомъ, а не слѣдуя своему усмотрѣнію, какъ единственному правилу. Отсюда слѣдуетъ опредѣленіе суверенитета: „суверенитетъ есть свойство государства обязываться или опредѣляться только черезъ свою собственную волю, въ границахъ верховнаго принципа права и сообразно съ коллективной цѣлью, которую оно призвано осуществлять“ (*L'Etat fédéral et confédération d'Etats*, стр. 443 и слѣд.).

Теорія юридической ограниченности имѣетъ не мало сторонниковъ среди русскихъ юристовъ, изъ которыхъ укажемъ на Коркунова, Новгородцева, Палиенко, Кокошкина. Коркуновъ и Петражицкій видятъ ограниченіе суверенитета въ психологическомъ характерѣ власти и права; тотъ же психологическій источникъ, который творитъ право, образуетъ и власть; въ силу этого власть психологически ограничена тѣмъ общественнымъ сознаніемъ, которое создаетъ право, и, слѣдовательно, ограничена правомъ¹⁾.

1) Коркуновъ пишетъ: „Ограниченіе власти правомъ устанавливается не потому только, что дальновидные представители власти сознательно огра-

Казалось бы, разъ власть и право творятся однимъ психологическимъ источникомъ, то право есть одно лишь изъ выраженій психической силы власти и ни о какомъ правовомъ ограниченіи власти не можетъ быть и рѣчи. Казалось бы, что власть, какъ и право, будучи только психическимъ переживаніемъ общества или отдѣльныхъ людей, можетъ имѣть ограниченія только психологическія, т. е. фактическія; другими словами, изъ смысла теоріи Коркунова и Петражицкаго должна была бы слѣдовать юридическая неограниченность власти. То же надо сказать и о воззрѣніяхъ Кокошкина, видящаго въ правѣ, приближаясь къ Бирлингу и Петражицкому, общественно-признанныя нормы и полагающаго поэтому, что онѣ возвышаются надъ всякою властью¹⁾.

ничиваютъ себя правомъ гражданъ по соображеніямъ цѣлесообразности, а потому также, и притомъ главнымъ образомъ потому, что сознаніе зависимости отъ государства, служащее основой его власти, никогда не бываетъ безграничнымъ, безусловнымъ и съ развитіемъ общественной жизни, съ образованіемъ на ряду съ государствомъ множества другихъ общеній, съ успѣхами международнаго общенія, сознаваемая нами зависимость отъ государства становится все ограниченнѣе и условнѣе. Властвованіе надъ нами государства и ограниченіе этого властвованія правомъ имѣютъ одно и то же общее основаніе — въ нашемъ сознаніи, въ сознаніи зависимости отъ государства и въ сознаніи цѣлаго ряда интересовъ, противопоставляемыхъ интересамъ власти и требующихъ опредѣленнаго съ ними разграниченія“ (Лекціи по общей теоріи права, 5 изд., 263—4). Также приблизительно ограничиваетъ государственную власть и Петражицкій (Теорія права и государства, 2 изд., стр. 196—217). Ср. Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія, 1912, стр. 246—261, и раньше Современная международная правоспособность папства, 1904, стр. 160 („Суверенная власть ограничивается въ своей дѣятельности предѣламипринадлежащей ей компетенціи“).

1) „Понятіе суверенитета, такимъ образомъ, чисто отрицательное: — суверенная власть есть независимая власть; надъ ней не стоитъ никакой другой власти. Но это не значить, что верховная власть неограничена, она ограничена правомъ. Выведеніе изъ верховенства неограниченности объясняется примитивнымъ пониманіемъ права, какъ чьей-то воли. Въ этомъ пониманіи сказывается старая, идущая отъ первобытныхъ временъ привычка человѣческаго ума олицетворять всякую силу. Изъ того что верховная власть никому не подчинена, выводятъ, что она

Если власть понимать какъ психологическій синтезъ, образующійся изъ воли къ господству однихъ и сознанія подвластности другихъ, то положительное право само явится однимъ изъ проявленій этой силы власти и, разумѣется, никакъ уже не будетъ ограничивать дѣйствій этой силы, его созидающей.

Природа власти, какъ силы организующей общественную жизнь, состоитъ, какъ въ волѣ однихъ членовъ общества къ господству, такъ и въ сознаніи другими членами общества своей зависимости отъ общества и его органовъ. При этомъ общество, обнимающее всѣ остальные общенія и незаключенное въ кругъ какого-нибудь другого болѣе широкого общенія, создаетъ въ своихъ членахъ сознаніе своей послѣдней, окончательной зависимости. Въ сознаніи этой зависимости и будутъ заключаться мѣра и фактическія границы власти этого высшаго общенія и, слѣ-

ничему не подчинена. Но это заключеніе невѣрно. Надъ суверенной властью дѣйствительно не стоитъ никакой другой высшей власти, никакого лица, но надъ нею стоятъ безличныя нормы права. Какъ и всякая другая власть, она основана на правѣ и ограничена правомъ. Но изъ всѣхъ устанавливаемыхъ правомъ властей суверенная власть есть высшая“ (Русское государственное право, вып. II, 1908, стр. 75). Въ связи со своей естественно-правовой теоріей отрицаетъ неограниченность суверенитета и Новгородцевъ, см. Государство и право (напр., стр. 520). Палиенко видитъ ограниченіе суверенитета въ необходимости государственной власти, какъ устанавливающей юридическій порядокъ, дѣйствовать на основаніи нормъ права. „Суверенная государственная власть, какъ таковая, является властью, которая лишь въ своемъ собственномъ правѣ находитъ свое опредѣленіе и ограниченіе; не въ томъ смыслѣ, что право государства является для его власти какой-либо внѣшней границей, установленной какимъ-либо внѣшнимъ авторитетомъ для государства, или же правомъ, которымъ государство само себя по своему желанію обязываетъ или признаетъ для себя обязательной нормой, но государство въ силу самой своей природы является юридически организованнымъ союзомъ властвованія, его власть въ силу самой своей природы является правою властью, могущею осуществляться лишь въ правовыхъ формахъ“ (Суверенитетъ, Ярославль, 1903, стр. 411). Ту же идею болѣе подробно защищалъ Палиенко и въ изслѣдованіи Ученіе о существѣ права и правовой связности государства, Харьковъ, 1908, стр. 310 и сл.

довательно, границы суверенитета. Такимъ образомъ границы суверенной власти исходятъ отъ нея самой, а не извнѣ; право же положительное само является проявленіемъ этой силы, и потому нельзя говорить о позитивно-юридическихъ ограниченіяхъ суверенной власти. Будутъ и остаются лишь фактическія границы, а не юридическія ограниченія. Теоріи, считающія суверенитетъ ограниченнымъ верховными принципами независимаго отъ государственной власти права, а иногда даже отрицающія суверенитетъ совершенно, какъ находящійся въ противорѣчій съ принципами права, или покоятся на недоразумѣніи, такъ какъ здѣсь смѣшивается позитивно-юридическая точка зрѣнія съ нравственной, или вытекаютъ изъ неправильнаго пониманія природы права. Суверенная власть есть явленіе положительнаго права, творецъ и высшая инстанція въ рѣшеніи вопросовъ положительнаго права; но область чисто нравственныхъ нормъ находится внѣ компетенціи положительной юридической суверенной власти, и, конечно, власть, какъ и всякое положительное человѣческое созданіе, ограничена ими. Всѣ эти теоріи, въ сущности, говорятъ о независимости отъ государственной власти и даже о верховенствѣ надъ ней именно нравственной критики или такъ называемаго естественнаго права.

Отрицаніе юридической неограниченности суверенитета указаніемъ на требуемое разумомъ подчиненіе всякой власти объективному праву, выводимому разумомъ изъ разсмотрѣнія природы общества, основывается на неправильномъ пониманіи природы права и на коренномъ недоразумѣніи. Если даже допустить существованіе права, не зависящаго отъ суверенной власти и лишь констатируемаго органами власти, то этимъ ни юридическая, ни политическая проблемы еще не разрѣшены: независимая отъ органовъ власти норма права существуетъ, но въ чемъ она заключается? Кто намъ скажетъ ея содержаніе? Настолько ли оно очевидно, что всѣ члены

общества одинаково ее понимают? Но мы знаемъ, что, увы, человѣческія мнѣнія слишкомъ различны, и нѣтъ ни одной столь очевидной нормы, чтобы на ней согласились всѣ люди. Возникаетъ, слѣдовательно вопросъ: если и существуетъ высшая и „безличная“ норма права, для всѣхъ обязательная, то кто же призванъ опредѣлять ея содержаніе; и если различными людьми это содержаніе будетъ опредѣляться различно, то какое и чье опредѣленіе должно считаться правильнымъ? Наконецъ, если даже наступить согласіе о содержаніи опредѣленной нормы права, кто будетъ окончательно и безспорно рѣшать, подходитъ ли данный конкретный случай подъ эту норму, т. е. кто будетъ рѣшать окончательно вопросъ о правѣ.

Суверенитетъ есть не что иное, какъ правомѣрная власть опредѣлять содержаніе нормъ права и рѣшать споры о примѣненіи ихъ. Отвѣтить, что суверенитета нѣтъ по той причинѣ, что всякая власть должна лишь выражать право, и что ея положеніе ничѣмъ не отличается отъ положенія каждаго отдѣльнаго индивида, значитъ или стать на вполне анархическую точку зрѣнія и признать за каждымъ индивидомъ такое же право утверждать, что является правомъ и что имъ не является, — причемъ нѣтъ никакой практической возможности установить, кто же правъ въ своихъ утвержденіяхъ, — или признать существованіе высшей инстанціи, имѣющей компетенцію разрѣшать по крайней мѣрѣ формально, что есть право, и такимъ образомъ признать существованіе суверенитета, такъ какъ суверенитетъ есть не что иное, какъ это право окончательно формально рѣшать вопросы о правѣ.

Болѣе основаній, повидимому, имѣютъ представители международного права, указывающіе на то, что существованіе положительнаго международного права, которому подчиняются и суверенныя государства, несовмѣстимо съ юридической неограниченностью государственной суверенной власти.

Если государственная суверенная власть юридически все может внутри сферы своего дѣйствія (и то сомнительно, такъ какъ и здѣсь могутъ быть постоянно затронуты нормы международного права), то въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ она подчинена международному праву. Блюнчли упрекалъ Бодена за то, что онъ видѣлъ въ суверенитетѣ абсолютную власть, между тѣмъ какъ современное государство подобной власти не знаетъ. Въ своемъ Кодексѣ международного права онъ писалъ: „Суверенитетъ не обозначаетъ ни абсолютной независимости, ни абсолютной свободы, такъ какъ государства — не абсолютныя существа, а лица, права которыхъ ограничены. Идея суверенитета впервые развилась во Франціи, и это было въ эпоху, когда королевская власть стремилась сконцентрировать въ своихъ рукахъ всѣ государственныя власти, вопреки противодействию феодаловъ и парламентовъ. Съ тѣхъ поръ въ словѣ суверенитетъ остается отбѣнокъ абсолютизма, съ трудомъ уничтожаемый. Этотъ абсолютизмъ находится однако въ противорѣчій какъ съ конституціонной природой нынѣшнихъ государствъ, такъ и съ солидарностью, существующей нынѣ между различными народами земного шара. Государство можетъ претендовать только на независимость и свободу, совмѣстимыя съ необходимой организаціей человѣчества, съ независимостью другихъ государствъ и съ узами, соединяющими государства между собою. Международное право одновременно и поддерживаетъ и ограничиваетъ суверенитетъ государства, такъ какъ оно стремится поддержать миръ и цивилизуетъ войну, регламентируя ее. Ни одно государство не можетъ ссылаться противъ международного права на свой суверенитетъ, такъ какъ международное право покоится не на произволѣ государства, а на общихъ правахъ и интересахъ всего человѣчества“ (§ 65—66).

1) Эта точка зрѣнія сдѣлалась общимъ мѣстомъ у громаднаго большинства писателей по международному праву. „Политически нормаль-

Однако хотя государство и подчиняется нормамъ международного права, нельзя его власть считать юридически ограниченной. Международное право существуетъ, но нѣтъ международно-правовой власти, и потому хотя и имѣются нормы международного права, но нѣтъ внѣ-государственной власти, органовъ, которые разрѣшали бы вопросы международного права, т. е. опредѣляли бы авторитетно содержаніе международно-правовой нормы и рѣшали бы, подъ какую норму подходитъ данный спорный случай. Содержаніе международно-правовыхъ нормъ опредѣляется самой государственной властью, при возникновеніи споровъ о правѣ эти споры разрѣшаются тоже самимъ государствомъ, и оно же примѣняетъ къ случаѣ нужды и единственное международно-правовое принужденіе, — войну. Третейскій судъ есть форма разрѣшенія спора добровольная и въ полной независимости принимаемая государствомъ. Рѣшенія международныхъ конгрессовъ принимаются по единогласію, и во всякомъ случаѣ они не обязательны для отдѣльнаго сувереннаго государства. Суверенная власть и въ международномъ правѣ юридически въполнѣ независима, такъ какъ кромѣ нея самой нѣтъ другой власти, которая указывала бы ей право.

ное, — говоритъ Гольцендорфъ, — для государственной практики чрезвычайно существенное требованіе продолжительной способности къ пріобрѣтенію и утвержденію международно-правовой личности, или такъ называемое состояніе полной силы лежитъ въ неопредѣляемомъ болѣе точно среднемъ положеніи отдѣльныхъ государствъ, исключаящемъ какъ безсиліе отдѣльныхъ государствъ, опасное для внутренняго существованія, такъ и чрезмѣрную ихъ силу, отрицающую чужеземное право. Иначе говоря, между предѣльными полосами недостаточно, слишкомъ малаго государства-общины и чрезмѣрно могучаго всемірнаго государства лежитъ юридически возможное состояніе сувереннаго государства" (*Handbuch des Völkerrechts*, II, стр. 9). Ограниченнымъ считаетъ суверенитетъ и гр. Л. Камаровскій (Международное право, 1908, стр. 35—36). Это воззрѣніе писателей по международному праву на ограниченность государственнаго суверенитета является основаніемъ того, что они въ большинствѣ случаевъ признаютъ существованіе „полусуверенитета“ и такъ называемыхъ „полусуверенныхъ“ государствъ.

Указанная неограниченность суверенной власти выражается въ двухъ направлѣніяхъ, имѣеть, такъ сказать, двѣ стороны, — верховенство и независимость. Среди множества властеотношеній, изъ которыхъ состоитъ политическая жизнь людей, на лѣстницѣ возвышающихся одна надъ другою властей, логически неизбѣжно мыслится власть, стоящая надъ всѣми другими и независимая отъ нихъ. Верховенство и независимость власти и составляютъ два основныя выраженія суверенитета. Разсматриваемая извнутри, по отношенію къ властямъ ей подчиненнымъ, суверенная власть является верховной; разсматривая извнѣ, по отношенію къ міру лежащему внѣ сферы своего дѣйствія, она является независимой. Обѣ эти стороны суверенитета тѣсно связаны между собой. Если власть зависима отъ другой, то, разумѣется, она уже не верховна, если же она верховна, то она не можетъ быть зависимой отъ другой власти, иначе верховна была бы эта послѣдняя власть. Верховенство является какъ бы положительнымъ свойствомъ власти, независимость отрицательнымъ. При концентраціи власти, при расширеніи сферы дѣйствія власти все болѣе выдвигается ея внутренне-верховный характеръ и все меньшее значеніе имѣеть моментъ независимости. При объединеніи всего человѣчества въ одинъ политическій союзъ суверенная власть была бы только верховной, о внѣшней же независимости ея, за неимѣніемъ внѣ ея другихъ самостоятельныхъ властей, не могло бы возникать и вопроса; при анархическомъ состояніи общества, наоборотъ, суверенитетъ власти (если можно такъ называть самостоятельное положеніе индивидовъ) сказывался бы въ одной ея независимости и свободѣ, такъ какъ о верховенствѣ, за неимѣніемъ подчиняющихся, нельзя было бы говорить.

Въ настоящее время всякая суверенная власть, существуя въ ряду другихъ суверенныхъ властей, по настоящему можетъ быть понята только какъ независимая власть. Такъ

какъ суверенитетъ, съ юридической стороны, есть исключительная власть рѣшать вопросъ о правѣ, то, слѣдовательно, въ немъ существененъ именно моментъ независимости власти. Въ настоящемъ смыслѣ слова нельзя считать ни одной суверенной власти верховной властью, т. е. подчиняющей себѣ все другія власти и не знающей иной отъ себя независимой власти, такъ какъ такой власти вообще нѣтъ: власти международнаго общенія государствъ противостоятъ независимая отъ нея власть государствъ, власть каждого государства знаетъ независимую отъ нея власть другихъ государствъ. Можно лишь говорить, что суверенитетъ есть высшая власть на данной территоріи; но это уже не есть абсолютно-верховная власть. Но и это не вполне точно, такъ какъ власть есть понятіе не территоріальное, а личное. На одной и той же территоріи, конкурируя, могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга властей, что мы и видимъ въ современныхъ государствахъ, принужденныхъ считаться на своей территоріи и съ внѣземельностью иностранныхъ представителей и съ охраняющей властью другихъ государствъ надъ своими подданными. Поэтому существеннымъ признакомъ суверенной власти должно считать не верховенство (такъ какъ это верховенство простирается лишь на ограниченную сферу подчиненныхъ ей отношеній, а въ такомъ смыслѣ каждая власть, поскольку она власть для подчиняющихся ей, верховна), а независимость власти отъ какой бы то ни было другой власти. Верховенство и еще потому нельзя считать основнымъ признакомъ суверенитета, что при обозначеніи власти верховною власть берется не какъ таковая во всей совокупности своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, а лишь въ искусственной изолированности отъ другихъ, независимыхъ по отношенію къ ней, властей. Между тѣмъ, обозначая суверенную власть, какъ

абсолютно независимую, мы беремъ ее во всей ея жизненной полнотѣ¹⁾.

1) Только такое, чисто формальное опредѣленіе можетъ быть дано суверенитету. Тщетными нужно считать всѣ попытки дать ему опредѣленнаго матеріальное содержаніе. Нельзя непременно отождествлять суверенитета именно съ государственной властью на томъ основаніи, что только государственная власть суверенна; въ этомъ случаѣ предполагается установленнымъ то, что требуется еще доказать. Изъ того факта, что государственные органы въ опредѣленный, историческій моментъ осуществляютъ извѣстныя функціи власти, — право ли войны или заключенія договоровъ, право ли имѣть своихъ дипломатическихъ представителей, право ли самоуправления и самообложенія, право ли устанавливать свои конституціи, — слишкомъ поспѣшно заключать, что эти функціи власти и составляютъ матеріальное содержаніе суверенитета. Компетенція государственной власти постоянно измѣнялась, то суживаясь, то расширяясь, и каждое изъ отдѣльныхъ правъ, причисляемыхъ къ матеріальному содержанію суверенитета, принадлежало или можетъ принадлежать такимъ человѣческимъ общеніямъ, которыя не имѣютъ государственнаго характера: право войны принадлежало въ средніе вѣка и частнымъ лицамъ, въ новѣйшее время частнымъ компаніямъ вродѣ Остъ-индской, представителей посылаютъ и подчиненныя провинціи, автономія и самоуправленіе принадлежность не однихъ государствъ, право давать себѣ конституціи принадлежитъ по правилу и церковнымъ союзамъ.

Подъ суверенитетомъ слѣдуетъ почитать только то свойство совершенной политической власти, въ силу котораго она получаетъ мотивы для своего дѣйствія не отъ высшей и находящейся внѣ ея силы, а черпаетъ ихъ юридически абсолютно-независимо изъ себя самой. Мы считаемъ однако излишней и ненужной схоластикой, которой часто предаются нѣмецкіе авторы (см., напр., *Rehm, Allgemeine Staatslehre* (1899), стр. 57—60), противопоставленіе смысла слова суверенитета, какъ понятія верховенства и независимости власти, какъ понятія самой верховой (государственной) власти, какъ положенія высшаго государственнаго органа, какъ отношенія полноправнаго государства къ зависимымъ отъ него странамъ. Когда Декларация правъ въ статьѣ 3-й провозглашала: *Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation*, то этимъ разумѣлось только то, что верховный характеръ государственная власть получаетъ именно отъ воли народа, тотъ же смыслъ разумѣется и подъ выраженіемъ суверенитетъ народа или суверенитетъ государства. Изъ того, что мы будемъ считать, что суверенность государственной власти придается не волей народа или монарха, а волей государства, какъ личности (какъ это думаетъ большинство нѣмецкихъ авторовъ), смыслъ самого слова суверенитета, какъ верховенства и независимости власти, нисколько не мѣняется.

II. Юридическая природа государства.

I. Государство, какъ суверенный союзъ. Критика отрицающихъ это теорій. — II. Теоріи государства, какъ юридического лица. — III. Теоріи государства, какъ юридического отношенія. — IV. Государство, какъ юридическое лицо и какъ юридическое отношеніе.

Власть даетъ жизнь праву и въ формахъ неорганизованнаго общественнаго принужденія, какое мы находимъ какъ въ международномъ общеніи, такъ и въ менѣ значительныхъ обществахъ при отсутствіи или слабости политической организаціи, но главное правовое проявленіе власти совершается черезъ планомѣрную работу государственныхъ органовъ. Въ государствѣ власть находитъ себѣ наиболѣе совершенную и законченную организацію.

Какъ въ философіи права главнымъ вопросомъ, способствовавшимъ развитію юридической мысли, было опредѣленіе права, такъ и въ философіи государства творческую роль для развитія науки игралъ основной вопросъ опредѣленія государства и въ частности вопросъ юридической конструкціи государства.

Государство есть политическій союзъ, т. е. такое соединеніе людей, отличительнымъ признакомъ котораго является власть. Изъ ряда другихъ политическихъ союзовъ государство выдѣляется издавна суверенитетомъ объединяющей его власти. Суверенитетъ есть необходимый признакъ государства. Однако въ послѣднее время это утвержденіе было

подвергнуто сомнѣнію, и потому вопросъ этотъ требуетъ своего спеціальнаго изслѣдованія. Наше мнѣніе сходится съ традиціоннымъ ученіемъ въ томъ, что мы считаемъ государство сувереннымъ союзомъ, понимая суверенитетъ въ только что развитомъ нами смыслѣ.

Подобно тому какъ природу права вообще, такъ и юридическую природу государства напрасно старались бы мы понять, исходя изъ какого-нибудь односторонняго принципа. Одинаково не отвѣчающими сложной политической дѣйствительности являются какъ теоріи, видящія въ государствѣ только юридическое лицо властвованія, такъ и теоріи, стремящіяся понять государство, какъ юридическое отношеніе, юридическій порядокъ. Правильнымъ и здѣсь нужно признать синтетическое воззрѣніе на государство, признающее, что подъ однимъ угломъ зрѣнія государство есть лицо, но, рассматриваемое съ другой точки зрѣнія, оно есть и юридическое отношеніе.

I.

Формальный признакъ совершенной политической власти, т. е. суверенитетъ, есть основное характерное свойство, отличающее государство отъ ряда другихъ не-государственныхъ политическихъ союзовъ. Государство есть союзъ суверенный, т. е. юридически самостоятельно и окончательно рѣшающій вопросы права, какъ внутри, такъ и внѣ, внутри — какъ верховный, внѣ — какъ независимый. Внѣ-государственные отношенія носятъ анархическій характеръ, т. е. всякій вопросъ о правѣ, который подвергнуть сомнѣнію, можетъ быть разрѣшенъ не какою-либо высшею инстанціею, а самимъ государствомъ. Внѣ, государство не знаетъ никакой юридической власти надъ собой, такъ какъ хотя оно и подчинено нормамъ международнаго права, но рѣшать вопросъ о томъ, что право и что неправо въ каждомъ данномъ случаѣ, предоставлено государству.

Мы полагаемъ, что нѣтъ возможности выдѣлить государство, какъ таковое, изъ ряда другихъ политическихъ союзовъ, если не будетъ признано, что государства суть тѣ политическіе союзы, которые являются юридически вполнѣ независимыми по отношенію ко всѣмъ другимъ союзамъ, т. е. могутъ окончательно рѣшать всякій юридическій вопросъ; другими словами, государства — суверенные союзы. Гдѣ нѣтъ полной независимости, тамъ вообще нѣтъ независимости, такъ какъ понятіе независимости, т. е. юридической неограниченности, не можетъ быть логически ограничено. И разъ будетъ признано существованіе и несуверенныхъ государствъ, то не будетъ никакой возможности юридически отличить государство отъ всякой автономной провинціи и колоніи, и тогда надо будетъ считать и Гамбургъ, и Финляндію, и Новую Зеландію особыми государствами. Тогда какой угодно политическій союзъ и гдѣ угодно можно считать государствомъ.

Для того, чтобы узнать безошибочно, обладаетъ ли данный политическій союзъ государственнымъ характеромъ, необходимо установить, принадлежитъ ли ему суверенитетъ, чтó узнается изъ разсмотрѣнія не столько внутренняго строенія даннаго союза, сколько его внѣшнихъ отношеній ко всѣмъ другимъ союзамъ. Только изъ разсмотрѣнія этихъ послѣднихъ можемъ мы достовѣрно узнать, нѣтъ ли какой-нибудь внѣ даннаго политическаго союза находящейся власти, могущей, вопреки власти даннаго союза и повелѣвая ей, рѣшать вопросы права. „Il faut, совершенно правильно писалъ еще Боденъ, que ceux-là qui sont souverains, ne soient aucunement subjects aux commandements d'autrui“. „Le souverain est celui qui ne peut être commandé de personne, et que peut commander à tous“¹⁾.

1) Воззрѣніе, считающее суверенитетъ необходимымъ и существеннымъ признакомъ государства, принимается очень многими юристами,

Въ пользу традиціоннаго боденовскаго пониманія государства, кромѣ того, что оно вполне отвѣчаетъ дѣйствительности, говоритъ также и полная неудача всѣхъ другихъ теорій, старавшихся найти специфическій критерій государства внѣ суверенитета.

Протестъ противъ боденовской традиціи возникъ первоначально въ нѣмецкой литературѣ. Обычное воззрѣніе, считающее суверенитетъ необходимымъ признакомъ государства, было господствующимъ и въ нѣмецкой юридической литературѣ до семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, когда вслѣдствіе образованія федеративной Германской Имперіи въ нѣмецкой наукѣ произошелъ поворотъ во взглядѣ на суверенитетъ, какъ

хотя, надо сказать, и не пользуется особннымъ успѣхомъ среди русскихъ ученыхъ. Какъ на суверенный союзъ, смотрѣли на государство: Чичеринъ, Курсъ Государственной науки, I (1894), стр. 58 и сл.; А. С. Алексѣевъ, Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти, 1894, стр. 34—35 („Государственная власть, въ виду именно того, что она, и только она призвана охранять правовой порядокъ въ предѣлахъ территоріи государства, по самой природѣ своей должна быть властью въ юридическомъ отношеніи безусловный и неограниченный, — другими словами, должна обладать суверенитетомъ“); Палиенко, Суверенитетъ, 1903, стр. 512—567 (гл. IX „Суверенитетъ, какъ отличительный признакъ государства“. „Наше изслѣдованіе понятія суверенитета въ его историческомъ развитіи и правовомъ значеніи въ связи съ его отношеніемъ къ правовой природѣ государства приводитъ насъ къ убѣжденію въ необходимости сохраненія этого понятія и въ настоящее время, какъ центрального въ понятіи государства. Именно суверенитетъ является не только исторической категоріей, но характеризуетъ собою и нынѣ юридическую природу государственнаго властвованія и является тѣмъ необходимымъ критеріемъ, который даетъ отличить государство отъ другихъ публичныхъ союзовъ“. Впослѣдствіи Палиенко перемѣнилъ свой взглядъ); Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, 1911, стр. 277 („Власть государства безусловна въ томъ смыслѣ, что единственные ограничения, которыя она знаетъ, исходятъ отъ самаго государства“). Ср. также Seydel, Kommentar zur Reichsverfassung, стр. 1 и сл.; Zorn, Staatsrecht des deutschen Reiches, I, стр. 63; Gierke, Deutsches Privatrecht, I, стр. 475; Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, II, стр. 371, 463 и сл.; Le Fur, L'Etat fédéral et confédération d'Etats, стр. 395; и др.

на существенный признак государства. Послѣ того какъ была отвергнута теорія дѣлимости суверенитета, нѣмецкіе авторы стали предъ альтернативой: или видѣть, какъ и прежде, въ суверенитетѣ существенный признакъ государства, но отказаться (вслѣдствіе упорнаго желанія примѣнять принципъ юридическаго лица къ внутренне-государственнымъ отношеніямъ) отъ пониманія своеобразной природы федеральнаго государства, или отбросить понятіе суверенитета, какъ существеннаго признака государства, и искать такого признака въ другихъ моментахъ ¹⁾.

Нѣкоторые авторы, изъ отрицающихъ суверенитетъ, какъ необходимый признакъ государства, пытались, — но неудачно, — найти отличительный признакъ въ цѣляхъ, которымъ служатъ государственные союзы. Такъ, напримѣръ, устанавливали между государственнымъ и общиннымъ или провинціальнымъ союзами то различіе, что община есть организація мѣстнаго общенія, государство — общенія національнаго. Въ то время какъ цѣль общины состоитъ въ удовлетвореніи общинныхъ нуждъ, вытекающихъ изъ факта соединенія жителей въ одномъ мѣстѣ и изъ близости земель, государство пытается осуществить интересы національные, свойственные народу, какъ естественному сообществу.

Однако нѣтъ возможности отличить мѣстныя цѣли отъ цѣлей національныхъ, такъ какъ онѣ различаются другъ отъ друга не по качеству, а по степени. Кромѣ того, при такомъ критеріи нельзя различить общинъ отъ штатовъ федеральнаго государства и отъ такъ называемыхъ несuverенныхъ

1) Поворотъ въ этомъ отношеніи въ нѣмецкой литературѣ связанъ съ именемъ Георга Мейера, впервые объявившаго прежнее государственное опредѣленіе, выработанное Боденомъ для отношеній французскаго унитарнаго государства, не подходящимъ къ новымъ условіямъ федеративныхъ соединеній: Georg Meyer, Staatsrechtlichen Erörterungen über die deutsche Reichsverfassung, Leipzig, 1872. За Г. Мейеромъ послѣдовали въ этомъ отношеніи Лабандъ, Шульце, Еллинекъ, Розинъ, Бри и др.

государствъ. Мы знаемъ не мало такихъ политическихъ образованій, которыя преслѣдуютъ общенациональныя цѣли и однако ни въ какомъ отношеніи не являются государствами, напр. Польша и Финляндія.

Иногда этотъ критерій, отличающій государство отъ подобныхъ ему политическихъ союзовъ по признаку цѣли, формулируется такъ, что изъ всѣхъ политическихъ союзовъ одно государство признается имѣющимъ универсальную цѣль, которой и соотвѣтствуетъ универсальная компетенція. Объясняя признакомъ государства универсальность цѣли и компетенціи, въ сущности возвращаются къ понятію суверенитета, такъ какъ только союзы, надѣленные суверенной властью, могутъ обладать универсальностью цѣлей и компетенціи ¹⁾.

Особенный успѣхъ имѣла попытка опредѣлить государство, не пользуясь понятіями суверенитета, связанная съ именами Лабанда и Еллинека. Эти авторы попытались, отбросивши суверенитетъ какъ необходимую принадлежность государствъ, расширить понятіе государства и найти существенный признакъ государства въ собственномъ правѣ властвованія. Какъ Лабандъ, такъ за нимъ и Еллинекъ, основывались въ этомъ расширеніи понятія государства на томъ, что хотя опредѣленіе государства получено главнымъ образомъ изъ понятія государства унитарнаго, т. е. независимаго, суве-

1) Rosin, *Souveränität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung* (*Annalen des deutschen Reiches*, 1883, стр. 265 и сл.); Brie, *Theorie der Staatenverbindungen*, 1886, стр. 1—16. Что дѣлаетъ теорію Бри особенно не точною, такъ это его признаніе существованія несuverенныхъ государствъ и стремленіе провести разграничительную линію между государствами несuverенными и политическими союзами низшаго порядка. Съ точки зрѣнія цѣлей нѣтъ никакой разницы между несuverенными государствами и другими автономными союзами: по отношенію къ сувереннымъ государствамъ они одинаково не могутъ расширять своей компетенціи и одинаково могутъ быть въ ней ограничены со стороны суверенныхъ государствъ; по отношенію къ подчиненнымъ имъ союзамъ они одинаково могутъ расширять свою компетенцію.

ренного, но тѣмъ не менѣе словоупотребленіе противорѣчитъ такому опредѣленію государства. Въ Германской Имперіи не сомнѣваются давать названіе государства странамъ не-сувереннымъ; члены Сѣверо-американскаго союза называются также государствами; политическія группы, зависѣвшія или зависящія отъ Турціи, носятъ названіе государствъ. Поэтому Лабандъ уже въ первомъ изданіи своего Нѣмецкаго государственнаго права (1876 г.) выставилъ положеніе, что характерный признакъ государства нужно искать въ томъ, что государства владѣютъ правовымъ и политическимъ властвованіемъ въ силу собственнаго права, не по передачѣ и не какъ органы, которыми пользуется высшая власть для выполненія своихъ обязанностей и осуществленія своей воли, а какъ субъекты правъ, дѣйствующіе независимо, со всей свободой, въ собственной юридической сферѣ.

Это положеніе вскорѣ было принято Еллинекомъ и лишь нѣсколько видоизмѣнено въ его Ученіи о государственныхъ соединеніяхъ (1882). Принявъ признакъ собственнаго права и понявъ его, какъ право неконтролируемое, онъ положилъ его въ основу своего ученія о государствѣ.

Такъ какъ возникли сильныя возраженія противъ неопредѣленности понятія собственнаго права, Лабандъ въ послѣдующихъ изданіяхъ своего Государственнаго права принужденъ былъ, для сохраненія своего положенія, развитъ и обосновать его. Рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣетъ, по его послѣдующимъ разъясненіямъ, не собственное право, а собственное право властвованія. Именно во властвованіи лежитъ основа различія. Специфическое различіе состоитъ въ томъ, что всякое государство, даже самое малое, имѣетъ право властвованія, тогда какъ всякая другая коллективность ихъ не имѣетъ, какъ бы она велика и значительна ни была. Властвовать

же значить имѣть право приказывать, предписывать свободнымъ лицамъ или общинамъ свободныхъ людей опредѣленные дѣйствія и воздержанія отъ опредѣленныхъ дѣйствій, налагать подати и принуждать ихъ сообразоваться съ такими своими предписаніями.

Но дальнѣйшія разъясненія Лабандомъ того, что онъ разумѣетъ подъ собственнымъ правомъ властвованія, разрушаютъ его положенія. Властвованіе надъ лицами, по его мнѣнію, существенный пунктъ, изъ котораго рождается противоположеніе права публичнаго праву частному. Частное право знаетъ властвованіе только надъ вещами, къ которымъ принадлежать также и рабы. По отношенію къ свободнымъ лицамъ оно знаетъ только права по долговой претензіи, которыя не содержатъ никакого принудительнаго права противъ должника и не заключаютъ въ себѣ юридической власти приказывать ему что-нибудь. Въ обязательственныхъ отношеніяхъ и вѣритель и должникъ находятся на равной ногѣ; вѣритель не имѣетъ никакой власти надъ должникомъ. Право же властвованія, наоборотъ, состоитъ въ юридической власти, имѣющей авторитетъ надъ подчиненными, въ юридически законной власти принудить ихъ къ повиновенію данному приказу. Еще и теперь существуетъ въ семьѣ, прототипъ государства и первомъ источникѣ всѣхъ публичныхъ правъ, слабый остатокъ того первоначальнаго характернаго свойства, которое уподобляло ее государству, — отцовская и материнская власть. Хотя это право только слабый отблескъ того, чѣмъ оно было при своемъ возникновеніи, тѣмъ не менѣе оно сохранило свою специфическую природу. По этой же причинѣ феодальный режимъ могъ, въ средніе вѣка, создать главное основаніе для образованія государства, такъ какъ право сюзерена не было правомъ вѣрительнымъ, а правомъ властвованія. Въ нынѣшнемъ правѣ нѣтъ, за исключеніемъ слабаго остатка, сохраняющагося въ

юридической власти семьи, ни частного подчинения, ни частного властвования. Въ этомъ специфическая привилегія государства, которую оно ни съ кѣмъ не раздѣляетъ. Одна его воля имѣетъ власть сокрушать волю индивидовъ, располагать ихъ имуществомъ, ихъ естественной свободой и ихъ жизнью. Право принуждать свободныхъ людей къ повиновению принадлежитъ только государству. Ни община, ни другой какой-нибудь подобный ей союзъ не владѣютъ этимъ правомъ, какъ правомъ собственнымъ, имѣющимъ основаніе только въ себѣ самомъ и въ свободной волѣ союза. Община можетъ быть уполномочена издавать полицейскія предписанія относительно налоговъ и т. п., но всѣ эти предписанія повелительный характеръ получаютъ только по волѣ государства. Община можетъ имѣть иногда собственное право управления, даже собственное право юрисдикціи; но какъ только возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы обезпечить своимъ приказамъ повиновеніе, нужно, или чтобы община обратилась для этого къ авторитету государства, или чтобы государство само передало общинѣ пользованіе его „державной“ властью для опредѣленныхъ случаевъ. Когда политическій союзъ уполномоченъ давать приказы, имѣющіе повелительный характеръ, и, въ случаѣ нужды, принуждать силою къ выполнению этихъ своихъ приказовъ, онъ дѣйствуетъ отъ имени и за счетъ государства, въ качествѣ какъ бы представителя государства.

Со взглядомъ Лабанда согласенъ въ общихъ чертахъ и Еллинекъ. „Существенный признакъ государствъ, писалъ онъ, есть наличность государственной власти. Государственная же власть есть первоначальная господствующая власть, господствующая въ силу собственного могущества и потому по собственному праву. Объемъ этой власти господства для ея существованія совершенно безразличенъ. Гдѣ общеніе можетъ осуществлять господство въ силу первоначальной власти и при помощи первоначальныхъ принудительныхъ

средствъ, сообразно своему собственному порядку, — тамъ и государство на лицо“¹⁾).

Однако несмотря на весь свой внѣшній успѣхъ, теорія эта въ теоретическомъ отношеніи очень слаба. Прежде всего нельзя признать вполне достаточнымъ тотъ мотивъ, по которому стремятся придать государству расширенное пониманіе, исключаяющее изъ числа его признаковъ суверенитетъ власти: обычное словоупотребленіе, дающее названіе государства и такимъ политическимъ союзамъ, которые не обладаютъ суверенной властью. Если ошибочно называютъ государствомъ вассальную область или отдѣльный штатъ федеральнаго государства, то это не должно мѣшать установленію правильнаго опредѣленія государства, ибо могутъ по рутинѣ называть государствомъ то, что имъ уже или еще не является. Впрочемъ слово государство не имѣетъ

1) Право современнаго государства, 1908, стр. 358—9. Это воззрѣніе на государство и суверенитетъ получило очень сильное распространеніе среди русскихъ ученыхъ: Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, 5 изд., стр. 239—240 („Отличительнымъ признакомъ государства служить самостоятельная принудительная власть. Но самостоятельность не предполагаетъ неограниченности или полной независимости“), Русское государственное право, 4 изд., стр. 148—149 („Наилучшее разрѣшеніе этого вопроса находимъ у Еллинека. Признать, что государства могутъ быть и несuverенными, отличительный признакъ государства онъ видитъ во властвованіи по собственному праву и потому самостоятельномъ, неподлежащемъ ничьему надзору“); Горенбергъ, Теорія союзаго государства, 1891, стр. 125; Кокошкинъ, Русское государственное право, 1908, II, 66, 75—78 („Суверенитетъ является только обычнымъ, но не необходимымъ признакомъ государства“. „Территоріальные союзы нужно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) государственные союзы, обладающіе самостоятельной властью и 2) не-государственные союзы (провинціи, общины), обладающіе лишь производной властью. Государства въ свою очередь дѣлятся на государства суверенныя и несuverенныя“); Палиенко въ послѣдней своей работѣ Ученіе о существѣ права (1908) отказывается отъ прежняго боденовскаго взгляда и принимаетъ, какъ отличительный признакъ государства, первоначальность, неделегированность власти (стр. 312—314); эту же точку зрѣнія считаетъ правильной и Байковъ, Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права, стр. 258—259.

точного смысла и въ обиходномъ (въ особенности нѣмецкомъ и французскомъ) языкѣ. Государствами называются не только вассальныя области и отдѣльные штаты федеральныхъ государствъ, но и провинціи нѣкоторыхъ государствъ; наоборотъ, иногда называютъ провинціями штаты нѣкоторыхъ федеральныхъ государствъ и даже настоящія независимыя государства. Аргентинская федерація состоитъ изъ 14 федерированныхъ штатовъ, называющихся въ аргентинской конституціи провинціями; когда Нидерланды образовывали конфедерацію государствъ, они назывались республикой Соединенныхъ Провинцій. Можно скорѣе утверждать, что въ обиходномъ, по крайней мѣрѣ русскомъ, словоупотребленіи слово государство возбуждаетъ идею независимаго союза.

Желая избѣжать той критики, которую возбудило противъ себя пониманіе Еллинекомъ собственнаго права, какъ неконтролируемаго права, Лабандъ, какъ мы видѣли, утверждалъ, что специфическій признакъ различія надо искать не въ собственномъ правѣ, а въ собственномъ правѣ властвованія. Но это нисколько не измѣняетъ вывода, какой дѣлается по отношенію къ собственному праву. Самъ Лабандъ признавалъ, что принуждать, т. е. властвовать, могутъ не одни государства, но что всѣ другіе союзы пользуются этимъ властвованіемъ лишь по порученію государства, государство же осуществляетъ его по собственному праву. Такимъ образомъ, признакъ различія въ концѣ концовъ все же лежитъ въ собственномъ правѣ.

Что же представляетъ собою это собственное право? Лабандъ предпочелъ не давать никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Еллинекъ же понялъ его, какъ неконтролируемое право, какимъ, по его мнѣнію, обладаютъ и штаты федеральныхъ государствъ (*Die Lehre von den Staatenverbindungen*, стр. 41 и сл.). Это утверждение относительно союзныхъ частей федеральнаго государства совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности. Власть каждаго

штата федерального государства тѣсно ограничена опредѣленной компетенціей и въ случаѣ, если она выходитъ изъ своей компетенціи, то федеральное, суверенное государство можетъ заставить ее войти въ границы своей компетенціи, подвергая такимъ образомъ дѣйствія этой власти своему контролю. Контроль этотъ проявляется по самымъ различнымъ отдѣламъ компетенціи штатовъ. Если, обладая правомъ заключать договоры съ иностранными государствами, штатъ воспользуется этимъ правомъ, онъ обязанъ сообщить этотъ договоръ федеральной власти въ цѣляхъ контроля, не наноситъ ли онъ ущерба общефедеральнымъ интересамъ (швейц. конст. ст. 7 и 9, констит. Соедин. Штатовъ, I, 10, § 3); если общефедеральной конституціей гарантирована опредѣленная форма правленія въ отдѣльныхъ штатахъ, какъ это мы видимъ въ Соедин. Штатахъ, Швейцаріи и др., то федеральный контроль простирается и на внутреннія дѣла штата, и т. д.

Дѣйствительно неконтролируемое право властвованія, т. е. власть окончательно и внѣ всякаго юридически возможнаго контроля рѣшать вопросъ о правѣ, имѣется на лицо только тамъ, гдѣ существуетъ полная независимость, т. е. суверенитетъ; неконтролируемое право есть суверенное властвованіе. То же нужно сказать и о собственномъ правѣ. Истинно собственное право, т. е. такое, какого юридически никто отнять не можетъ, принадлежитъ только сувереннымъ государствамъ. Члены же федерального государства, власть которыхъ противъ ихъ собственнаго желанія, путемъ болѣе или менѣе сложнаго измѣненія конституціи, можетъ быть отнята и низведена до положенія простой провинціальной власти, не обладаютъ въ настоящемъ смыслѣ слова собственной властью.

Нельзя также воспользоваться признакомъ собственнаго права, понимая его и въ переносномъ смыслѣ, какъ право, возникшее въ томъ политическомъ союзѣ, который имѣ

обладаетъ, а не право переданное ему, полученное имъ отъ другой власти. Этому не отвѣчаетъ историческая дѣйствительность. Въ большинствѣ государствъ автономія общинъ, сохраняемая ими въ предѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, беретъ свое начало еще въ томъ періодѣ исторіи, когда эти общины пользовались полной изначальной свободой и независимостью, и, слѣдовательно, она не является правомъ, переданнымъ имъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., въ Бразиліи и Мексикѣ, государства, бывшія сначала унитарными, передали часть своей власти штатамъ, образованнымъ уже потомъ. Болгарія получила собственное право властвованія въ силу уступки Турціи. И т. д. Изъ разсужденій Лабанда слѣдуетъ, — и онъ самъ съ этимъ соглашается, — что собственнымъ правомъ властвованія обладали и первобытная семья и феодальныя группы. Слѣдовательно, пользуясь этимъ признакомъ, нельзя установить различія между первобытной семьей, феодальнымъ леномъ и современнымъ государствомъ.

Своеобразную, но тоже неудачную, попытку найти характерный признакъ государства не въ общей независимости (т. е. суверенитетѣ) его власти, а въ независимости (юридической) хотя бы нѣкоторой части власти даютъ теоріи ограниченного суверенитета, на одной изъ которыхъ мы и остановимся нѣсколько¹⁾. Гренобльскій проф. Мишу пытается найти юридическій критерій, отличающій государство отъ другихъ территоріальныхъ общеній, внѣ понятія суверенитета, въ неуправомоченности никакой другой власти, внѣ даннаго союза находящейся, вполне уничтожить права публичной власти даннаго территоріальнаго союза. По его мнѣнію нужно исходить изъ идеи, что госу-

1) L. Michoud et A. de Lapradelle, La question finlandaise (Revue de droit public, 1900, т. XV, стр. 45 и сл.), Michoud, La theorie de la personnalité morale, I, 236—240.

дарство характеризуется не отрицательнымъ и тѣмъ уже недѣлимымъ свойствомъ суверенитета, какъ независимости, а совокупностью положительныхъ прерогативъ; независимость же этихъ прерогативъ есть лишь выѣшнее ихъ проявленіе и гарантія. Если государство осуществляетъ свои права публичной власти свободно, оно суверенно; но даже если оно ограничено по отношенію къ нѣкоторымъ изъ государствъ чуждою и вышею властью, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно теряетъ свойство государства. Оно теряетъ это свойство и нисходитъ до разряда провинціи, департамента или другого какого-нибудь территоріальнаго общенія только тогда, когда права публичной власти, осуществляемые имъ, могутъ разсматриваться какъ делегированныя чуждою и вышею властью, отъ которой оно зависитъ; и это узнается по этому признаку, что эта послѣдняя власть имѣетъ признанное право измѣнять или ограничивать указанное выше право публичной власти. Власть этой высшей власти въ этомъ случаѣ юридически неограничена и общины, подчиненныя ей, не могутъ претендовать на титулы государства. Критерій различія между государственными общеніями и негосударственными, по мнѣнію Мишу, слѣдующій: власть, господствующая надъ несuverенными государствами, юридически ограничена, она не можетъ вполнѣ разрушить права публичной власти, принадлежащія этому государству, иначе какъ прибѣгнувши къ грубой силѣ. Наоборотъ, власть, господствующая надъ общиною или провинціей, можетъ, не нарушая права, уменьшить или даже совсѣмъ уничтожить права власти, принадлежащія этимъ лицамъ.

Нельзя не признать этого различія государственныхъ отъ негосударственныхъ общеній, необычайно неопредѣленнымъ и совершенно неосуществимымъ съ точки зрѣнія позитивнаго права. Данное территоріальное общеніе, хотя и зависимое, несuverенное, является государствомъ, если высшая

власть, отъ которой оно зависитъ, юридически ограничена въ отношеніи къ нему. Юридически мы должны понимать здѣсь, разумѣется, не съ точки зрѣнія естественнаго права, покоящагося на требованіяхъ субъективнаго разума и нравственнаго сознанія и, слѣдовательно, не могущаго неоспоримо быть констатировано объективно, а съ точки зрѣнія права положительнаго, т. е. находящаго себѣ объективно-неоспоримое внѣшнее выраженіе черезъ опредѣленные органы. Для того, чтобы вполнѣ опредѣленно и окончательно рѣшить, что является правомъ или не-правомъ, нужна всегда суверенная власть. Если данное территоріальное общеніе не суверенно, т. е. не можетъ въ окончательной инстанціи рѣшить, что сообразно съ правомъ и что нѣтъ, то кто же имѣетъ право опредѣлить границу юридической компетенціи суверенной власти? Несуверенное территоріальное общеніе не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ ему не принадлежитъ эта власть. Это право можетъ принадлежать только суверенной власти, и, слѣдовательно, она сама, свободная, всегда можетъ, какъ ей угодно, опредѣлить границы своей компетенціи. Если бы право опредѣлять юридическую компетенцію дано было несуверенному общенію, оно могло бы произвольно всякій вопросъ объявлять выходящимъ за предѣлы юридической компетенціи своего суверена и сдѣлаться такимъ образомъ само сувереннымъ. Для опредѣленія юридической природы общенія важно всегда знать, кто можетъ юридически разрѣшить всякій споръ о компетенціи; если одно высшее суверенное общеніе, то подчиненное ему общеніе можетъ юридически правомѣрно быть лишено всякаго права властвованія (такъ вполнѣ согласно съ правомъ англійскій парламентъ можетъ дать то или другое устройство своимъ колоніямъ); если же этотъ споръ о компетенціи могутъ рѣшать только совмѣстно и высшее общеніе и общеніе, входящее въ него и подчиненное ему въ извѣстныхъ отношеніяхъ, тогда нужно признать, что ни одно общеніе

не суверенно исполнѣ другъ по отношенію къ другу, а для образованія сувереннаго рѣшенія необходима совмѣстная дѣятельность обоихъ. Но здѣсь мы входимъ въ область такъ называемыхъ федеративныхъ соединеній, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Подъ юридическимъ ограниченіемъ Мишу понимаетъ такое ограниченіе, когда конфликтъ между двумя властями можетъ разрѣшаться по опредѣленнымъ нормамъ, заранѣе намѣченнымъ и обязательнымъ одинаково какъ для болѣе сильнаго государства, такъ и для болѣе слабаго. Однако выставивъ такое положеніе, онъ, анализируя далѣе понятія юридическаго ограниченія, приходитъ къ воззрѣнію, что и ограниченное государство должно имѣть голосъ въ измѣненіи компетенціи. Когда двѣ власти сосуществуютъ на одной территоріи, говоритъ онъ, неизбѣжно, чтобы одна на нихъ имѣла то, что можно назвать правомъ на последнее слово въ дѣлахъ, по отношенію къ которымъ онѣ могутъ вступить въ конфликтъ. Но это право, по самой своей природѣ, ограниченное чрезвычайными обстоятельствами (кто же будетъ, спрашивается, судьей того, что въ данномъ случаѣ на лицо чрезвычайныя обстоятельства?) не помѣшаетъ низшей власти осуществлять нормально свои прерогативы и быть въ состояніи защищать ихъ противъ неоправдываемыхъ покушеній высшей власти. Съ другой стороны, сфера дѣйствія низшей власти можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть ограничена безъ ея формальнаго согласія (но кто же будетъ юридически правомѣрно рѣшать, что этотъ извѣстный случай наступилъ?); но, когда это будетъ возможно (опять спрашивается, кто будетъ юридически рѣшать вопросъ объ этой возможности?), нужно, чтобы она слѣдовала въ этомъ правильной, нормальной процедурѣ, обязательной какъ для высшей власти, такъ и для низшей; низшая власть будетъ имѣть въ этой процедурѣ свою долю участія, которой нельзя

у нея отнять. Это послѣднее ограниченіе, указанное Мишу, единственное дѣйствительное, — участіе мѣстной власти въ образованіи общей власти. Но здѣсь мы опять входимъ въ область теоріи федеративныхъ соединеній.

II.

Государство, конечно, не только правовое явленіе, но въ немъ много сторонъ, благодаря которымъ оно выходитъ далеко за предѣлы права. Изъ этого однако не слѣдуетъ выводить того заключенія, которое дѣлають нѣкоторые (напр. Шершеневичъ въ *Общей теоріи права*, стр. 211—3), будто государству можно дать только соціологическое опредѣленіе. Государство слишкомъ важное и рѣшающее участіе принимаетъ въ юридической жизни, творя и охраняя право внутри себя, подчиняясь праву или вступая въ юридическія отношенія въ международной жизни, чтобы можно было ограничиться однимъ соціологическимъ опредѣленіемъ его. Государство должно быть конструировано и юридически. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ представляются двѣ главныя возможности: конструировать государство или какъ юридическое лицо, т. е. какъ субъекта правъ, или какъ сложное правоотношеніе.

Большинство юридическихъ теорій государствъ слѣдуетъ по первому пути и всю систему государственнаго права строятъ на понятіи юридическаго лица государства. По этой теоріи, государство есть юридическое лицо, субъектъ права, имѣющій субъективное право на высшую политическую власть на данной территоріи надъ людьми, ее населяющими; оно есть моральное существо, личность, могущая осуществлять по отношенію къ лицамъ, входящимъ въ него, права власти, понимаемая, какъ юридическія отношенія, съ одной стороны, господства, съ другой — подчиненія.

Понятіе юридическаго лица, какъ субъекта права, заимствуется изъ гражданскаго права, но съ той разницей, что

въ гражданскомъ правѣ правоспособность юридическаго лица простирается на сферу имущественнаго права, правоспособность же юридическаго лица государства простирается на сферу публичныхъ правъ властвованія. Эти права властвованія принадлежатъ не правителямъ, не органамъ государственной власти, а самому государству, какъ таковому. „Съ юридической своей стороны, формулируетъ эту точку зрѣнія Еллинекъ, государство можетъ быть конструируемо только какъ субъектъ права, при чемъ, точнѣе, оно должно быть подведено подъ понятіе корпораціи. Субстратомъ корпораціи всегда являются люди, образующіе союзное единство, руководящая воля котораго сосредоточивается въ членахъ самого союза. Понятіе же корпораціи — чисто юридическое; какъ и всѣмъ другимъ правовымъ понятіямъ, ему въ мірѣ фактовъ не соотвѣтствуетъ что-либо объективно воспріимлемое; оно является формою юридическаго синтеза для выраженія юридическихъ отношеній союзнаго единства, отношенія его къ правопорядку. Поэтому, приписывая государству, какъ и вообще корпораціи, юридическую личность, мы не прибѣгаемъ къ ипостазированію или фикціи, ибо личность есть не что иное, какъ субъектъ права и означаетъ поэтому, какъ указано нами выше, отношеніе отдѣльной или коллективной индивидуальности къ правопорядку“¹⁾.

1) Право современнаго государства, 1908, стр. 132—3. Часто эту теорію готовы возводить чуть ли не къ Платону (*Politia*, IV, 435), хотя сомнительно, чтобы можно было примѣнять къ его ученію нашу современную юридическую терминологію; хотя въ видѣть эту теорію также и у Гоббса, такъ какъ онъ неоднократно говоритъ о *persona civilis* (*Civitas est persona una, cujus voluntas ex pacto plurium hominum pro voluntate habenda est ipsorum omnium ut singulorum viribus et facultatibus uti possit ad pacem et defensionem communem. De cive*, V, 9), но вѣрнѣе полагать, что государство понималось имъ, въ согласіи со всей англійской доктриной, какъ политическое тѣло (*Body politic*), см. *Hobbes, Elements of Law natural and political*, 1889, стр. 104. Ср. объ этомъ у Hatschek, *Englisches Staatsrecht*, I, 1905, стр. 70. Гораздо правильнѣе искать это воззрѣніе у Руссо, въ Общественномъ договорѣ. Эта теорія государства, какъ юридиче-

Впрочемъ иногда, именно такъ называемою органическою школою, понятію юридическаго лица придается не только чисто техническій признакъ правоспособности, но и чисто реальное, личное существованіе, съ особою реальною коллективною волею. Въ связи съ возрѣніемъ на государство, какъ на реальный общественный организмъ, готовы видѣть иногда въ немъ и реально существующую личность, воля которой реально образуется изъ составляющихъ ее индивидуальныхъ волей. Общеизвѣстнымъ выразителемъ этой теоріи является Гирке.

ской личности, въ смыслѣ особаго, юридически-конструируемаго, субъекта права, особеннымъ распространеніемъ и признаніемъ пользуется до сихъ поръ среди нѣмецкихъ юристовъ. Начало ея видятъ еще у Гегеля въ его Философіи права (§ 270); въ нѣмецкую литературу ввели ее особенно: Л. Штейнъ, *Die Vollziehende Gewalt*, I, стр. 3, (у него даже раздѣленіе государственной власти на монархическую, законодательную и исполнительную соединено съ довольно произвольнымъ и во всякомъ случаѣ очень неяснымъ различіемъ основныхъ моментовъ личности), Альбрехтъ и Герберъ, *Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts*, 2 изд. 1865, стр. 219—220. Наиболее классическое современное выраженіе этой теоріи у Лабанда, *Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*, I, (1876), стр. 57; Jellinek, *Gesetz und Verordnung*, 1887, стр. 190 и сл., *System der öffentlichen subjectiven Rechte*, 1892, Право современнаго государства, 1908, стр. 106—107, 122—125, 132—133. Ср. Michoud, *Theorie de la personnalité morale* (объ юридической личности государствъ §§ 82, 86, 96—97, 107—114). Bernatzik, *Kritische Studien über den Begriff der juristischen Person und über die juristische Persönlichkeit der Behörde insbesondere* (*Archiv für öffentliches Recht*, т. V. (1890) стр. 169—318), отрицаетъ элементъ воли въ понятіи юридическаго лица и видитъ въ немъ лишь субъекта права, получающаго единство отъ единства цѣли; съ этой точки зрѣнія государство для него лицо. Бернацикъ нашелъ себѣ послѣдователя изъ русскихъ авторовъ въ Ѳ. Кокшкінѣ, Къ вопросу о юридической природѣ государства и органовъ государственной власти, М. 1896, стр. 13 („Само государство есть юридическое лицо. Въ самомъ дѣлѣ, государство, признавая правоспособность подчиненныхъ ему индивидовъ и союзовъ, тѣмъ самымъ отграничиваетъ ихъ интересы отъ своихъ собственныхъ, устанавливаетъ между ними и собою систему взаимныхъ правъ и обязанностей, слѣдовательно, признаетъ и само себя личностью); Русское государственное право, М. 1908, II, 46—57.

По мнѣнію Гирке, понятіе юридическаго лица примѣнимо въ области государственнаго права только въ томъ случаѣ, если оно заключаетъ въ себѣ понятіе коллективной личности. Для этого слѣдуетъ только обратиться къ реальной дѣйствительности; требуется лишь, чтобы коллективность, какова она дѣйствительно, была признана субъектомъ права. Чтобы войти въ сферу права въ качествѣ субъекта, государство не должно быть превращаемо путемъ фикціи въ единое существо и не должно мыслиться такимъ, какимъ оно въ дѣйствительности не является. Оно должно, согласно съ реальностью, пониматься, какъ коллективное существо. Въ этомъ признакъ существенное отличіе публичнаго права отъ частнаго: частное право регулируетъ только внѣшнія отношенія недостижимыхъ въ своей внутренней жизни индивидовъ, публичное же право выставляетъ нормы для внутренней жизни коллективнаго существа. Если публичное право хочетъ ввести въ свою сферу понятіе лица, то оно должно, конечно, имѣть въ виду специфическую разницу между единствомъ общественнаго цѣлаго и единствомъ индивида. Оно должно исходить изъ того воззрѣнія, что коллективному существу свойственна личность высшаго порядка, составленная юридически регулируемымъ образомъ изъ личностей-членовъ. Не разрывать оно должно корпоративный союзъ на искусственныя и естественныя индивидуальныя личности, а понять его, какъ общественное живое существо, въ которомъ

Изъ русскихъ авторовъ сюда надо отнести также Чичерина, *Собственность и государство*, II, стр. 178—182 (юридическое лицо — фикція), А. С. Алексѣева, *Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти*, М. 1894 (хотя впрочемъ его точка зрѣнія нѣсколько неопредѣленна: онъ полагаетъ, вмѣстѣ съ Лабандомъ, что государство — юридическое лицо, какъ субъектъ права, и вмѣстѣ съ Генелемъ, что оно — *universitas*, корпорація; между тѣмъ Лабандъ и Генель держатся различныхъ точекъ зрѣнія на государство).

съ одной стороны, какъ и въ естественномъ организмѣ, частямъ противостоятъ единство ихъ обнимающаго цѣлаго, а съ другой стороны, существуетъ, въ естественномъ организмѣ немыслимое, юридическое отношеніе между общимъ и частнымъ началами. Союзное единство должно быть понято въ своемъ реальномъ единствѣ, какъ коллективная личность, и въ то же время союзнымъ частямъ должна быть сохранена въ отношеніяхъ къ цѣлому ихъ частная личность. Цѣлое и его части, не выходя изъ своего соотношенія, являются какъ другъ друга утверждающіе и обязывающіе субъекты. Это не мыслимо въ частномъ правѣ, но на этомъ стоитъ все публичное право¹⁾.

Несмотря однако на очень авторитетныхъ защитниковъ юридической конструкціи государства, какъ юридического лица, мы не можемъ принять ее. Точка зрѣнія на государство, какъ на юридическое лицо, узка; многого она не объясняетъ въ государствѣ, со многимъ становится въ противорѣчіе, и потому она, если и не должна быть отвергнута совершенно, то должна значительно быть ограничена.

Какъ ни соблазнительна на первый взглядъ эта конструкція государства, какъ ни строго логическій конструк-

1) O. Gierke, *Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft* (Schmoller's Jahrbuch, VII (1893), 31—32). Въ числѣ сторонниковъ органическаго воззрѣнія на государство, какъ на коллективное существо, обладающее свойствомъ реальной личности, самъ Гирке указываетъ на Блюнчли, Бара, Гельда, Шульце, Гарейса. Точка зрѣнія Гирке была принята въ Германіи многими: Preuss, *Gemeinde, Staat, Reich*, стр. 122, 130, 257; Rosin, *Das Recht des öffentlichen Genossenschaft*, стр. 40; R. Schmidt, *Allgem. Staatslehre*, стр. 13; Affolter, *Studien zum Staatsbegriffe* (Archiv für öffentl. Recht, XVII, 93 и сл.) и *Lehre von der Persönlichkeit des Staates* (Archiv f. of. R., XX (1906); Preuss, *Selbstverwaltung, Gemeinde, Staat, Souveränität* (Staatsrechtliche Abhandlungen für Laband, II). Теорія Гирке не нашла себѣ сторонниковъ среди русскихъ ученыхъ. Сочувственно къ ней, повидимому, относится С. Прутченко, *Современныя направленія науки государственнаго права въ Германіи* (Жур. Мин. Нар. Просв., т. 307 (1896 г.), стр. 204—271).

тивный принципъ вносить она въ сложную матерію публичнаго права, какъ ни многіе видные юристы являются ея сторонниками, однако эта теорія (по крайней мѣрѣ въ своемъ стремленіи конструировать все юридическое существо государства) наталкивается на очень сильныя возраженія и не въ состояніи включить въ себѣ весь юридическій матеріаль публичнаго права.

Прежде всего теорія юридическаго лица государства приходитъ въ противорѣчіе съ самымъ понятіемъ юридическаго лица. Если государство есть юридическое лицо, т. е. субъектъ права, именно права публичной власти, а правительство, народъ, избиратели суть лишь органы единой государственной воли, то съ точки зрѣнія государственнаго права государство должно оказаться единственнымъ субъектомъ всякаго публичнаго права; такъ какъ со всѣмъ, что находится въ государствѣ, у него есть отношеніе лица къ органамъ, а не правоотношеніе, но гдѣ нѣтъ другихъ субъектовъ права, съ которыми данное лицо могло бы вступить въ юридическія отношенія, тамъ не можетъ быть и вообще субъекта права, такъ какъ понятіе юридическаго лица предполагаетъ правоотношеніе между нѣсколькими субъектами права.

Тѣ, кто полагаютъ въ основаніе юридической конструкции государства идею юридическаго лица, забываютъ, что эта послѣдняя тѣсно связана съ идеей множественности субъектовъ права и съ отношеніями субъекта къ внѣшнему міру, а не съ его внутренней жизнью. Они придаютъ понятію лица не юридическій, а философско-психологическій или соціологическій смыслъ. Лицо можетъ быть единственнымъ съ философской точки зрѣнія, какъ разумное и недѣлимое единство, и съ соціологической точки зрѣнія, какъ организмъ, но юридическое лицо, какъ техническій приѣмъ юридической абстракціи, сводится только къ способности вступать въ юридическія отношенія съ дру-

гими лицами и потому не может быть единственнымъ. У первыхъ сторонниковъ юридическаго лица государства, дѣйствительно, и было такое смѣшеніе юридическаго и философскаго пониманія лица, и, напр., на юридическихъ воззрѣніяхъ Гербера сильно сказалось вліяніе философскихъ воззрѣній Гегеля.

Государство конструируется, какъ юридическое лицо, главнымъ образомъ для того, чтобы дать сложному политическому образованію политическое единство и, такъ сказать, юридическую вѣчность. „Мы считаемъ, что нельзя уничтожить идею личности, — пишетъ Мишу, одинъ изъ видныхъ сторонниковъ этой конструкціи, — не ослабивши необходимаго чувства единства и постоянства государства, а также и другихъ группъ, представляющихъ коллективные интересы, и съ этой точки зрѣнія мы считаемъ опасными теоріи, которыя стремятся свести всѣ права коллективности въ этихъ группахъ къ индивидуальнымъ правамъ членовъ“ (*La théorie de la personnalité morale*, I, 14—15). Мы думаемъ, что если опасно уничтожить чувство единства и постоянства государства, и если оно положительно необходимо для сношенія съ внѣ государства лежащимъ міромъ, то не менѣе опаснымъ представляется и слишкомъ усилить это единство. Если разсматривать государство въ непрерывающемся и идущемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію дѣйствіи во внѣшнемъ мірѣ, оно является живымъ единствомъ; но если разсматривать государство въ настоящемъ моментѣ и въ его статическомъ положеніи, то преувеличеніе идеи единства можетъ оказаться столь же пагубнымъ, какъ и ея отрицаніе, для индивидуальныхъ личностей, которыя какъ ни какъ все же составляютъ *raison d'être* самого коллективнаго единства, государства.

Органическая теорія государства считаетъ всѣ отдѣльныя власти въ государствѣ лишь особыми функціями еди-

ной власти государства, какъ воли юридическаго лица. Приравниваніе государственной власти къ единой волѣ государственной личности едва ли является удачною аналогіей. Воля есть явленіе индивидуально-психологическое. Въ государствѣ существуетъ лишь приспособленіе многихъ индивидуальныхъ воль, но нѣтъ единой воли государства, какъ психическаго явленія. Впрочемъ образованіе и организація государственной власти таковы, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что никакой рѣчи здѣсь объ единой воли личности не можетъ и быть. Государственная власть возникаетъ всегда не какъ выраженіе единой воли, а какъ результатъ борьбы многихъ противоположныхъ воль, что яснѣе всего видно при партійномъ правительствѣ, гдѣ власть есть компромисъ многихъ борющихся воль. Организуется обычно государственная власть такимъ образомъ, что государственныя учрежденія ни въ коемъ случаѣ и не могутъ быть выраженіемъ единой господствующей воли. Въ конституціонныхъ государствахъ власть распредѣлена между монархомъ и народомъ, въ его представителяхъ. Съ точки зрѣнія теоріи юридической личности государства никакъ не понять этого дуализма власти, не объяснить себѣ того факта, что конституціонное государство покоится на принципѣ не единой воли государства, а соглашенія воль монарха и народа, въ его представителяхъ. Совершенно не вяжется съ представленіемъ о власти, какъ о волѣ юридической личности, и вся обычная организація государственныхъ учреждений, такъ называемое раздѣленіе властей, двухпалатная система, смѣшанныя формы правленія, требующія сочетанія, соглашенія, совмѣстности многихъ воль. Порядокъ назначенія, иногда встрѣчающійся, должностныхъ лицъ по наследственному праву или жребію, порядокъ разрѣшенія дѣлъ, варьирующійся соотвѣтственно характеру дѣлъ, — все это говоритъ, что государственные органы не выражаютъ единой воли государственной личности.

Изъ теоріи государства, какъ юридическаго лица, вытекаетъ то важное въ конструктивномъ смыслѣ послѣдствіе, что правительственныя лица и учрежденія понимаются какъ органы государственной личности; между ними и государственнымъ цѣлымъ устанавливаются отношенія не взаимодѣйствія, а тожества и слитности. Государство, какъ личность, свою волю выражаетъ только черезъ органы. Это совсѣмъ иное воззрѣніе на природу правительственной власти, чѣмъ теоріи представительства. Между понятіемъ органа и представителя имѣется коренная разница. При представительствѣ существуетъ юридическое отношеніе между двумя субъектами права, представляемымъ и представителемъ, слѣдовательно, юридическое лицо, дѣйствуя черезъ представителей, дѣйствуетъ не само. Если же оно дѣйствуетъ черезъ органы, то оно дѣйствуетъ само, такъ какъ его органы не есть нѣчто отличное отъ него, они части его самого, которыми оно пользуется, какъ физическое лицо пользуется, напр., рукой или ногой. Юридическая организація, по этому воззрѣнію, представляетъ какъ бы юридическое тѣло моральнаго лица, безъ котораго оно не можетъ существовать. Съ одной стороны, юридическое лицо безъ своихъ органовъ есть юридическое небытіе, съ другой стороны, между юридическимъ лицомъ и его органами нѣтъ правоотношенія, такъ какъ они — одно. Такова эта теорія въ изложеніи самихъ ея представителей.

Съ точки зрѣнія теоріи юридической личности органы государства не могутъ считаться представителями всего государства, какъ субъекта властвующей воли. Это прекрасно показалъ Еллинекъ. „Органъ какъ таковой не является по отношенію къ государству лицомъ. Не существуетъ здѣсь поэтому двухъ лицъ — личности государства и личности органа, которыя находились бы другъ къ другу въ какомъ бы то ни было правовомъ отношеніи; государство и органъ образуютъ, напротивъ, единое цѣлое.

Государство можетъ существовать только черезъ посредство своихъ органовъ; если мыслить его безъ послѣднихъ, то остается не государство какъ носитель своихъ органовъ, а юридическое ничто. Этимъ отношеніе органа отличается отъ всякаго рода представительства. Представленный и представитель суть и всегда остаются двумя лицами, союзъ и органъ — всегда составляютъ одно лицо“ (Право современнаго государства, стр. 372—3). Съ точки зрѣнія этой теоріи совершенно не объяснимо юридическое положеніе органовъ. Ею исключаются всякія столкновенія и взаимоотношенія правъ и обязанностей государственныхъ учреждений, такъ какъ они лишь органы единой личности, а между органами это не возможно. Органы не могутъ имѣть права на осуществляемую ими власть, на свою собственную компетенцію, такъ какъ всѣ права на компетенцію принадлежатъ самой юридической личности государства, лишь представленной органами, и не допустимо, чтобы органъ могъ обладать правами по отношенію къ лицу, волю котораго онъ призванъ выражать. При такомъ пониманіи положеніе органа власти, его такъ называемый статутъ, теряетъ всякое положительное содержаніе. Въ государствѣ каждый гражданинъ, скажемъ избиратель, есть не самостоятельный субъектъ правъ, а только носитель и выразитель общегосударственной воли! Еллинекъ, отстаивавшій теорію юридической личности государства, пытался объяснить публичные права гражданъ, лишь какъ признаваемые государствомъ правоспособности (*System der öffentlichen subjektiven Rechte*, 1892), какъ извѣстныя положенія, статуты, предоставленныя лицу государствомъ, но это ему очень мало удалось, и вся его теорія очень слаба. И правоспособность можетъ принадлежать только лицу; но право не можетъ быть понимаемо только какъ способность имѣть право. Въ субъективномъ публичномъ правѣ гражданъ заключается возможность активнаго воздѣйствія на государ-

ство. Если государство есть единая юридическая личность, то никаких юридических отношений не может быть между нимъ и его частями; между тѣмъ все государственное и административное право убѣждаетъ насъ въ юридическомъ характерѣ внутренне-государственныхъ отношений. Если правительство есть органъ юридического лица государства, а воля государства имѣетъ свое бытіе только въ своихъ органахъ, т. е. въ правительствѣ, то изъ этого слѣдуетъ неизбѣжный выводъ, что никакихъ юридическихъ требованій, никакого права по отношенію къ правительству у гражданъ быть не можетъ. Граждане не могутъ имѣть публичныхъ правъ; они не могутъ быть субъектами права, а лишь объектами; но въ такомъ случаѣ не можетъ быть и никакого государственнаго и вообще публичнаго права, такъ какъ всякое право предполагаетъ соотношеніе между лицами.

При конструированіи государства, какъ юридического лица, совершенно необъяснимо правовое соотношеніе правительства и народа, составляющее основной фактъ политической исторіи государствъ. Если правительство выражаетъ волю государства, какъ лица, то и народъ не только объектъ властвованія, и онъ нерѣдко очень недвусмысленно обнаруживаетъ — и въ юридическихъ формахъ — наличность самостоятельной воли. Для сторонниковъ разбираемой нами конструкции государствъ необъяснимъ тотъ фактъ, что парламентъ, наравнѣ съ монархами, въ конституціонныхъ государствахъ можетъ выражать волю государства, такъ какъ это значило бы раздвоить единую волю государственной личности¹⁾.

1) Понятно, почему, напр., Лабандъ одинъ изъ сторонниковъ этой теоріи, объявилъ, что и въ конституціонной монархіи государь есть единственный носитель нераздѣльной государственной власти (*Staatsrecht des deutschen Reiches*, I (1888), стр. 515). Сравнительная бесплодность нѣмецкой литературы по государственному праву, при ея чревы-

Идея личности есть идея единства воли. Если государство есть только юридическое лицо, то совершенно необъяснимо, какимъ образомъ могутъ существовать въ государствахъ автономныя области и даже федерированные штаты и кантоны. Всякая автономія есть признаніе личности въ личности, т. е. логическое противорѣчіе, и понятно, почему съ точки зрѣнія теоріи юридической личности государства такую непреодолимую трудность представляетъ объясненіе природы федеративныхъ соединеній. Стремленія всѣ государственныйя отношенія понять, какъ выраженіе единой воли государственной власти, заставляють преувеличенно отстаивать централистическую точку зрѣнія и все сводить къ унитарному принципу. Для этой юридической конструкторіи не понятна также и дѣятельность самостоятельнаго суда, выражающаго не государственную волю, а дающаго свое собственное, независимое рѣшеніе. Юридическое лицо есть правовое конструктивное созданіе и свое единственное основаніе оно находитъ въ организованномъ въ государство обществѣ, какъ источникъ всякаго права. Принимая теорію юридического лица государства, придется допустить, что государство само себѣ создаетъ юридическія основанія для своего властвованія, что противорѣчитъ понятію права, какъ гетерономнаго начала.

чайной интенсивности, объясняется по нашему мнѣнію въ значительной степени пагубной исходной идеей юридической личности государства. Правильно говоритъ Ельяшевичъ: „Противоположеніе римско-правовыхъ и германско-правовыхъ союзныхъ образованій натолкнуло германистовъ на изслѣдованіе внутренней природы послѣднихъ, и здѣсь ими сдѣлано не мало. Но они не разграничили надлежащимъ образомъ юридической личности отъ прочихъ сторонъ явленія, моменты, добытые при изслѣдованіи внутренней структуры, они внесли въ самое понятіе юридического лица, и проконструировали такимъ образомъ свою *Genossenschaft*, отличную отъ римской корпораціи. Этимъ они сами закрыли себѣ путь одинаково какъ къ правильной оцѣнкѣ юридической личности, такъ и къ непредвзятому изученію разнообразныхъ формъ ассоціаціи независимо отъ юридической личности“ (Юридическое лицо, стр. III, 448—456).

III.

Бросающіяся въ глаза слабыя стороны теоріи, стремящейся юридически конструировать государство, только какъ юридическое лицо, естественно очень многихъ теоретиковъ заставляютъ отказаться отъ идеи юридической личности и понять государство, какъ сложное правоотношеніе, какъ юридическій порядокъ, правовой институтъ, и возвратиться такимъ образомъ къ старой, еще аристотеліанской традиціи разсматривать государство не какъ единство, а какъ множественность (Политика, II, 1, § 4). Въ русской литературѣ наиболѣе послѣдовательнымъ защитникомъ этого воззрѣнія на государство былъ Коркуновъ. „Государственная власть, по его мнѣнію, не воля властвующаго, а сила, основанная на сознаніи зависимости отъ государства, основаніе единства власти заключается не въ единствѣ воли органовъ власти, а въ единствѣ побужденія, въ силу котораго ихъ велѣніямъ подчиняются. Государство сохраняетъ свое единство, хотя бы распоряженіе государственною властью опредѣлялось въ немъ многими самостоятельными, независимыми другъ отъ друга волями, если только подчиняются всѣмъ этимъ волямъ въ силу одного и того же побужденія: сознанія общей зависимости отъ даннаго государства. Но конечно, такое единство есть уже не единство личности, а единство отношенія. Государство, при такомъ пониманіи власти, представляется не единою юридическою личностью, подчиняющею своей волѣ всѣхъ составляющихъ его гражданъ, а единымъ юридическимъ отношеніемъ, въ которомъ граждане — суть субъекты, въ которомъ власть, какъ сила, проистекающая изъ сознанія гражданами ихъ общей зависимости отъ государства, составляетъ общій, единый объектъ всѣхъ тѣхъ правъ, изъ которыхъ складывается содержаніе государственнаго правоотношенія“ (Указъ и законъ, стр. 195).

Точно также и Соловьевъ видѣлъ государствѣ не юридическое лицо, а „общественное тѣло съ опредѣленной организаціей, заключающее въ себѣ полную положительнаго права или единую верховную власть“ (VII, 394—5). При чемъ три различныя власти государства, законодательная, судебная и исполнительная, правильно должны быть дифференцированы и раздѣлены, но въ то-же время сведены къ высшему единству черезъ одинаковое ихъ подчиненіе единой верховной власти (VII, 394). И это обозначеніе имѣ государства какъ тѣла, а не какъ лица, было не случайно и не безсознательно. Соловьевъ и государство строилъ на той же синтетической идеѣ равновѣсія, которую онъ полагалъ въ основаніе права. Лишь государство рабское, восточное сводится вполнѣ къ началу чистаго господства, государство же западное, основанное на противоборствѣ политическихъ силъ, „должно явиться какъ состояніе равновѣсія многихъ силъ. Это равновѣсіе выражается въ законѣ. Каждая изъ борющихся силъ выставляетъ свое право, но эти права, сами по себѣ неопредѣленные и безграницныя, а потому и исключаютъ другъ друга, могутъ совмѣститься и уравниваться только подъ условіемъ общаго для нихъ всѣхъ предѣла. Этотъ общій предѣлъ всѣхъ правъ, предъ которымъ всѣ равны, и есть законъ. Западное государство, какъ равновѣсіе борющихся правъ, есть по преимуществу государство закона“. Когда борющіяся партіи приходятъ въ окончательное равновѣсіе черезъ полное уравненіе въ правахъ, тогда находятъ себѣ осуществленіе законное правовое государство. „Если государство есть равновѣсіе живыхъ реальныхъ силъ, то оно не можетъ представляться одною отвлеченною мертвою формулой закона. Законъ долженъ быть воплощенъ. Воплощеніе закона есть власть“ (III, 371). Соловьевъ даже вообще отождествляетъ государство съ понятіемъ равновѣсія: „Государство, т. е. равновѣсіе общественныхъ силъ“ гово-

рить онъ (III, 376). Власть, по Соловьеву, есть живая дѣйствительная сила, всѣхъ уравнивающая. „Государство представляет собою устой (status) человѣчества противъ внѣшнихъ стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ на него и въ немъ“ (III, 370).

Не менѣе категорически въ пользу пониманія государства только какъ общества, какъ сложнаго отношенія, высказался и Дюги, посвятившій доказательству этой теоріи большую часть своего двутомнаго труда *L'Etat* (въ особ. I, 229 и сл.). „Въ самомъ широкомъ смыслѣ, слово государство обозначаетъ всякое человѣческое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціация между правящими и управляемыми, или гдѣ, по общепринятому выраженію, существуетъ политическій авторитетъ. Племена центральной Африки, повинующіяся начальнику, такъ же является государствами, какъ и обширныя европейскія общества, съ ученымъ и сложнымъ правительственнымъ аппаратомъ. Но слѣдуетъ добавить тотчасъ же, что слово государство специально примѣняется для обозначенія обществъ, гдѣ политическая дифференціация достигла извѣстной степени“ (*Traité de droit constitutionnel*, 1911, стр. 22).

Нѣсколько иначе развиваетъ подобное воззрѣніе на государство и Горіу, не считающій впрочемъ возможнымъ обойтись, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и безъ конструирования юридической личности государства ¹⁾. Государство для него, рассматриваемое съ точки зрѣнія объективнаго момента, есть политическій порядокъ, основывающійся на равновѣсіяхъ. Равновѣсіе есть существенный при-

1) Въ своей во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательной книгѣ: Maurice Hauriou, *Principes de droit public*, P., 1910. Теорія Горіу подробно была нами изложена въ статьѣ Новая теорія государственнаго права (Журн. Мин. Юст., 1911, № 5).

знакъ государственнаго порядка, который весь покоится на рядѣ равновѣсій, къ которымъ относятся: равновѣсіе, которое называется Горіу равновѣсіемъ политическихъ наслоеній, устанавливающееся потому, что государство не первичная политическая формація, а возникаетъ у населенія, уже владѣющаго политическими институтами; политико-экономическія равновѣсія, проистекающія отъ того, что въ государствѣ экономическій рынокъ включается въ политическое установленіе; соціальныя равновѣсія; наконецъ, рядъ политическихъ, конституціонныхъ и административныхъ равновѣсій, скомбинированныхъ въ виду обезпеченія и поддержанія гражданскаго строя (раздѣленіе военной и гражданской власти, раздѣленіе власти религіозной и гражданской, раздѣленіе конституціонныхъ властей и т. д.). Основное конституціонное равновѣсіе есть равновѣсіе между тремя правительственными властями и общимъ національнымъ порядкомъ, другими словами между правительствомъ и націей, или между властью и совокупностью „установившихся положеній“. Фактическія состоянія во всякой политической организаціи поддерживаются дѣйствіемъ власти; эти поддерживаемыя властью фактическія состоянія являются всегда выгоднымъ положеніемъ для какого-нибудь пользователя. Вся общественная (экономическая и политическая) организація страны можетъ быть сведена къ совокупности такихъ „установившихся положеній“, поддерживаемыхъ господствующей властью и вытекающихъ изъ осуществленія власти надъ какимъ-нибудь объектомъ, надъ территоріей, надъ группою людей, съ цѣлью поддержать извѣстное состояніе вещей. Господствующая власть создаетъ положенія, эти положенія порождаютъ въ свою очередь власть, но эти двѣ силы (господствующая власть и положенія) вступаютъ въ конфликтъ, и изъ ихъ оппозиціи рождается равновѣсіе. Съ равновѣсіемъ между господствующей властью и совокупностью опредѣленныхъ положеній связанъ конститу-

ціонный механизмъ. Представительный избирательный режимъ есть методическая и раціональная организація равновѣсія между государственной властью и совокупностью опредѣленныхъ положеній, при чемъ эти послѣднія представлены націей, въ которой сосредоточивается сила реакціи противъ правительства.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія равновѣсія власти и опредѣленныхъ положеній, государство является прежде всего институтомъ, политическимъ установленіемъ. Слово институтъ (установленіе) обозначаетъ всякую организацію, созданную обычаемъ или закономъ, даже если это — простое средство юридической техники. Среди институтовъ находятъ себѣ мѣсто и политическіе институты, т. е. всѣ политическія тѣла, которыя стремятся охватывать цѣликомъ членовъ группы или жителей страны и осуществлять всеобщую компетенцію. Государство причисляется Горіу къ разряду такъ называемыхъ имъ „инкорпорированныхъ“ (т. е. обладающихъ характеромъ живого тѣла) политическихъ институтовъ. Подъ этими послѣдними разумѣются имъ „соціальныя организаціи, находящіяся въ соотвѣтствіи съ общимъ порядкомъ вещей, обезпечивающія свое индивидуальное постоянство внутреннимъ раздѣленіемъ властей и реализующія въ своихъ нѣдрахъ юридическое положеніе“. Институтъ есть общественная организація, т. е. организація, составленная изъ коллективности индивидовъ, что придаетъ институту настоящую общественную реальность, отличную отъ реальности индивидовъ. Постоянство общественной организаціи должно быть обезпечено равновѣсіемъ внутреннихъ силъ. Организація дѣлается институтомъ только въ томъ случаѣ, если она показываетъ себя прочною, т. е. если она продолжаетъ свою жизнь съ однообразнымъ движеніемъ. Институтъ сохраняется въ своемъ однообразномъ движеніи равновѣсіемъ внутреннихъ силъ: коллективныхъ или индивидуальныхъ, матеріальныхъ, сознательныхъ и моральныхъ; это равновѣсіе есть равновѣсіе

живыхъ органовъ, въ которыхъ энергія сохраняется черезъ преобладаніе одного изъ нихъ, т. е. равновѣсіе политическаго института есть практическій синтезъ на основѣ власти. Среди наличныхъ силъ имѣется одна, господствующая надъ другими; власть ея умѣряется сопротивленіемъ послѣднихъ, однако она опредѣляетъ структуру и направленіе цѣлаго. Необходимое владычество одной изъ силъ надъ другими въ національномъ институтѣ есть основа правительственнаго или національнаго суверенитета. Господствующая власть должна быть однако умѣрена и уравновѣшена раздѣленіемъ властей. Раздѣленіе властей есть внѣшній признакъ не только политическихъ институтовъ, но и всякихъ обществъ и корпорацій, всегда имѣющихъ нѣсколько органовъ.

Идея юридической личности государства мало свойственна вообще какъ французскимъ конституціоннымъ теоріямъ, такъ и англійскому публично-правовому воззрѣнію. Гачекъ въ своей книгѣ объ Англійскомъ государствѣ въ своей книгѣ объ Англійскомъ государствѣ правѣ отмѣчаетъ, что въ Англіи совершенно не имѣетъ успѣха ни въ теоріи, ни на практикѣ идея юридической личности государства. Государство въ Англіи не корпорація, не юридическое лицо, а союзъ, *communitas*, какъ графство, пассивный союзъ. Изъ отрицанія за государствомъ характера корпораціи вытекаетъ рядъ послѣдствій. 1) Нѣтъ никакого субъективнаго публичнаго права ни государства, ни противъ государства. Вмѣсто этого существуютъ права государственныхъ органовъ другъ по отношенію къ другу, такъ, напр., королевскія прерогативы, привилегіи парламента, права индивидовъ противъ государственныхъ органовъ, вродѣ права не быть облагаемымъ свѣше парламентскаго постановленія, наконецъ, права государственныхъ подданныхъ другъ передъ другомъ, напр. субъективное право выбирать и субъективное право не быть облагаемымъ выше, чѣмъ другіе плательщики налоговъ. 2) Нѣтъ никакого

противоположенія частнаго и публичнаго права, субъективных частных и публичныхъ правъ, такъ какъ разъ государство не понимается какъ корпорація, то не хватаетъ характернаго признака субъективнаго публичнаго права, заключающагося въ томъ, что оно направляется въ видъ притязанія индивида противъ государства, какъ субъекта властвованія, или обратно. 3) Субъектомъ гражданскаго права также является не государство, а корона, ибо государство вообще никогда не бываетъ корпораціей, а всегда остается пассивнымъ союзомъ. Поэтому и здѣсь мы находимъ въ понятіи государства тѣ же своеобразныя черты, какъ и въ другихъ пассивныхъ союзахъ мѣстнаго самоуправления; именно имѣются только отдѣльные органы, обладающіе юридической личностью гражданскаго права черезъ посредство такъ называемой инкорпораціи. Корона является такой же юридической личностью въ пассивномъ союзѣ государства, какъ совѣтъ графства въ графствѣ¹⁾.

Какъ ни относиться къ такой объективно-реалистической конструкціи, нельзя отрицать, что ею очень многое объ-

1) Hatschek, *Englisches Staatsrecht*, I (1905), § 11 и 14, стр. 75 и сл., 91 и сл. Впрочемъ и въ нѣмецкой юридической литературѣ раздавались голоса въ пользу пониманія государства не какъ юридической личности, а какъ юридическаго порядка. Укажемъ на Іеринга, на Генеля, на Бирлинга. По мнѣнію Іеринга, государство должно быть конструируемо какъ *societas* (*Zweck im Recht*, 2 изд. I, 295). Генель полагалъ, что внутренне-государственные отношенія суть лишь отношенія множества взаимодействующихъ человѣческихъ и индивидуальныхъ волей. Государство есть корпорація въ смыслѣ коллективнаго отношенія. За органами или членами государства нѣтъ никакого единаго субъекта права. Всѣ права и обязанности, возникающія внутри корпоративнаго государственнаго союза имѣютъ носителями и н д и в и д о в ъ. Дѣлать изъ корпораціи, какъ таковой, субъекта какихъ-нибудь правъ и обязанностей значитъ создавать абстракцію, которой ничто въ дѣйствительности не соответствуетъ, или ничего не объясняющую метафизическую гипотезу (*Deutsches Staatsrecht*, I, 96 и сл.). По мнѣнію Бирлинга, также, юридическая личность государства — фикція (*Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe*, II, 215—255; *Juristische Prinzipienlehre*, I, 309 и сл., II, 345 и сл.).

сняется въ государственной жизни лучше, чѣмъ теоріей юридической личности государства. Права публичной власти государства и внутренне-государственныя отношенія получаютъ себѣ болѣе удовлетворительное объясненіе, если на государство посматрѣть какъ на сложное юридическое отношеніе между властвующими и подвластными, съ одной стороны, и различныхъ органовъ власти между собой, съ другой стороны. Какъ съ соціологической точки зрѣнія, государство, подобно муравейнику, улью или коралловому образованію, не есть единое живое цѣлое, съ особою единою волей, а нѣкоторое установленіе, надѣленное своеобразной жизнью и отличающееся нѣкоторыми чертами органическаго характера, такъ какъ составныя его части суть живые люди, такъ и юридически разсматриваемое государство есть порядокъ, строй, общество, *societas*, сложное отношеніе, организованное равновѣсіе, дѣлающееся единствомъ только въ нашемъ представленіи черезъ ту цѣль, которую мы для него утверждаемъ. Нельзя признать правильнымъ возраженія (приводимаго между прочимъ и Еллинекомъ), что государство не можетъ быть конструировано, какъ юридическое отношеніе, такъ какъ въ дѣйствительности оно является суммой множества отношеній, изъ которыхъ нельзя логически вывести понятія единого отношенія. Въ сущности, всякое юридическое отношеніе есть лишь логическое отвлеченіе, объединяющее въ цѣлое всю множественность конкретныхъ отношеній. Съ нисколько не меньшимъ успѣхомъ то же воззрѣніе могло бы быть проведено и противъ пониманія государства, какъ юридическаго лица. Юридическое лицо на самомъ дѣлѣ представляетъ собою цѣлую совокупность, сумму конкретныхъ лицъ. Государство есть сложное отношеніе, какъ порядокъ, единство котораго есть единство синтеза, покоящагося на совпаденіяхъ и равновѣсіяхъ.

IV.

Мы полагаемъ, что и теорія государства, какъ юридическаго лица, и теорія государства, какъ правоотношенія, юридическаго порядка и института, ни вполнѣ ложны, ни вполнѣ правы. Каждая изъ нихъ неправильно ставитъ вопросъ: ни юридическое лицо, ни юридическое отношеніе не объясняютъ всей правовой природы государства, и представленіе о томъ, что государству во всѣхъ отношеніяхъ должна быть дана одна юридическая конструкція есть ни на чемъ не основывающійся предразсудокъ. Существуютъ стороны правовой жизни, гдѣ государство неизбѣжно выступаетъ какъ юридическое лицо, существуютъ другія стороны, гдѣ оно есть лишь сложный порядокъ, отношеніе, *societas*. Предположеніе о томъ, что пониманіе государства, какъ юридической личности, не совмѣстимо съ пониманіемъ его какъ правоотношенія, вытекало изъ невѣрныхъ воззрѣній на природу юридическаго лица¹⁾.

1) На природу юридическаго лица, какъ таковаго, существуютъ однако различныя воззрѣнія, и эта разница взглядовъ, конечно, отражается и на томъ или иномъ пониманіи государства. На русскомъ языкѣ имѣются обстоятельныя и тонкія изслѣдованія объ юридическомъ лицѣ: Суворовъ, *Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву*, Ярославль, 1892 (дастъ очень подробную исторію различныхъ теорій юридическаго лица); Дювернуа, *Изъ курса лекцій по гражданскому праву*, т. I. Введеніе и Часть общая (Ученіе о лицахъ), 3 изд. СПб. 1898, стр. 372—547; Ельяшевичъ, *Юридическое лицо въ римскомъ правѣ*, СПб. 1910 (Этотъ авторъ приходитъ къ наиболее убѣдительнымъ выводамъ о природѣ юридическаго лица, въ которыхъ мы вполнѣ съ нимъ сходимся). Слѣдуетъ указать также на рядъ капитальныхъ работъ объ юридическомъ лицѣ, появившихся за послѣднее время на французскомъ языкѣ: особенно *De Vareilles-Sommières, Les personnes morales*, P. 1902 (одно изъ лучшихъ существующихъ изслѣдователей по этому вопросу; отрицаетъ юридическое лицо); *Léon Michoud, La théorie de la personnalité morale*, P. 2 т., 1906 (классическое произведеніе; ясно и съ большою тонкостью излагаетъ существующія теоріи; признаетъ реальность юридическаго лица). Кромѣ того *R. Saleilles, De la personnalité juridique*, P. 1910; *E. Clunet, Les associations au point de vue historique et juridique*, т. 1, P. 1909 (съ

Правильное и въ настоящее время мало-по-малу утверждающееся воззрѣніе на юридическое лицо видитъ въ немъ лишь особый пріемъ юридической техники, въ силу котораго извѣстная множественность лицъ объединяется понятіемъ субъекта права, и воля опредѣленныхъ органовъ соединенія считается какъ бы волею самой этой множественности лицъ. Юридическое лицо, какъ пріемъ юридической техники, имѣетъ въ виду лишь „ввести въ гражданскій оборотъ различнаго рода сложныя организаціи“. Внутреннее строеніе юридическихъ лицъ остается самымъ разнообразнымъ; извѣстныя соединенія лицъ искусственно объединяются, какъ субъекты права, но понятіе юридической личности ничего намъ не даетъ для пониманія внутреннихъ отношеній этихъ сложныхъ субъектовъ права.

Понятіе юридическаго лица характеризуетъ лишь отношенія даннаго союза къ внѣ его лежащему міру и совершенно не пригодно для пониманія внутреннихъ отношеній. Эта мысль прекрасно формулирована была Ельяшевичемъ, въ его работѣ объ Юридическомъ лицѣ. Гос-

обширными литературными указаніями). Изъ прежнихъ также Van den Neuvel, *Situation légale des associations sans but lucratif*, 2 изд., Bruxelles, 1884 (отрицаетъ юридическое лицо; истинные субъекты права физическія лица). Изъ новѣйшихъ особенно Maurice Hauriou, *De la personnalité envisagée comme élément de la réalité sociale* (*Revue générale du droit*, 1898) и *Principes de droit public*, P. 1910, стр. 639—693. Новѣйшая нѣмецкая литература объ юридическомъ лицѣ, за исключеніемъ цитированной уже нами работы вѣнскаго профессора Бернадика, гораздо менѣе интересна. Можно указать: Meurer, *Die juristischen Personen nach deutschem Reichsrecht*, 1901 (склоняется къ теоріи фикціи юридическаго лица); E. Hölder, *Natürliche und juristische Personen*, 1905 (юридическія лица — не лица; дѣйствительные субъекты имущества скорѣе только физическія лица); Гельдеру слѣдуетъ Binder, *Das Problem der juristischen Persönlichkeit*, 1907. Интересна статья Otto Mayer, *Die juristische Person und ihre Verwertbarkeit im öffentlichen Recht* (въ *Staatsrechtliche Abhandlungen. Festgabe für Paul Laband*, т. 1., Tübingen, 1908. стр. 1—94).

подствуюція теоріи пошли въ изученіи природы юридическихъ лицъ неправильнымъ путемъ. Онѣ довольствовались тѣмъ положеніемъ, что юридическія лица выступаютъ въ оборотѣ какъ самостоятельные носители правъ и обязанностей; онѣ „субстанціировали“ это свойство и вмѣсто того, чтобы заняться изученіемъ юридического характера разнообразныхъ юридическихъ явленій, обладающихъ указаннымъ свойствомъ, занялись изученіемъ „природы“ этого понятія. Между тѣмъ единственное, что объединяетъ самыя разнообразныя и сложныя юридическія явленія въ такъ называемыя юридическія лица, есть эта способность выступать въ гражданскомъ оборотѣ въ качествѣ самостоятельныхъ носителей правъ и обязательствъ. Внутреннее строеніе, внутреннія отношенія юридическихъ образований нисколько не затрагиваются и не опредѣляются тѣмъ, что эти образования (общины, частныя союзы, промышленныя товарищества и т. д.) выступаютъ во внѣ въ качествѣ юридическихъ лицъ. „Внутреннія юридическія отношенія во всѣхъ этихъ организаціяхъ остаются внѣ всякаго вліянія юридической личности, внѣ всякой зависимости отъ нея. Права и обязанности членовъ даннаго союза между собой, ихъ взаимныя отношенія по имуществу продолжаютъ быть совершенно такими же, какими были до надѣленія союза гражданской правоспособностью. Здѣсь юридическая личность ничего не мѣняетъ. Представленіе ассоціаціи правъ юридического лица не есть экспроприація членовъ въ пользу какого то новаго субъекта. Добиваясь этихъ правъ, члены союза стремятся не къ умаленію собственныхъ правомочій, не къ измѣненію своего отношенія къ общему имуществу, а къ созданію болѣе совершенныхъ формъ представительства этого имущества во внѣ, къ установленію болѣе удобныхъ условій участія въ общей юридической жизни“. По внутреннему строенію юридическихъ образований мы не можемъ судить о томъ, является оно или не является юри-

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: офиціальный и научный.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
